ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ РОССИИ

не поклонившись
не выпрямишься

Видимая

ИСТОРИЯ XVII века

Устный рассказ

Валентиновка
Памятники исторической мысли
2024

Художник
А.Г. СТРОЙЛО

Видимая история XVII века. Устный рассказ. Валентиновка: Памятники исторической мысли, 2024. 000 с.
МСКН 978-5-88451-375-4-2

Конечно, увидеть всю историю XVII века нельзя. Так же нельзя её всю написать, прочитать, сочинить, исследовать, изучить. Можно (и нужно) анализировать архивные документы без устали, сопоставлять, ставить в систему воззрений и прочее. Трудно сказать, кто точнее знал и понимал историю Отечественной войны 1812 года – Е.В. Тарле в середине XX века, или Л.Н. Толстой в начале. Логика научного и художественного исследования равноправны, только одно доказывает, а второе убеждает.

Для правильного понимания истории XVII века надо её просто начать не с петровского 1601 года, а с послегрозненского 1589 года. Патриаршество так же пронизывает историю того века, как коммунизм пронизывает историю XX-го. Причём понять это можно, только если глядеть открытыми глазами на мотивационную сторону истории, о которой вообще ничего не известно и ещё менее доказательно формулируемо. Зачем появилось патриаршество при Фёдоре Иоанновиче, а точнее, при Борисе Годунове? Что такое Святая Святых, строительные материалы для которой были завезены на Ивановскую площадь при Борисе? Как бывший крестьянин набрался наглости задумать Новый Иерусалим, не была ли Святая Святых в памяти? Как Большой собор, главный нерв истории XVII века, умудрился не попасть в учебники и энциклопедии, даже монографии? Один ответ – не посмели, и нынешние авторы тоже.

"Письма и бумаги Петра I" после А.А. Преображенского публиковать некому, за проект издания материалов Большого собора, по важности не уступающий Стоглаву ни полкопеечки, проект, превосходящий даже первостатейную публикацию Соборного уложения, просто некому взяться: требуется двести человеколет.

А Великая перечеканка?

Другое время, другая страна, другое содержание событий. Но есть что-то роднящее – торжество здравого смысла над всеми остальными побудительными причинами управляющих действий кого бы то ни было.

Задача этой книги – не доказать и не убедить, а показать обрывки общей картины, разорванные кусочки фотографии, которые удалось подобрать и рассмотреть. Научности нет, потому что всё субъективно и бездоказательно, художественности нет, потому что после литературы XIX–XX веков надеяться на сочинение чего-то художественного – безрассудство. Всё равно что приобнять за плечо в Елабуге Марину Цветаеву у калитки и спросить: «Ну что, брат Пушкин, как дела-то?». Или Исайю Берлина попросить передать привет Анне Ахматовой, при случае, разумеется. Всё нижеследующее – итог незрелых беглых мыслей, поскольку бог не дал ещё и изобразительных способностей, то даже croquis начертать не удастся, придётся ограничиться подписями под случайно выхваченными, бессистемными картинками, которые просто интересно разглядывать безотносительно к тому, что

кто-то о них думает. Они расставлены немножко по порядку во времени, да и то не всегда, и говорят сами за себя лучше, чем умные анализы.

Но и некоторая цель тоже преследуется, явно и неявно. Croquis изображаются не карандашом, а фотоаппаратом, щёлканье затвора которого можно откомментировать, словно это он виноват, а не мы увидели нечто поучительное. Уроки – потому что даже такая унылая пошлость, как «она учит лишь тому, что ничему не учит», к XVII веку неприменима. Весь век не научен и этой малости, он целиком и без остатка ушёл на подготовку, обоснование, предвосхищение и расчистку площадей для реформ Петра I и больше ни на что не годен, будучи инвалид по причине кромешного мракобесия и нарочного отставания из-за великой неспособности сотворить ничего путного из столь кривой тесины, как русский человек, которого только кнут может выгнать на подвиг, и тогда уж он дремать никому не даст. И во многих головах эта крикливая глупость застряла так крепко, что не позволяет заметить: отсталость России – камень, от которого отталкивается сначала просвещённый «автодидакт» (попросту говоря, неуч) Пётр, потом целый век «безумно-мудрого» движения к попытке Сперанского, далее встрепенувшийся Герцен то с гор, то из тумана будит всех остальных и Достоевского, а уж тот обнаруживает бесов, которые полтора века ищут «особый путь» обязательно в костромских болотах. Рельсы в головах, проложенные на уроках истории и литературы, на лекциях и семинарах блистательных преподавателей и профессоров, колеи, самостоятельно, собственными руками в своих же мозгах выштробленные в библиотеках и архивах, нельзя проложить заново, как нельзя вернуться во младенческие лета. Эти рельсы и колеи можно только продолжать и углублять, а вскоре убедиться в том, что горизонт перестал удаляться, в него упёрлись лбом, а он стоит, бесконечная прямая загнулась в кольцо, звукосниматель пилит пластинку по кругу в одном месте, копеечная мыслишка с песчинку размером сбивает

Портал северного выхода из Успенского собора московского кремля (XVI век)

на бесконечные повторы, колючки колются, а есть хочется, а слёзы льются, а толку нет.

Всё, что сходит с тропы, которую помнят не глаза, а ноги, пугает так же, как лежащий на боку поезд, руки сами вслепую нащупывают что-нибудь твёрдое и несомненное, наверняка, неколебимо заякоренное, точку опоры, а уж рычаги мы потом сами настрогаем, сначала надо опереться и оглядеться.

Время от времени приходится оглядываться – за что бы зацепиться взглядом, потом присмотреться, потом разглядеть, даже вглядеться, наконец, увидеть, и ахнуть: «Так вот же ж!» Серебряковская юница с расчёской над косой глаз-то имеет такой же, как Юта у Эккехарда, а это не просто Наумбург, это тысячный год от РХ. У нас двуногие крокодилы Старую Рязань жгут, а в Амьене размышляют, какой бы собор построить за 68 лет во второй половине XIII столетия, чтобы с ним 700 лет соревновались и победы бы не было ни у кого, ни у новых, ни у старых.

Рельсы тонут в колеях, когда глаза аж щиплет от того, что они замылились, надо промыть их и продрать, увидеть ещё раз, заново: мир тот же, а выглядит иначе. Вот это новое надо успеть схватить, поймать, не забыть, как звукоряд во сне. Во сне он виден воочию, цветной, отчётливый, приятный наощупь, аж звенит, но если не вскочил, не записал тотчас, – утром на полу только бесцветные обрывки, восстановить нельзя, хоть волосы рви и плачь от огорчения, что оказался такой сонный ленивый глупец – за бриллиантом не нагнулся.

Крики про кроки останутся пустозвонством, если в грязи не алмаз, а самый обычный сверкач, просто каменюка. Хотя и тогда потуги небессмысленны. Собрание камней небезынтересно хотя бы для собирателей камней, их можно отмыть, разложить и систематизировать по каким-нибудь признакам, даже просто по цвету. Мыслишка простенькая, но надёжная, не своротишь.

Вместо постулатов, на которые опирается логика изложения, используем сооружения, появившиеся примерно в те годы, о которых пойдёт речь. Царёв Борисов городок, к примеру, ничего по себе не оставил, но и то, что осталось, очень малоизвестно, как Преображенская церковь в Острове, хотя слава её должна бы затмевать и знаменитость Вознесенской в Коломенском, и открыточную символичность Покровской на Рву. Одинаково верны противоположные утверждения: «она не

известна никому» и «все про неё знают». Все знают про церковь в Больших Вязёмах и её связи с А.С. Пушкиным. И никто не знает, что это памятник годуновского времени (кроме специалистов). Чтобы известность соответствовала их значению, надобно ставить их в систему, в свой ряд, а для этого надо выстроить ряд, отличный от описанного, от второй царицы «ума малого» до очередного генерального секретаря «ума ничтожного».

Крохотны эти croquis потому что силы невелики и к трёмстам годам русской историографии даже самую малую капельку прибавить – целеполагание скорее нахальное, чем имеющее шансы на успех. Золотник, унция и гран – недостаточно малые величины, чтобы разглядеть атомарный вес автора рядом с многосоттонными скалами Шахматова, Устюгова, Зимина или Демидовой (число фамилий каждый может умножить на сто не один раз).

Кроки – и есть соединение уроков и крох. Они меньше, чем очерки и хуже, чем наброски, из них нельзя нарисовать картину, но можно использовать, чтобы с подобающей ловкостью охватить ответ на вопрос, задать который осмеливается редкий историк: «Как же оно было на самом деле?» Кроки хороши краткостью взгляда. От фиксирующего ума до фиксируемого объекта малое расстояния, нет места и времени для придумок и фантазий, то есть для сознательного или непроизвольного (для красоты, например) вранья.

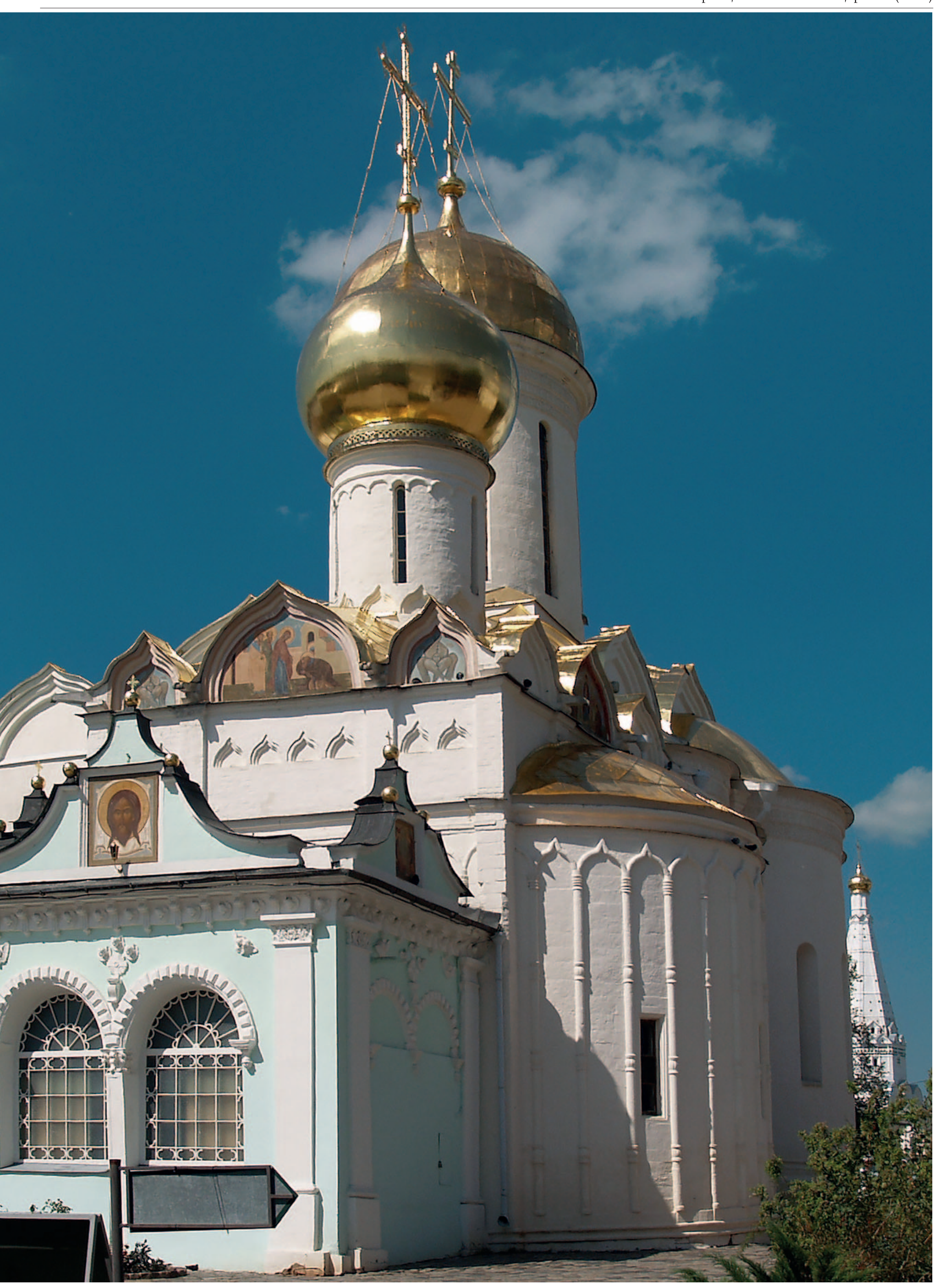
Чтобы автора совсем уж легко было проверить, расскажем, как строился тот ряд, та «система», в которой бесы Ф.М. Достоевского не совсем уж обязательно должны были сожрать ангелов Н.С. Лескова. Это не «альтернативная история», упаси бог. Это попытка иначе понять то, что давно и твёрдо известно, иначе объяснить, иначе связать и выстроить события, потому что некоторые «локти» обязательно больно вылезают из привычного течения событий, и существующие объяснения ничего не объясняют не потому, что ученик плохой, а потому что объяснение

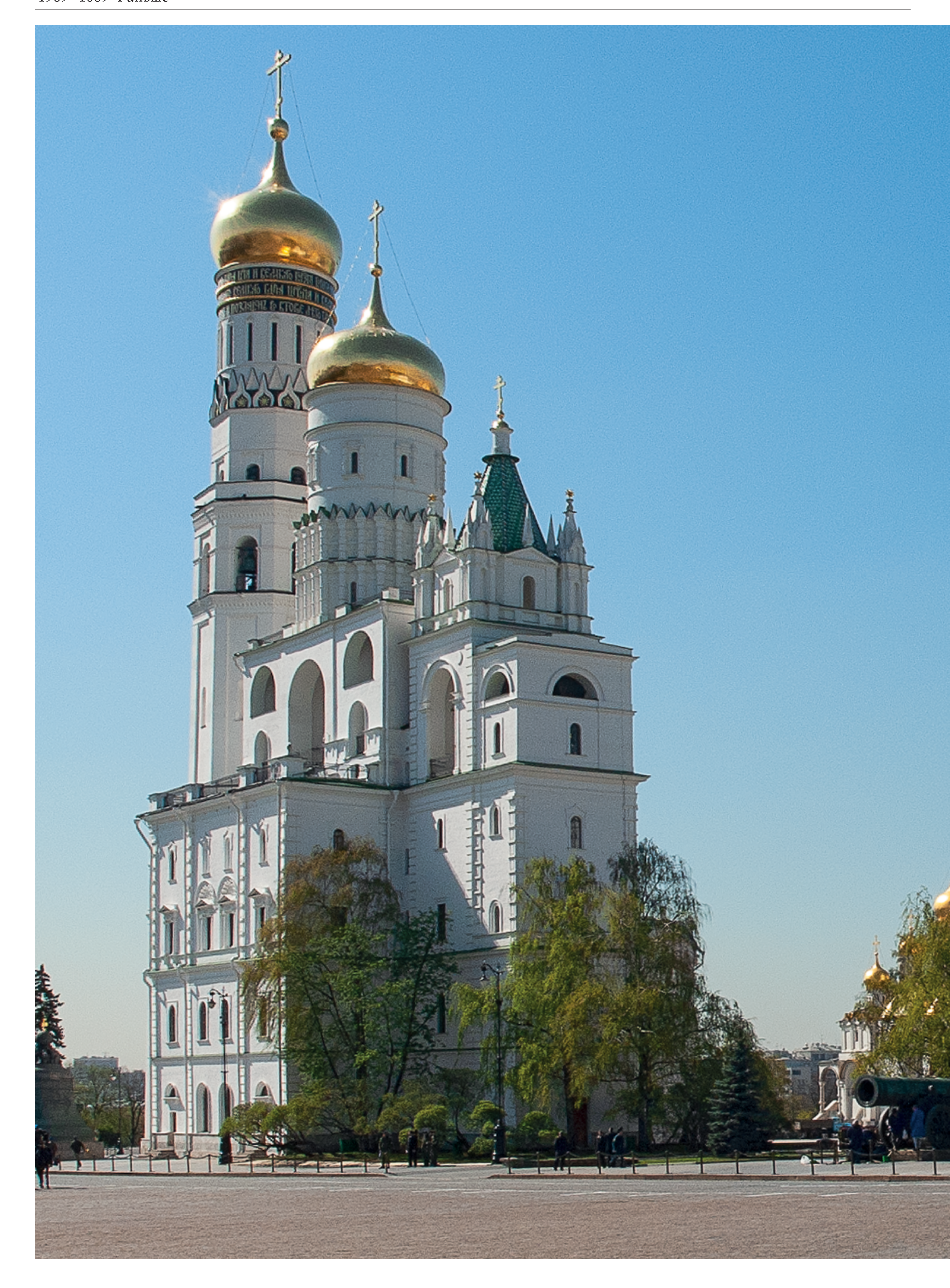
небезупречное, то, что не входит в систему, надо зачеркнуть, чтобы не объяснять, просто и убедительно проигнорировать, словно его и нет. Поэтому, например, неизвестна Флорищева пустынь: она, как скала на рябью моря, как гигант над мелюзгой, возвышается над определением стиля XVII века как некоего «узорочья», потому что стиль XVII века там есть, а узоров нет вовсе, да и «барочьем» любого извода даже не пахнет. Поскольку всё сложно и необычно, оторвёмся на минуточку от темы, чтобы привести сторонний пример.

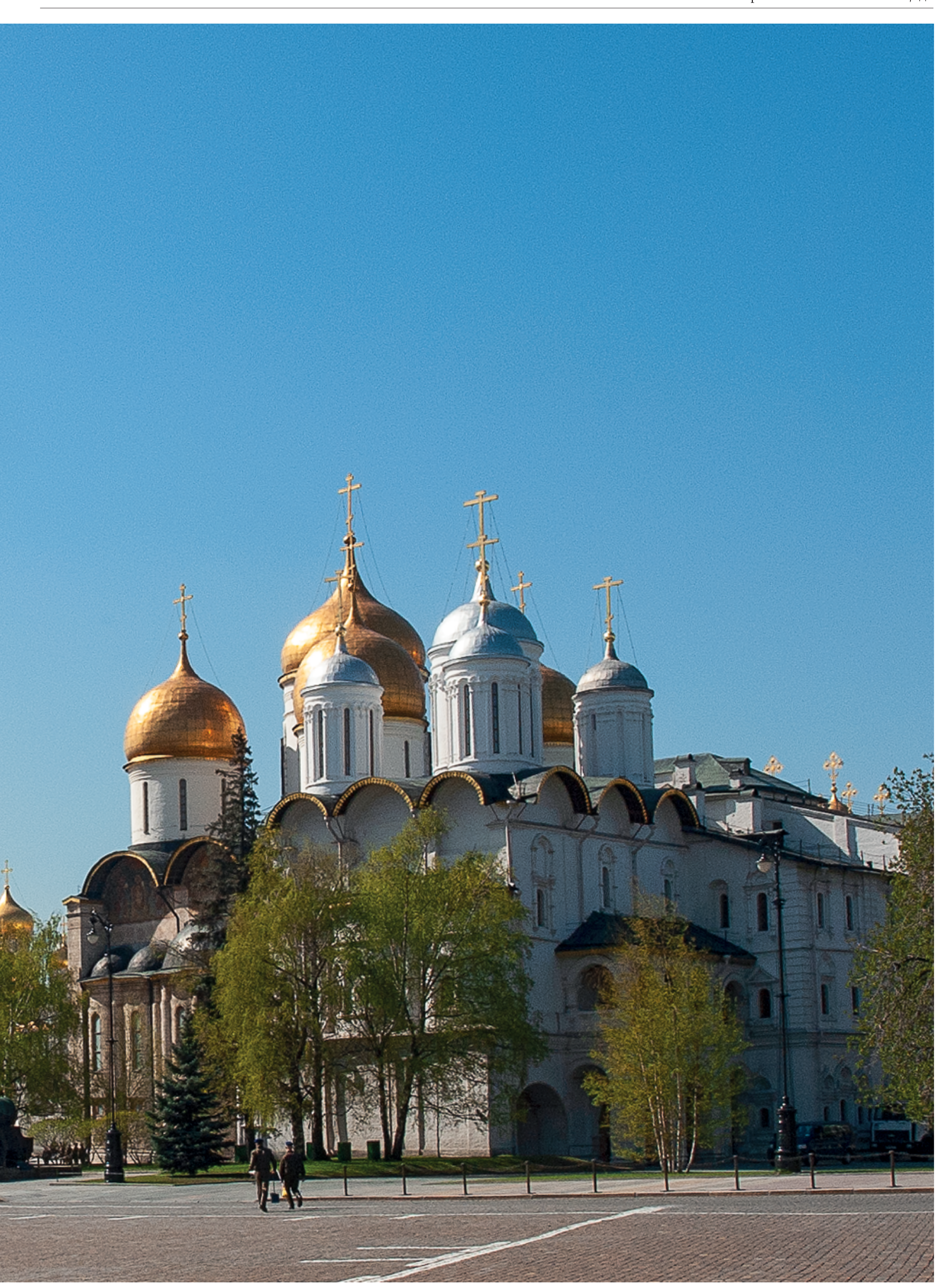
Это не запальчивость новоинтерпретатора, а опыт, приобретённый при переводе последней строфы первой части «Фауста» И.В. фон Гёте. Оказывается, несчастный, обессиленный Б.Л. Пастернак не имел возможности понять уже первую строку Мистического хора. Gleichnis здесь не может быть ни символом, ни сравнением, ни уравнением. Это призрак, марево, зыбкость, кажимость, мираж. И Alles Vergängliche понять как Все преходящее можно только с наскока, впопыхах. Дело не в том, что «оно» шагает, идёт, перемещается и вот-вот уже пройдёт, закончится (семантика приставки ‘пре_’), а в том, что идёт мимо, не затрагивая нас, не касаясь. «Оно» всё – не преходящее, а мимолётное, сегодняшнее, наносное и пустяшное, мелкое, недостойное внимания, оно нам лишь мерещится как нечто важное, вглядываться надо дальше и глубже, туда, где горизонт гнётся, где дна бездны не видно, мечтать и загадывать немыслимое, неосуществимое, как никто не осмеливался, «на том стою», «ich kann nicht anders», только тогда получится что-то стоящее, путное. Все переводчики, начиная с П.А. Вяземского, ни за что, ни при каких обстоятельствах, кроме недомогания, не передали бы последние две строки как «Вечная женственность, Тянет нас к ней». Это даже не подстрочник, а машинный перевод в те времена, когда про компьютеры слыхом не слыхивали. В переводе появляется серо-голубой, даже синюшный либидозный оттенок, намёки на который непозволительны не потому, что И.В. фон Гёте чужд фривольности, а потому, что его (оттенка) нет у автора. Das Weibliche, weibliches Geschlecht, genauso wie das Weib – все они не только фонетически близки к прилагательному *weich* (мягкий), которое появилось не для пропаганды деторождения и семейных ценностей, а для тех же целей, для которых в Наумбурге около 1000 года поставлены рядом граф Эккехард и его супруга Ута. Она действительно Zieht uns hinan, но в том же смысле, что и «чёрно-белые запятые в круге» для китайцев. Её нежность расцветает только на фоне его брутальности, и его мужественность становится возможна лишь благодаря её женственности, сколько бы крови он ни пролил своим мечом. Предыдущие строки у И.В. фон Гёте словно высечены двуручным пером, громко, одним ударом, победительно, попирая одной ногой поверженную скалу, а последние две строки как будто протягивают руку той, для которой скала и была обращена в прах, и были совершены все подвиги, и только тогда появляется смысл сечь мечом, и размахивать пером.

Ничего этого нет в переводе.

Но разве это отнимает хотя бы молекулу у того памятника, который возвёл себе Б.Л. Пастернак? Никак нет, ни одного протона. Просто у него не было ни досуга, ни праздности. Построить памятник и отшлифовать фрагмент ногтя на мизинце у памятника – не одно и то же.

Длинное филологическое отступление понадобилось для того, чтобы распространить возможность шлифовать ногти памятников и на историографию. Никакого посягновения на авторитеты в нижеследующем нет, есть лишь предложение нового способа доказательства теоремы, решения которой уже есть в учебниках по разным предметам.

Теперь о способе написания комментария. Он вырос из понимания, что марксистско-ленинское представление об истории может быть не единственным, и что взаимодействие производственных отношений, производительных сил и надстройки под влиянием борьбы образует в совокупности такую комбинацию, разобраться в которой под силу только остепенившимся специалистам по истмату; а лишённые научно-коммунистического воспитания люди, признавая необходимость следовать правилам игры, давно привыкли процеживать планктон сквозь зубы и усы, просто пропуская нужные (то есть наоборот, ненужные) куски про формации и неустанное закрепощение на фоне усиливающейся борьбы, доходя относительно быстро до сути. Но этот навык оказывается недостаточным даже для выдающихся авторов.

Дело в том, что умные люди, к сожалению, попадаются везде. И их начальственное проникновение в теоретические структуры истории не всегда купируется профессионализмом настоящих историков, сознающих, что им навязано, а до чего они добрались самостоятельно. Страшно вымолвить: даже в послевоенных «Очерках истории СССР» структурирование стволов и ветвей изложения по томам оказалось в прокрустовой кроватке истмата, в которой на сто лет отрубили напрочь ноги патриаршества, остаточный биоматериал оказался в разделах по культуре, про танцы, одежду и народные промыслы. То есть главный нерв истории XVII века хирургически удалили, дырку зацементировали, болевые ощущения и их описание оставили искусствоведам, архитекторам и Центру И.Э. Грабаря. То, что досадные мелочи (вроде староверов) сохраняются веками, можно милостиво игнорировать, покровительственно похлопывая по плечу «Ну-ну, что ж, неплохо, неплохо». Без эксгумации темы патриаршества (bzw старообрядчества) затруднительно понять историю XVII века. Мысленно переставим патриаршество с последнего места на первое. Вот и вся новизна описываемого подхода.

Французское слово croquis использовано только затем, чтобы оттенить слова (ненаписанные в названии) «русской истории», именно русской, а не российской. Эта неумная мода, якобы интегрирующая все нерусские этнические составные части в большой компендий российскости, на деле разобщает их, подчеркивая дробность, особость, а не общность. Кроме того, изобретение по сути своей оскор-

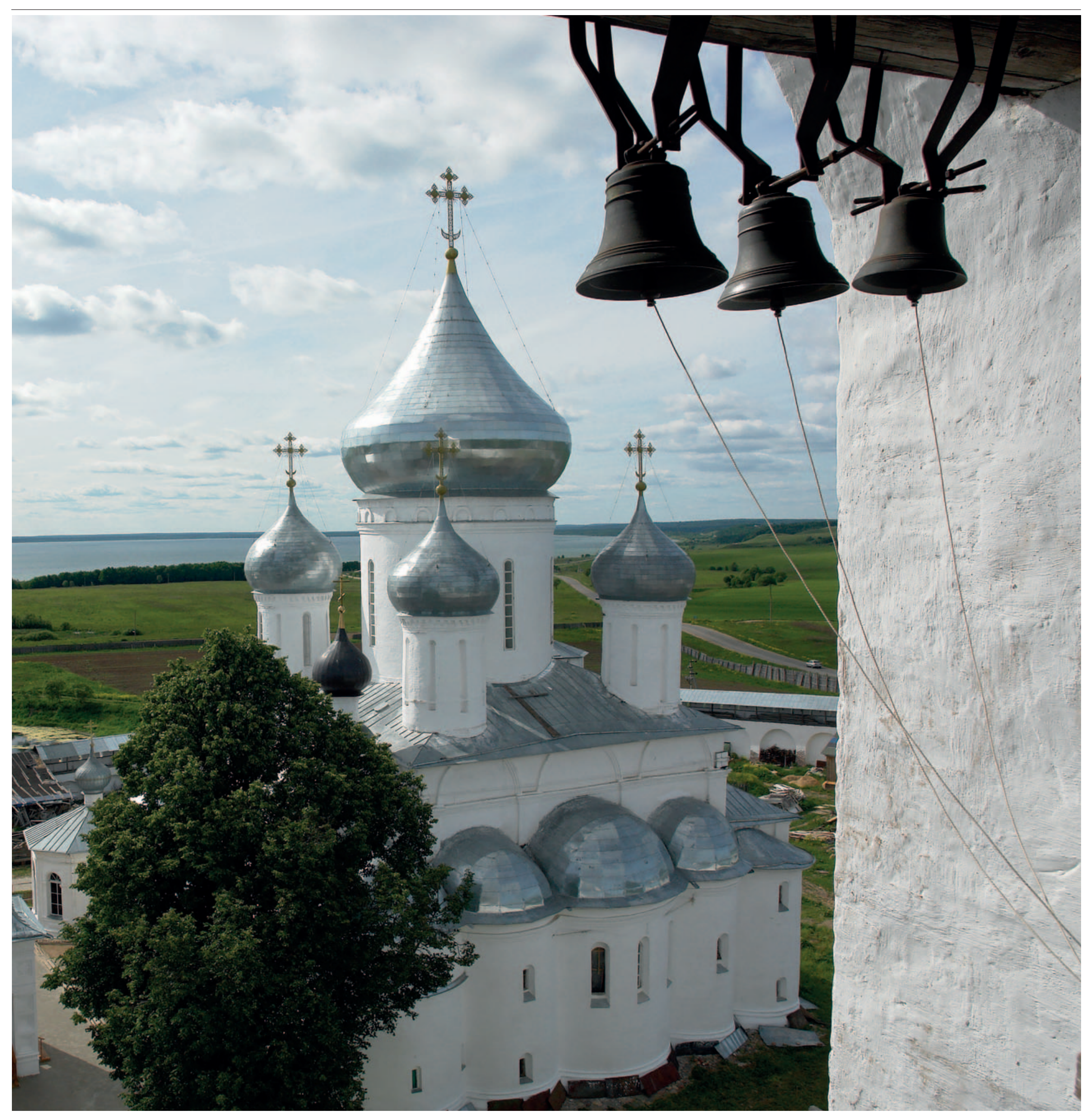
бительно. Если попробовать сказать немцу, что он Deutschländer, то есть житель страны тевтонов, он будет и изумлён, и обескуражен, и, пожалуй, обидится – нет, он просто тевтонец, ein richtiger Deutsche. Для французов или англичан образовать языковую кальку ещё мудрёнее. Поэтому история России не синонимична российской истории, они обе требуют полноты и безупречности в учёте всех особенностей и аспектов, а ниже речь не об универсальности, а о чертах русской истории, бросившихся в глаза, приблизительно нанесённых на бумагу, чтобы только передать то, что показалось важным, приметным, характерным – и рядом можно положить гору книг, увидевших русскую историю XVII века иначе, и ничуть не менее правильно. Слова 'набросок', 'эскиз', 'очерк', 'Skizze' содержат, включают в себя понятие 'эссе', там должна чувствоваться рука, желательно даже – рука мастера, а croquis – как выстрел глаза, куда попал, туда уж и попал.

Такой разгильдяйский подход для подтверждения предположений позволяет вместо ссылок на источники и литературу прибегнуть к самому тяжеловесному аргументу, каменному. Облик сооружений, конечно, не позволяет ничего сказать о времени, людях, событиях и связях, но он создаёт пространственную рамку, вер-

нее, её отрывок, способный самостоятельно задавать вопросы. Почему столько веков не оплывают высокие валы дмитровского кремля? Для чего под северными башнями ростовского кремля в «г»-образном проходе слева от ворот сделаны герсы – оборонительная ненужность была очевидна уже много десятилетий. Почему скобы на шатре колокольни Флорищевой пустыни за три с половиной века не заржавели и не повысыпались? Архитектура – это архив со ссылками на документы, хранящиеся под открытым небом, без охраны, каталогов и разрешений посмотреть хоть краешком глаза недолго, чтобы не испортить прикосновением.

Есть и ещё одна особенность изложения, о которой стоит предупредить. Общеизвестно, что устная речь отличается от письменной. В письменной автора можно и нужно в любой момент схватить за рукав и привлечь к ответственности: «А вот тут вы, батенька, соврали, я-то лучше знаю, а на чём основано вот это? А то? Ну так сломай перо и не трогай гусей». В устной речи почти всегда есть цель – коммуникативная победа, причём любым инструментом, хоть кувалдой, убеждающий собеседник должен быстро (а не хорошо) соображать и красиво браниться. А когда победа не нужна, можно не торопиться, а спокойно разобраться, переспросить,

вернуться в пятый раз к тому, что уже было много раз сказано, но нравится так, что хочется снова и снова обратить внимание на то, в чём нет ничего нового, кроме самого взгляда, попристальнее, не бегом, чтобы наконец, с пятого раза, отпрянуть, развести руками, чтобы хлопнуть себя по бокам и ахнуть: «Да как же я этого не видел, вот же!».

Получилось или нет – не нам судить, но цель «одержать верх» не ставилась, наоборот, хотелось просто поговорить, не выглядя пустобрёхом. Поэтому в данном случае на письменный текст надо бы смотреть как на устный, проговаривая его не торопясь, про себя, но как бы вслух, с интонированием в стиле М. Жванецкого, с паузами на время «умного взгляда» в ожидании понимающих кивков головы. То есть сделать переворот, отличный от обычного: не тараторить слова, нанизывая их на темп речи в целях скорочтения и делая вид, что их понимаешь, даже когда и в самом деле понимаешь, а наоборот, сначала понять, а потом уж сообщить о них про себя, позаботившись о приличной форме, как бы «барочно», величественно и не с мечтами об изяществе, да, можно подбоченясь, и перо в шляпе не помешает,

и трость, и солидный вид, и «благородное обхождение»; и ни в коем случае не крутить пуговицу собеседника, не трясти воздетыми к небесам руками и не размахивать ими по-итальянски – бельканто этого не допускает.

Когда словам возвращается их понимание – приключается большая и неожиданная польза. Просто понимание. Иногда просто обратный перевод на русский возвращает бумеранг понимания как раз туда, куда надо – по лбу.

В начале 90-х годов XX века хорошим людям удалось начать прекрасное дело, рухнувшее только от плохого названия, на важность которого никто не обратил внимания. Российского фонда фундаментальных исследований больше нет только потому, что в названии два однокоренных слова – «фонд фундаментальных». Если вещь не удаётся правильно назвать, значит, неясна её суть, она обречена. «Страны народной демократии» – привычный идиотизм, сгинувший с лица земли, потому что это «страны народного народовластия»; видимо, подразумевается существование некоего «ненародного народовластия», в отличие от народного. Нагромождения чуши одной на другую, длящееся веками и тысячетелиями, портят мозг. Квадратное надо назвать синим, чтобы сознание вздыбилось и сделало «reboot»: власть и народ всегда разорваны, всегда противоположны, всегда враждебны, не могут быть едины, поэтому народ не может быть источником власти, народовластие невозможно как термин, как тепломороз, как мокросушь, как короволк или головопятка. Но ведь несколько тысяч лет длятся разговоры об античной демократии, реформах Солона, трибунах и сенатах, изучаются пентакосиомедимны и тираны, традиции и новации, и все внемлют, вникают и млеют, не смея загнуть извилину, куда следует! Признать за древними право на непогрешимый ум легче, чем уговорить себя, что дураков хватает везде, чаще в разных пропорциях, но извести их племя не удаётся много тысяч лет, и вряд ли удастся. Меняются только ухватки тех, кто придумывает слова вроде «водогонь». «Общественное обеспечение» становится подачкой, милостынею, оброненной для нищего; как только расшифруешь «собес», так сразу размер «общественного обеспечения» пенсии становится понятен. Только противоестественный ум мог придумать словосочетание «искусственный интеллект», чтобы пугать им тех, у кого своего не хватает. Как Архимед (не то Пифагор?) в Сиракузах (или в Фивах?) начал, так до сих пор и пугают.

Французам понадобилось две сотни лет, чтобы как-то уложить французскую революцию в своём прошлом, но самое умное, что историки могут сказать о ней – это то, что они твёрдо знают, что она была. Какой она была – вопрос, выходящий за рамки приличий, всё равно что спросить, какого цвета нижнее бельё у жены докладчика за трибуной. Оно... есть. И всё.

Ещё большее смятение в умах вызывал и вызывает вопрос о связи революции и Просвещения. Он и вправду довольно глупый. Лев Толстой и Фёдор Достоевский готовили русскую революцию? А зачем тогда приставать к Дидро и Гельвецию или Вольтеру? Так же чисты и их помыслы, и их руки ничем не испачканы. Но тогда про что же писал Гёте в «Фаусте», и нет ли зеркального отражения у той силы, «что без числа творит добро, всему желая зла»? Не благообразны ли черты привидения, отразившегося в зеркале и вознамерившегося утвердить силой знания много добра в несовершенном мире? Этот призрак уже поставил твёрдую ногу на ту самую дорогу, вымощенную благими намерениями, ведущую туда же, куда и всегда.

Бастилию по камешку разнесли не те люди, которые обчитались «Кандидом» или «Духом законов», а без Энциклопедии и шагу ступить не решались. Их (читателей) считали не тысячами, а сотнями, и при случае вешали «à la lanterne!» первыми, из-за тех самых кюлотов, без которых были те, что вешали.

Просветителям тоже было «не дано предугадать», как отзовётся их слово, это вообще задача непосильная. Если на знамёнах большевиков в конце концов оказались серп и молот, то это вовсе не значит, что жнецы и молотобойцы устроили октябрьский переворот. Значки эти использовали те, кого судьба вынесла во власть, а символы случайны так же, как фасции, птицы и кресты из топоров по часовой, или марсовы пятиконечники.

Главное – власть, а уж какие символы выбрать и использовать, и как использовать – дело вкуса. Лозунги про «свободу, равенство и братство» могут вырасти из

чего угодно и привести к чему угодно. Если второе пришло после первого, то это вовсе не значит, что первое было причиной второго – просто они стоят в ряду после нуля именно так, перед третьим. И всё. Но чтобы было третье, должно пройти и первое, и второе, они все соприкасаются. Требует ли это доказательств? Пожалуй, нет.

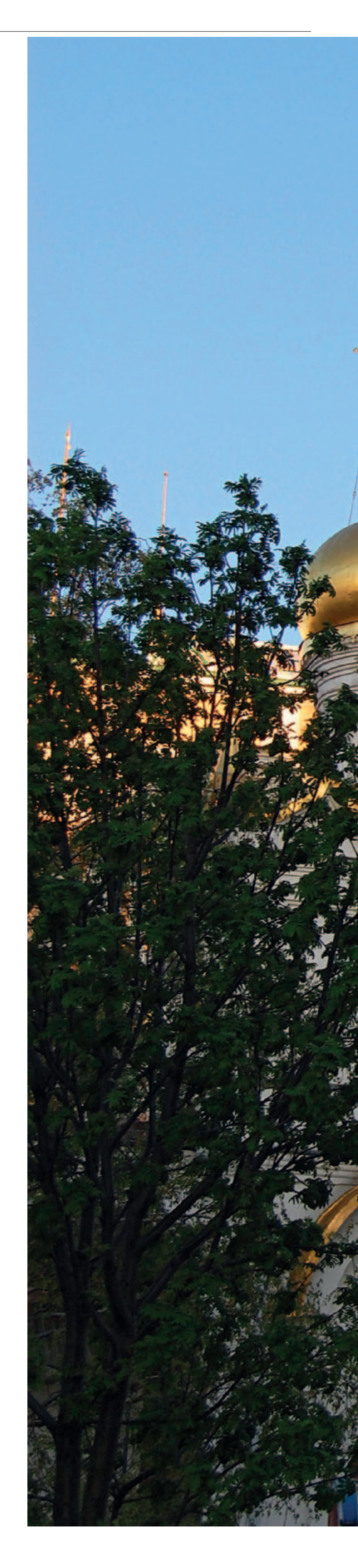
Точно так же не требует доказательств и следующее.

Не вследствие, но после эпохи Просвещения появилась парламентская демократия как политические институты, (не связанные с ренессансом античной или более поздней традиции, а) рождённые нововремённой просвещенческой мыслью способы организации владычества одних групп людей над другими с использованием словесной эквилибристики про свободу, равенство, братство, права людей на собственность, жизнь, работу и прочую чепуху, про ценности того, у чего цены нет, потому что никто не покупает, хотя оно продаётся, про выборы и возможность отчуждения и даже делегирования полномочий, про представительство и прочие абсурдные глупости, которые становятся очевидными, как только к ним приглядишься хоть чуточку повнимательнее. Как один человек может представлять интересы тридцати, к примеру, тысяч? Он что про них знает? Мне интересно купить мотоцикл. И? Или одеяло. Ещё каждый день интересуюсь поесть, несколько раз. Не хочет, не может, не должен, не будет и не станет никакой парламентарий нигде и никогда защищать или представлять ни один из моих интересов или нужд. Это – бред, болезненное наваждение, умопомрачение, морок, навеянный колдовством, добровольное членовредительство без видимой и невидимой выгоды. С какой стати?

Отступим ещё раз, чтобы перевести дух.

Году примерно в 1985 или шестом в Иностранке (библиотека напротив высотки на Котельнической) заказал довоенную книгу Ролана Мортье про Дидро в Германии. Автор очень приличный, тема по диссертации, книга в мягкой обложке. Принесли, поднялся по винтовой на балкон, глядь, а она неразрезанная. С середины тридцатых годов примерно никому не понадобилась. Листы отпечатаны, сфальцованы, подобраны, сшиты, блок вставлен в обложку и приклеен, а резать французы не стали в типографии, то ли машины не было, то ли ножи затупились, то ли марзаны старые. Подивился, но рвать не стал, так, куда смог, заглянул, полистал тетрадями, подглядел внутрь сложенных некоторых листов, на всякий случай выписал годную цитату, чтобы при случае вставить в свой текст, тем самым украсив его и придав немыслимую научность. Грех портить такую памятную вещь, оставил листы нетронутыми спустя полвека после шитва. Скоро уже век, а она, скорее всего, так и лежит, приводя на ум будущему читателю торшонированный обрез, пушкинские времена, письменный прибор из дерева благородных сортов, деревянный нож для разрезания страниц и запах старой бумаги, ещё не знавшей хлорного отбеливания.

Выписанная цитата врезалась в память не потому что была хорошая память, а потому что во время изучения языка многие вещи полезно по-обезьяньи заучивать, даже не понимая, в надежде, что это случится после пополнения словарного запаса. Пригодилось существенно позже. «...à l'égard d'un mouvement qui incarne toutes les valeurs de l'époque de la modernité». «...по отношению к движению, которое воплощает в себе все ценности современной эпохи». И действительно, эпоха Просвещения воплощает в себе все ценности современной эпохи. Это значит,

что мы продолжаем жить в эпоху Просвещения, если новых ценностей не появилось. Правда, они мало меняются вот уже несколько тысяч лет…

Не так важно, все, или не все ценности Просвещения воплотились в современной эпохе; хорошо бы усмотреть хоть какие-нибудь, а воплотились ли вообще?

Равенство: безусловно нет, так, одни разговоры. Я очевидно неравен очередному Якову, британскому королю, хотя он на самом деле Джеймс, то есть Ефим, и даже своему однокласснику я не равен, ни в правах, ни в чём. Единственное настоящее равенство – в праве отдать голос всё равно за кого.

Свобода: безусловно нет. Она заканчивается там, где начинается мой сосед. Потом все остальные, и не только соседи. И я по-прежнему могу сказать, что президент Америки дурак. А про президента России я так сказать не могу. Потому что не дурак.

Братство: безусловно нет. Бедный Шиллер! И Бетховен бедный! Сколько симфоний ни пиши, братских чувств больше не станет. Прав был Иммануил Кант: «Из столь кривой тесины, как человек, всё равно не выйдет ничего путного».

Все остальные валёры (les valeurs) современности – так же, как эти, дым и кажимость, остаются только заповеди, но при чём тут Просвещение? С этим – к Моисею, на гору, да дважды.

В политическом смысле наследием просветителей можно считать

1) антидеспотические настроения, ведущие к республиканскому высокомерию, неизвестно почему презирающему монархию как предрасположение к тирании, но и это – от дурного образования парламентариев;

2) равенство как политическая функция полезна только в одном смысле, с одним резоном: нарезанная мелкими долями воля годна только для изъявления рабской покорности голосовать за кого прикажут с готовностью и даже с восторгом, помахивая чем-нибудь, у кого что есть, можно ушами, можно хвостом, можно и всем организмом;

3) разговоры о правах человека были бы легко квалифицируемы как жалкая болтовня, если бы давно не приобрели внятную доминанту глумления: весь наглый трёп о правах человеков гроша ломаного не стоит, пока нет ответа на вопрос, за что убили царевича Алексея с семьёй (не почему, а за что!); пока нет ответа на вопрос, где, у кого вся собственность, отчуждённая за последние хотя бы два-три века;

4) разделение властей потребно только для «цветовой дифференциации штанов»: у кого в кулаке зажата деньговласть, тот всех девушек и обедает после танцев; сведений о собственных казначействах судов и парламентов пока не обнаружено, поэтому главным всегда будет оставаться то исполнительное ведомство, чей бухгалтер заполняет ведомости на зарплату судейских и парламентских говорунов – правительство со своими источниками всех доходов;

5) те отрасли государственного хозяйства, где нужна неотвратимая ответственность за принимаемые решения (налоги и защита людей и территорий, с которых собираются налоги), существуют вне коллегиального духа расхлябанности, только и исключительно при единоначалии; и это полностью противоречит просветительскому вольнодумству и вольтерьянству;

6) гигантские скачки в области образования и просвещения (со строчной буквы), последовательно сделали всеобщими начальное, среднее, высшее (скоро будет ещё какое-нибудь) образование при одновременной деградации всех культурных институтов, обнимаемой понятием «расцивилизация», движение Просвещения вспять, в обратную сторону, к торжеству всеобщего невежества, сопоставимого с уровнем, описанным в бунинской «Деревне», к качеству элит за три тысячи лет до Цинь Шихуанди и Тутмоса II; удел живых просветителей – документирование процесса расцивилизации.

*

Бессистемность (но не беспорядочность) повлияла на структуру книги. Она позволяет избежать обязательности и логичности, а особенно концептуальности. Ворох картинок всегда хочется как-то разложить по порядку, но как только появляется порядок, появляется лишнее и ненужное, избыточное или не согласованное

с порядком, ненужное для порядка: уже и так всё ясно, зачем ездить по протоптанной тропе. А выброшенного жалко. Ошевенский монастырь, Улейминский или Анастасов никак не приклеиваются к поступи истории и ни для чего в ней не пригодились, ни для какой идеи, системы и порядка. Своя речь у них есть, и эти слова для кого-то, может быть, не менее важны, чем всё красноречие Новодевичьего, Новоиерусалимского или Чудова монастыря.

Простейший порядок – большие стопки картинок, хоть как-то объединённые временем – лет по 20–25–30, или меньше. Всё, что есть в мире (кроме событий и перемен), уже сфотографировано, и не по сто раз, гораздо больше, в снимках ничего нового нет, даже настроения уже были. Но видят все всё всегда везде по-разному. «Синее-то оно синее, да. Но ведь и розоватое!». А после искусства XX века оно запросто может на поверку оказаться слегка кубоватым и гнутым, но только в поперечнике утром. И поскольку все всё видели, все тексты с наставниками читали, нужные стихи вовремя учили, самым интересным становится комментарий. После Наума Коржавина – что ещё можно увидеть в церкви Покрова Богородицы на восточной Нерли? Ровно ничего. Но можно полюбить её ещё сильнее, когда представишь её себе с преждебывшим гульбищем, образ которого невообразим, но из сотен виденных всеми гульбищ складывается колышущийся, зыбкий

облик каменных крылец и крытых переходов, о чём мы можем вызнать только из комментария. Образу Наума Коржавина от этого не тепло и не холодно, но комментарий прижимает нас к камню теснее, тепло передаётся квадрам кладки или кирпичам, и отпечаток в памяти вдавливается глубже, прочнее, точнее, чтобы потом встать в ряд других таких же оттисков.

Преследуется ли какая-то цель? Да, конечно. – Показать, что научные представления о русской истории XVII века не просто неполны, а неверны в той части, которая касается понимания истории. Даже после написания в течение столетий многих трактатов по философии истории сам вопрос о понимании истории вызывает лёгкое недоумение. «Надо знать, а не понимать!» И с этим не поспоришь. Однако же в истории есть огромная масса вещей, которые вовсе не надо знать. Имя любимого коня Александра Македонского осталось в истории, и его надо знать, раз осталось, хотя проку никакого. Сколько стволов дуба (какой толщины, возраста, длины) использовано для кремлёвского вала в Дмитрове – совершенно неважно, даже когда точно будет выяснено, сколько и чего, важнее – не знать, а понять, как он устроен, чтобы сохранять высотную прочность на протяжении шести, кажется, веков без какой бы то ни было гидроизоляции.

Знания, эрудитски набросанные в сосуд без понимания – как электронный вычислитель в шахматах – рано или поздно переберёт все варианты своих и не своих решений и выиграет у человека. Докажет, что может выиграть. Зачем? Полезность скоростных вычислений доказывать не надо, зачем сравнивать её с человеческой? Больше и быстрее. И? Абстракция имеет смысл только один раз, первый, как рыбная свежесть, для выявления общих и особенных черт. Производная второго порядка полезна лишь в математике, и только для ускорения получения результата, когда неважно, сколько генитивов стоит в ряду существительных, важно, что смысл не теряется, не жалко, что пропадает стиль.

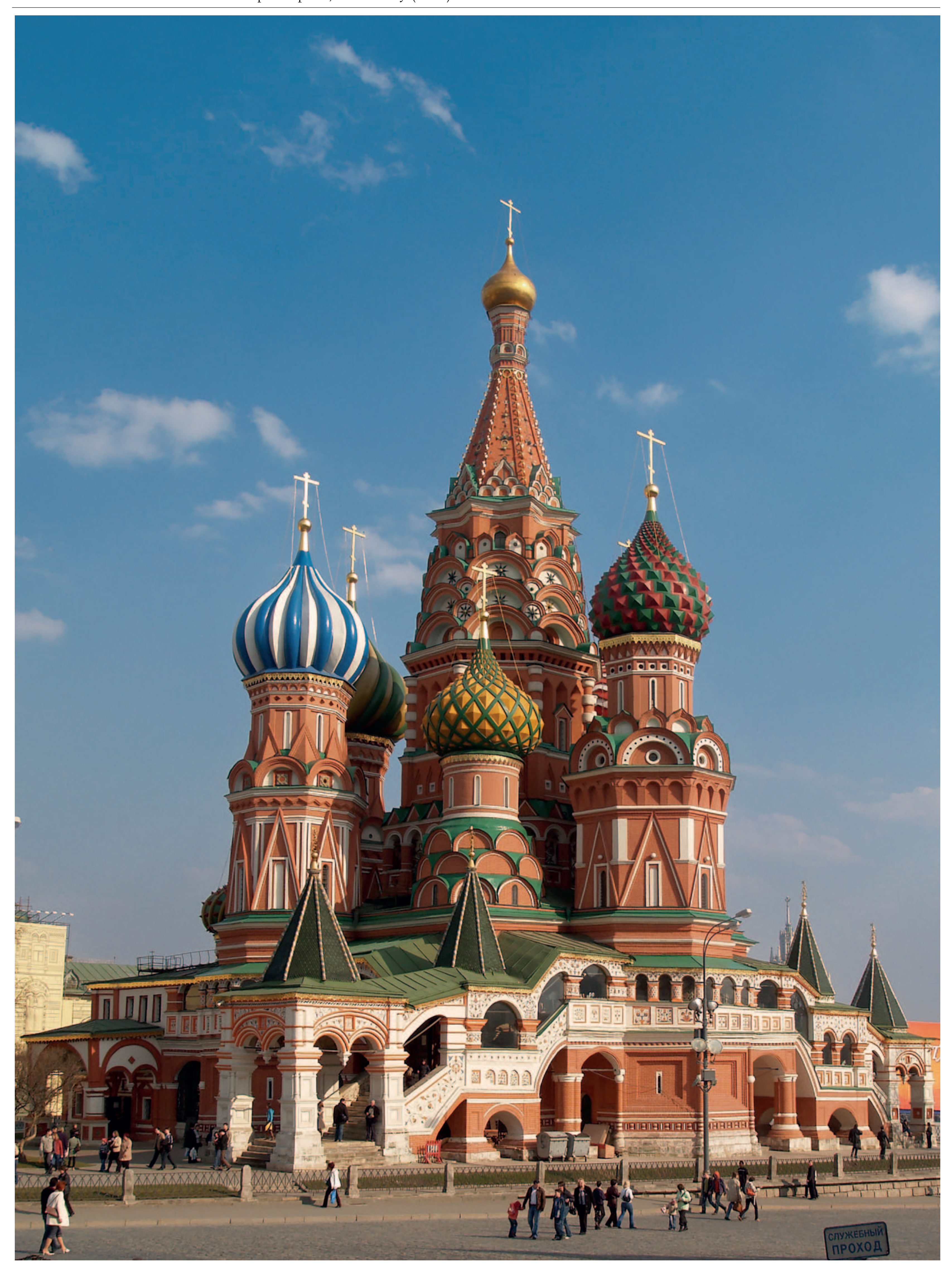
Рассыпанный пазл эрудитского знания собирается вместе картинкой, части которой нарисованы на каждом клочке – это и есть понимание. Время может сожрать даже большую часть обрывков картинки – мы всё равно её увидим и мысленно с полным правом дорисуем недостающее, отдавая себе отчёт в том, что каждое перо в павлиньем хвостике уникально и самоценно, но для характеристики павлина несущественно, что гораздо важнее насладиться его дивным пением, услышать тембр голоса и интонирование каждого возгласа вместе с чарующими коннотациями.

Понимание истории XVII века, сложившееся в течение нескольких веков, не сворачивая с прямой, намеченной рукою самого Петра Алексеевича (отобравшего руль катка у просветителей), на линии от В.Н. Татищева через помора М.В. Ломоносова (посрамившего аж самого Г.Ф. Мюллера) при участии декабристов и А.И. Герцена, через гражданскую казнь Ф.М. Достоевского и физическую А.И. Ульянова, это понимание, эта линия добрались до ленинского преклонения перед экономическим детерминизмом, перед фетишами классовой борьбы и партийной всесильности доброго тирана. Подмять таких гигантов, как литераторы и музыканты XIX века, каток не мог, но он проложил им путь. Светлый образ покладистого диктатора не совсем без образования близок русской душе, разлёгшейся на необозримых просторах, чтобы набраться сил и соков почвы для срочной мобилизации в нужный момент; этот металлический щелкунчик-переросток неистребим и неисправим уже потому, что хватает примеров, когда прообраз героя действительно проводил нужную мобилизацию. Вольтер наметил основные черты парадного портрета просветлённого императора, продолжателям несть числа, и хуже всего то, что всё следующее ниже выглядит как полемика со всеми авторами Медного всадника, бесконечно полирующими его благородный портрет несколько столетий.

А полемики-то и нет.

Всё, что ниже – рассказ о том, что у Покровской церкви на Нерли было гульбище, которое делало её ещё прекраснее. Повествование закончится примерно в 1689 году, когда будущей причине Медного всадника исполнится 17 лет и он начнёт создавать причины для обработки меди и бронзы в такие причудливые формы. Слова в этом рассказе – архитектурные памятники, построенные примерно в эти 100 лет или около того, чуть раньше и чуть позже. А комментарий дан для заостре-

СЛУЖЕБНЫЙ
ПРОХОД

ния зрения, пояснения или указания на непонятности, стоящие внимания (конечно, не все, а только те, которые бросились в глаза). Связного текста, то есть логики, системы, концепции, доказательств, структуры и сюжета – нет.

Единственная простая мысль – здесь: историю создавала не классовая борьба при развитии товарно-денежных отношений на фоне буржуазных связей в странах с разумным или недостаточно разумным государственным и общественным устройством, с участием героев и толп при войнах и прочих бедствиях, – нет, не борьба, а люди; они сочиняли историю, как умели и как получалось, оно не само катилось, а делалось умом и случаем. И самое интересное – не в закономерностях, которые что-то якобы объясняют, а подробностях – как оно было на самом деле, в мелочах и деталях, которые обладают самой высокой правдивостью, не только потому что их все нельзя подделать, а потому что на поступки более всего влияют ничтожные мелочи, мотивация зависит не от засилья капитала и забитости обездоленных трудящихся, а от больного зуба и натёртой мозоли, от скользкой дороги и звучащего ноктюрна, от смертельной обиды, возникшей из-за пустяка, от раздавленной бабочки, наконец. Воодушевление от ночного сидения со свечой над рукописью может быть для судьбы важнее изобретения паровоза. Всё течение истории XVII века как лучом освещено деяниями разных героев, из которых в литературе прочно исключена была только одна категория – патриархи. То есть Гермоген, Филарет, Никон и Иоаким упоминаются, но как аптечка в автомобиле, есть, но на путь не влияют. Ну были и были, не в них дело.

А дело ровно в них.

Как Борис Годунов и митрополит Иов учредили патриаршество в 1589 году, относительно подробно известно. Приехал за милостыней константинопольский патриарх Иеремия, заодно оформили и процедурные подробности, чтобы было всё сообразно канонам. Нет только ответа на вопрос – зачем. И нет ответа на вопрос, зачем Пётр Алексеевич упразднил патриаршество после Адриана, который имел репутацию ретроград, если не мракобеса, не одобрявшего перемены.

Если и придёт кому-нибудь в голову блажь – задаться вопросом, не почему, а зачем учреждено патриаршество, фантазии зависят только от дерзновенности и образованности отвечающего. Самое простое – для пользы государства, то есть страны – недостаточно хитроумное и изощрённое объяснение, чтобы относиться к нему всерьёз. Это тоже имеет объяснение: привычно исследование причин процессов и событий, то есть ответ на вопрос «почему». Сама постановка вопроса «зачем» уделяет слишком много внимания неуловимому в принципе целеполаганию, внутренней мотивации, которая, конечно, была, но судить о ней нет никаких оснований, потому что нет никаких материальных следов. Вот тут коренится заблуждение. Следы есть. Чтобы что-то сделать, надо это захотеть сделать. Выяснив в подробностях и поняв, что сделано, можно постичь и мотивацию при начале, со всеми переменами по дороге к результату, то есть следу. Если допустить, что широко мыслящие люди в принципе существуют, то в их мотивацию можно проникнуть, допустив следующую недоказанность, что они хоть иногда руководствуются благими побуждениями, а не только крокодильством. Тогда правомерно предположение, что патриаршество учреждено для улучшения общественного и государственного устройства, то есть повышение статуса священства до максимально возможного виделось как благо для страны после царствований Иоанна Грозного и Фёдора Иоанновича – для уравновешивания самовластия самого сильного или самого слабого государя. Должен быть кто-то, кто в момент принятия решения скажет: «Да ты опамятуйся хоть сколько-нибудь!». М.Д. Бальзаминову, герою пьесы А.Н. Островского, достаточно было отрезвляющего возгласа грубоватой, но очаровательной прислуги, у государей слух не такой тонкий, потребен патриарх с опытом почти полуторатысячелетней мудрости предков, чтобы удержать от опрометчивого шага или побудить к доброму.

В западной традиции мысли Дж. Локка и Ш. де Монтескье о разделении власти на три части могли появиться только от безысходности, как реакция на то, что естественным путём попыток «укрощения» государя папство прошло давно, во многом повторяя античные опыты, и «кесарю кесарево» уже досталось, приходилось искать равновесие для (единственной настоящей исполнительной части) вла-

сти внутри неё самой через отделение и переопределение функций в законодательные и судебные отростки, придавая им видимость веса пестротой одеяний. Итоги поисков прекрасны как (гр)устная литература для избирателей и ничтожны как управленческая действительность – цари и председатели всего хороши постольку, поскольку самодержавны, то есть поскольку они принимают решения (правильные и неправильные) и несут за них ответственность. История отношений пап и королей (императоров) была прекрасно известна в России, но отчего бы не попробовать на новой почве – уж тут-то всё наверняка будет иначе! Иначе и получилось – староверы как всемирно-историческое явление с многовековой традицией уникальны. Страна приобрела на несколько веков иммунитет к разговорам о народовластии, разделении, выборах, равенстве и свободе. Парламентаризм как институт не спасали и не спасают отдельные редкие печальные герои, вроде П.Н. Милюкова, судебная власть по-прежнему ютится в мазанках и курятниках, на пышности привычно экономят. Но память о двух равновеликих прыжках к чуть более справедливому устройству государства и общества должна остаться в памяти человечества: Никон (Никита Минич Минин) сделал не меньше, чем Ленин (Владимир Ильич Ульянов), хотя на совести последнего крови несравнимо больше, начиная с Николая II и семьи.

Видимая история – один из способов её изучения и изложения, часть немедицинской психологии, один из способов применения психологии. Архитектурный памятник – эмоциональная дальнобойная артиллерия. Неизвестно, как и чем, но впервые видимая церковь Преображения в Острове, её образ – что-то делают в голове, даже в той, которой «неинтересно, да я не разбираюсь, мне всё равно, да вообще надоело это всё», всё равно, что-то в ней, в голове, остаётся, воздействие обязательно впечатывается, хоть с воды смотри, с борта парохода или далёкого берега, хоть с земли. «Не нравится» на деле означает «не знаю, не разбираюсь, не понимаю, перестаньте объяснять мне, что я неполноценен, раз не понимаю». И пусть. Образ всё равно застревает и работает, даже когда стирается из памяти как будто насовсем, как именно работает – никому не ведомо, как и полагается в психологии, там всё «работает, но неизвестно, как», причём в сфере эмоций и эмоционального ума (если такой есть). Переменить вышеупомянутое ‘предубеждение’ касательно XVII века (тёмный-де, и убогий), если и возможно, то ‘послеубеждением’, тоже неосознанным, почему-то застрявшим в голове. Тут лучше архитектуры и придумать ничего нельзя, эмоциональный микроб падает в голову и начинает как-то работать. А потом – «ничего себе был век, оказывается, прав был Освальд Шпенглер насчёт псевдоморфорза начиная с Петра», надо восстанавливать форму. Потщимся же показать, если не в силах доказать, что для восстановления формы (в шпенглеровском понимании) самый главный и в то же время достаточный шаг – восстановление достоинства, чтобы задранный подбородок памятника Осипу Мандельштаму на Ивановской горке был не зна́ком задиристой заносчивости, а зна́ком великого несломленного достоинства, пусть даже замысел и не слишком удачно исполнен, даже испорчен этой путаницей, потому что честь и гонор – не просто разные, но противоположные вещи, а заметен только он.

⁂

Не костюмы и интерьеры, а люди и их лица составляют главный интерес портретной живописи, а в лицах – не миловидность или безобразие (это и так лезет в глаза живьём), но то, как прожитая жизнь, даже самая непродолжительная, иногда несколько младенческих лет, иногда и несколько десятков лет напряжённых трудов на каком-нибудь поприще, отразились на внешности – то, как эти прожитые годы сформировали лицо, отпечатались на нём, изувечили его, или украсили, то, как с одного взгляда можно определить, добрый человек, или злой, отпечатались ли книги изнутри лба, или только обмахнули пот перелистываемыми без старания страницами. Даже и безлюдные картины привлекают взор тем, что автор пытался передать, какую мысль или настроение, может быть, его привлекло удивление случайной прелестью природы, может быть, порыв страстей или неодолимых сил моря и ветра, перед которыми пасует любой человек, или восхищение силой слабого

человека. Чтобы увидеть всё это, надо немножко встать на цыпочки, дотянуться до картины умными глазами, отвлечься от недоеденной котлеты или тесной обуви; чтобы услышать речь тех, кто на портретах, надо перестать слышать шум сего дня.

Трудно сомневаться в том, что примерно то же происходило и происходит с каменными картинами, хоть там и нет, как правило, лиц. Только размер, расстояние отвлечения (абстрагирования) больше. Ум, доброта, прожитые годы – всё это касается человека или нескольких человек. Надо уловить, добыть главное и сказать кистью или резцом, передать то, что уловил, так, чтобы поняли те, которые станут смотреть. Так или иначе, но художник имеет с дело с тем, что он видел, что было или могло быть, что так или иначе существовало. А архитектору надо сказать те слова, которых не было, соединить каменные (или деревянные, неважно) ноты в мелодию и ряд, которые ещё никто не слышал, но при этом так, чтобы их узнали зрители, и чтобы признали своими. Давление образа с картины прямое, от ткани к глазу, передаётся или нет, в зависимости от смотрящего. Давление образа с каменной картины передаётся в любом случае, даже когда смотрящий стоит спиной к зданию, отвернувшись от него час назад. Даже когда вовсе не видел и не мог видеть – Царёв-Борисов городок ушёл в землю, а церковь в нём тревожит умы реставраторов и художников. Это давление работает как печать в глине только для специалистов, для всех остальных оно подобно гравитации, то есть не ощущается. Чрезвычайно сильное и чрезвычайно слабое, незаметное, но жизненно необходимое, из миллиарда срабатывают три молекулы – или сразу все, но зато на всех. Видевший даже на мутной картинке полсекунды крест над Рио-де-Жанейро – уже не забудет. Мелодия, придуманная архитектором, проникает в самые древние отделы мозга, как запах или, лучше сказать, аромат. Даже забытый полвека назад, он где-то хранится, иначе его не узнать, когда он появится вновь – а он узнаётся, восстанавливается, как запах флоксов из детства или сирени из юности. Из-за слабости (она же мощь) воздействия архитектуры её трудно уловить, унюхать и понять, потом назвать, потом рассказать словами, выстроенными в свою очередь в порядке какой-то концепции, теории, упорядоченного смысла.

Слабость можно обратить в силу. Не хватает красноречия – покажи пальцем, пусть оно, то есть то, на что показываешь, говорит своим голосом само.

Последовательность указаний пальцем тоже не образуется самопроизвольно, алфавит и хронология хороши как принцип организации материала, но свидетельствуют о лени и передоверяют работу автора читателю – ты, мол, сам как-нибудь разберись, а я вот тебе рядок вывалил из рюкзака на стол, копайся сам.

И тут вот на что само собой перевелось внимание. Иван Грозный без Макария и Филиппа, Борис Годунов без Иова, Василий Шуйский без Гермогена, Михаил Романов без Филарета, Иоасафа I и Иосифа, Алексей Михайлович без Никона, Фёдор Алексеевич и Софья Алексеевна без Иоасафа II и Иоакима, Пётр Алексеевич без Адриана и Стефана Яворского, все как один – одноногие, на протяжении всего века. Частично царствования и патриаршества пересекались, налезали одно на другое и не совпадали, но в целом примерно так. Патриархи – конечно, не всегда центральные действующие лица и главные герои истории XVII века, например, про Питирима почти ничего не известно, но всю дорогу как-то без них не обходились, каким-то бочком они прикасались ко всему. Последняя попытка присмотреться к церкви как к источнику по истории вообще (жития святых) после Филарета Дроздова и Макария (хотя и у них тоже речь не об этом, а только о церковной истории) была предпринята В.О. Ключевским в его первой диссертации, и безрезультатно – почти ничего ценного добыть не удалось. Это знание тоже полезно – в комнате выгорожен уголок, куда ходить не надо, потому что там ничего нет. Однако же авторитет знания историков XIX века, перешедший через П.Н. Милюкова и других в век XX, опиравшийся среди прочего и на петровскую синодальную традицию, и на опыты Екатерины II с секуляризацией имуществ и просвещением, а равно и на общественные умонастроения от декабристов до народников, и потом на партию общественных народовластцев (более известных в переводе, скрывающем бессмысленность наименования их социал-демократами), – этот авторитет в историографии, в учебниках и общих курсах вытеснил всю религиозную тематику в область разделов о культуре в лучшем слу-

чае, а чаще историческая палка в руках политических смельчаков «выколачивала мракобесие» из тех, кто занимался этим профессионально, причём, как отчеканил В.И. Ульянов (Ленин), «чем больше, тем лучше», и не вешать, а именно расстреливать, это эффективнее, потому что быстрее. Русло историографической реки, ископанное таким могучим агрегатом, не вернулось в естественное течение и по сей день, нужны новые аргументы, но они логично и скоро обрастают бородами и хоругвями, что справедливо вызывает то оторопь, то остолбенение у приличной публики, отвыкшей от махорки, портянок и нарочитой простоты, маскирующей невиданную мудрость и прозорливость, опознать которую как таковую дано не всем, а только тем, «кто приобщился», согласившись избегать использования рассудка при оценке состояния дел и вещей.

Хоть запах ладана и смирны не неприятен, постараемся избежать и его – на всякий случай, просто чтобы не пытаться окрестить конфуцианцев и буддистов, снисходительно наблюдающих попытки «нести им свет, доселе неведомый». Канифоль нам привычнее, поэтому попробуем спаять нижеследующее чередой последования патриархов, их было немного, попадались и невзрачные, но по большей части они обладали могучей волей и оставили следы своей деятельности, то неприметные, то ошеломительные. Первые надо рассматривать в микроскоп, вторые не должны ослеплять величием, а что именно важнее (песчинки под ногами или горы на горизонте) – должно показать то, что расположено позади глаз, а не сами глаза, видимость обманчива, хотя и не всегда.

Весь произвол, вся субъективность и предвзятость взглядов автора, необъективность его позиции проявились в (1) отборе материала и (2) отсутствии связного текста. Изложения, концепции, смысла и идеи – нет. Есть только подписи (иногда обширные, перетекающие одна в другую) и картинки в необозначенных заголовками разделах примерно по 20–30 лет. Названий нет, потому что читать можно

с любого места, и обязательно недолго, чтобы не утратить вкус новизны. Когда присчпичит опомниться, сориентироваться, о каком времени идёт речь – слева сверху на каждом развороте есть имя крупного раздела, и справа сверху – название памятника.

Чтобы понять, хорошо сукно, или не очень – не надо анализировать его до состояния первоначальной шерсти, из которой состоит материал, достаточно присмотреться и попробовать рукой, прикоснуться. Поэтому цель книги – предложить – и присмотреться, и попробовать рукой, чтобы приобрести лучшее и потом пользоваться (носить) годами, пока не истлеет.

*
*

Петропавловский собор в Смоленске построен в XII веке. Его история – вовсе не редкий пример мучительной судьбы собора, по которому долго перекатывались волны войн, в разные стороны, по много раз. Время и войны – действительно, не приходится спорить, портят много. Но всё же больше портят люди. Не пионеры всех возрастов и эпох, которым просто приятно стукнуть камушком по фреске – «А чего это она тут развиселась!», а солидные люди с умными животами, наверняка знающие, как сделать получше, чем «это устаревшее» и малосимпатичное, на их искушённый взгляд. И вот тут динамика перемен, поскольку очень медленна, может много и наглядно рассказать и о самих делателях, и об их временах – они же старались угодить вкусам своего времени, или во всяком случае продемонстрировать самые выгодные черты своего миропонимания. Для наглядности динамики старые фотографии, рисунки – драгоценны в привязке к датам и процессам. И лучше идти вспять, потому что в огромном большинстве случаев оказывается, что отреставри-

рованное исходное по эстетической составляющей и по хитромыслию строителей превышает всё, что поместилось между начальной и нынешней точками во времени: нынешнее близко к исходному. Руины – это о времени и о войне. Увидев отреставрированное, надо обоpотиться к промежуточному, ещё тогда относительно невзорванному и неосыпавшемуся. И удивиться нехватке топоров в в те времена, когда здание от исходного менялось к промежуточному. Руки надо отрубать раньше голов тем, кто так строил, а главное, пожелал так строить, кому пришло в голову сочинить такую реконструкцию, заказать проект, чертежи, расчёт материалов, подбор кадров, «осмечивание» и «офинансирование».

Как Петропавловский собор прошёл путь от 1146 года до 1605 – неизвестно. При Борисе Годунове Фёдор Конь построил 6,5 км крепостной стены из кирпича, длиннее тогда была только Великая китайская, но вытянутая в ниточку и как-то несопоставимо длиннее, там тысячи километров. Из материала, что пошёл на коньскую стену, можно построить несколько тысяч каменных домов. В Москве (длина стены кремля 2,235 км, Китай-города – чуть больше) в это время было несколько сотен, европейские столицы наслаждались совершенством глинобитных домов. Через век Пётр I станет знаменит тем, что по градостроительной своей прихоти запретит каменное строительство во всей стране, а Борис I Годунов в конце XVI века выгреб отовсюду всех каменщиков и даже гончаров, настолько важна была оборона от агрессии с запада. С внутренней стороны, кстати, там нет никаких мерлонов, их назначение (через сто лет после итальянцев, нескольких Фрязинов, Марка, Алевиза и пр.) – красиво увеличить снаружи высоту, вытянуть лежащую стену кверху, дробно украсив рваными полукружьями.

Уже в XVII веке на западе от собора появилась простая колокольня с непростыми крыльцами на юг и на север, они сами по себе стали гульбищем, в котором в про-

шлом и более ранних веках появилась потребность (как в теплом тамбуре перед натопленным помещением), прежде чем войти в церковь, надо перевести дух.

Перемены XVIII века заслуживают особых, изощрённых, внимательно обдуманных, даже выношенных похвал. Какими чертами внутреннего мира можно объяснить их (перемен) появление? Ответ неожиданный, но другого по трезвом размышлении не появляется. Это просвещение как процесс и как эпоха. Ордерная симметрия и геометрическая простота, доступная уразумению каждого, рождают тенденцию к упрощению формообразования, красота начинает путаться с вычурностью, завитушки заменяют изгибы, ритм, ордер и перспектива портят друг друга, пытаясь поддержать.

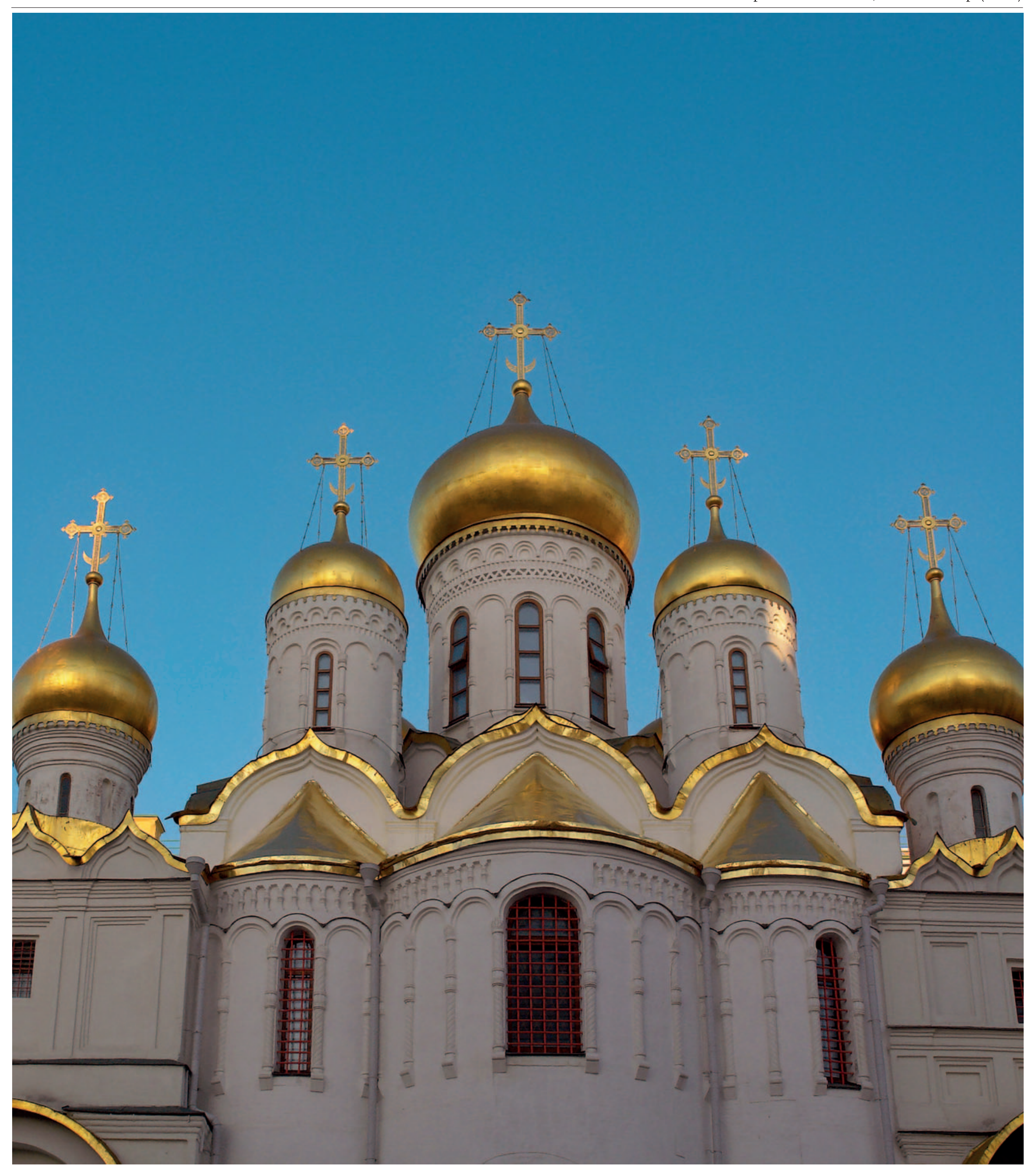
Здание в три этажа по семь окон на южном фасаде абсолютно разумно. Если его продлить в высоту ещё двадцать раз – можно ставить в XX веке на скалу в Манхэттене, оно затеряется среди близнецов разных возрастов, надо просто дождаться технологии строительства. Торжество здравого смысла – поставить вплотную к собору, без зазора. И вся сила таланта перестроителя сгустилась в ритмической цифре «Три». Наверху образовались три башенки; чтобы охарактеризовать их неповторимое, тщательно продуманное изящество, нет лучших слов, чем «конгруэнтность», «подобие», даже равенство и чуть ли не «справедливость и равенство». Они просто и элегантно расположились не где-нибудь, а именно сверху, над четырёхскатными крышами, что совершенно замечательно для их функциональной нагрузки, работающей сразу на две группы органов чувств – зрительно-световых и музыкально-слуховых.

Тот комплекс перемен, которые произошли в головах заказчиков и строителей отеля между колокольней и собором, может быть очерчен только одним словом – ослепление. Вспышка света, произведённая Просвещением, произвела ослепляющее действие. Простота, разумность, полезность, осмысленность и ориентация на удовольствование обитателей отеля – итог тех передвижек, которые приключились от 1146 до 1946–1965 годов (а это всего-навсего три эпохи, из них последняя длится и сейчас – средневековье, Возрождение и Просвещение), когда П.Д. Барановский ножом отрезал от этого пошлого тортика то, что убивало Петропавловский собор насмерть. Оставшееся и сейчас убивает, но позволяет дышать немножко. Возрождение и высветление собора потребовало расправиться с примитивностью и убожеством грубого Просвещения, всё Просвещение оказалось просто меньше одного собора. Византийское существо архитектуры собора не надо ни возрождать, ни просвещать, достаточно просто беречь, как камертон и Парфенон, просто потому что он ближе к Парфенону, чем к Версалю или Петергофу, и потому больше. От Парфенона до Петропавловского собора всего полторы тысячи лет, а от него до П.Д. Барановского – целая тысяча. Поэтому без преувеличения можно сказать, что П.Д. Барановский и всё племя реставраторов XX–XXI веков ближе к Иктину, Фидию и Праксителю, чем производители античных портиков и колонн из XVIII и XIX веков. Они оказались раздавлены преклонением (не станем бояться слуховых галлюцинаций, иллюзий, аллюзий и конклюзий, не говоря уж об эксклюзиях) перед западом, порождённым рукодельным императором как раз в эпоху Просвещения и на триста лет заразившим общественное и художественное сознание целой страны дурной болезнью забывчивости. Получив античное наследие из ладони в ладонь от Византии и из Генуи, развивая его после фрязинских мастеров в течение двухсот лет непрерывно и славно, XVIII и XIX века потом отмахнулись от него ногой и теперь через ложнорусский стиль и модерн архитектура пытается вспомнить, «а что, вот так просто – это разве и есть хорошо?». Витрувий, а за ним Альберти и Скамоцци, может быть, и знали, что такое снег, но не ходили по нему семь месяцев в году каждый день своими ногами. Дверь в зимнее помещение высотой пять метров – просто отопление неба; архитектура, не выросшая из климата – заносчивость и расточительство.

От Ивана и Василия Третьих через Ивана IV к Борису I – целый век, ушедший на амальгамирование византийского золота и итальянского серебра (в котором тоже немало от греков, поименованных ромеями). Достаточно назвать три церкви, чтобы высокими вешками обозначить этот путь: Успенский собор в Старице (1530), церкви Вознесения в Коломенском (≈1529–1531) и Преображения в Острове (приблизительно конец века или начало нового).

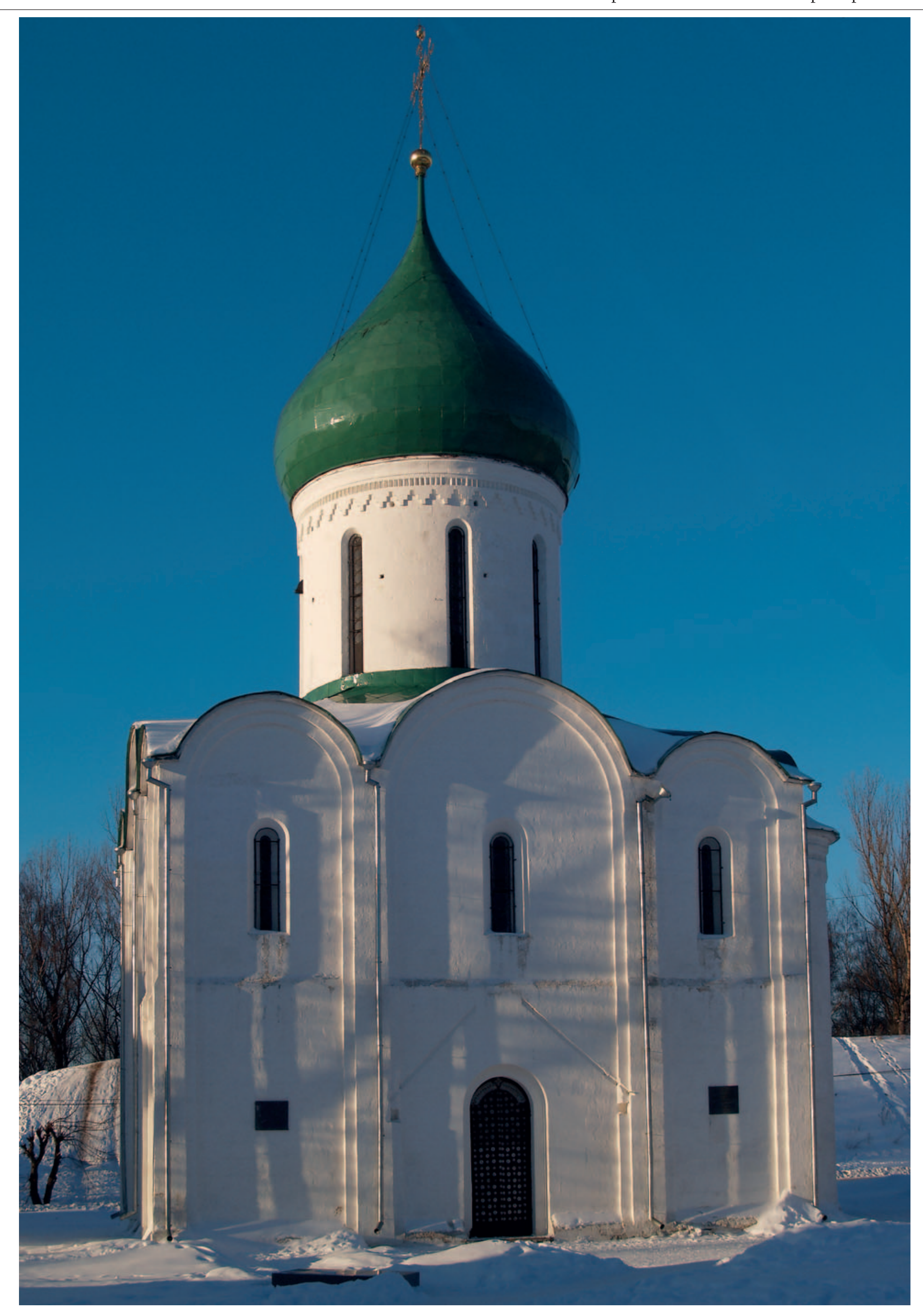

Про Преображенскую в Острове спорят скоро два века про семьдесят лет – от первой трети XVI века до самого начала XVII-го. Статья В.В. Кавельмахера, собранная его сыном, относит создание церкви к началу XVII века, то есть к годуновскому времени, или даже позже. Где-то тут же помещаются большие перемены в околокремлёвской архитектуре. Развивая то, что в XVII веке подмастерья каменных дел строили, вспоминая учителей и их образцы, «по догадке», из наития, припоминая и предполагая, уже в XVII-м они стояли на крепких ногах, рубеж и революция Годунова – на овраг между веками, а мост между ними.

*
*

Преображенский собор в Переславле-Залесском – из самых старых (1152), а и там плечо к алтарю и пониже, и поуже другого. Правда, нельзя сказать, что к к алтарю – значит к востоку, потому что апсида смотрит почти твердо на север, а не туда, куда обычно. Это не недосмотр. Причина, вероятно, в том, что фундамент под собор начинали размечать во второй половине июня, в ясную погоду, когда солнце, даже всего на сто вёрст севернее Москвы – отказывается садиться окончательно, и встаёт, едва дотянувшись до земли, почти на севере – поди тут узнай, где восток. Судя по колдовской привлекательности Преображенского собора, строили его умелые мастера. Зауженные и заниженные северные прясла и закомары уравновешены сильнейшим инструментом внешней выразительности – окнами; на востоке их три штуки вровень по высоте, на юге центральное задрано, на западе правое (заложенное) ниже; зачем так? Разница восточного и западного фасадов объясняется, может быть, тем, что собор строили при уже стоящих валах: стоящий с востока на закомары всегда смотрит, задрав голову, и отличия прясел не очень заметны снизу; стоящий с запада на валах обязательно упрётся взгдядом в эту разницу ширин, и его внимание отвлечёт немного упавшее правое окно. Из этого с необходимостью вытекает, что строитель хотел скрыть, припрятать поклон алтарю, то есть чтобы действие (поклон) происходило, но незаметно, само собой, чтобы цельный образ без расчленения на анализ и постижение можно было бы сразу, одним куском, положить в карман и унести с собой.

На этом фоне Даниловский собор (≈1531) Переславля немного пригрывает – ему на голову нахлобучили четырёхскатную кепку, которая делает лицо всегда угрюмо-невыразительным и взгляд всегда исподлобья, а ведь там ближние к алтарю прясла и закомары тоже поуже и пониже. То есть те, убогие, забитые, несчастные, полуграмотные и малоразвитые, щи лаптем, и то не очень удачно хлебающие, – верное позакомарное покрытие сделать смогли, а нынешние многовысокотехнологичные строители – никак? Или нет понимания, что зарницы, юные армии и всё военно-патриотическое воспитание в деталях, по частям и всей неуклюжей тушей – гроша ломаного не стоят по сравнению с Успенским собором на Городке в Звенигороде (≈1397), приведённом наконец в порядок, что Даниловский собор с позакомарным покрытием, обернётся красавцем, словно дряхлый сказочный царь после купания в разных водах. Стоит только приметить, что обкусанные серединные закомары с четырёх сторон – это самая малая из потерь, пакгаузный внешний вид долгое время был и у Успенского на Городке. Вообще надо смириться с тем, что сегодняшние архитекторские и искусствоведческие глаза много зорче тех, что были употребляемы в XVIII и XIX веках для поправления «невзрачных» древних сооружений, то, что было тогда устроено, не улучшило, а ухудшило их вид. Единственный критерий – наличие таланта и ясной головы, вот с этим-то и случилась нехватка, с ясной головой, она слишком часто была соблазнена просветительскими кумирами и простотой рецептов. Даже в николаевское время и позже поиски старых навыков поначалу приводили к появлению ложно-русского, псевдо-русского и слепо-русского стиля. Фёдоровский собор Фёдоровского монастыря (1557, Ѳеодоръ – покровитель Фёдора Иоанновича) раздавлен плоской крышей и распластан ещё более пристройкой с двух сторон бессмысленных конструкций во вредно-русском в данном случае стиле. Выкрашенные в жёлтое приделы очень умело приканчивают и затеняют всё, что было отмечено талантом первого строителя. В XVI веке апсиды собора имели фигуру дородную, а после прибавления ещё двух слева и справа, да пониже, все пять предметов стали просто толстыми бочками, мелкая витиевасть декора приделов отвлекает внимание от редкого приёма – западные барабаны гораздо массивнее восточных (так сделано и в Архангельском соборе Микулина городища, 1550, и не только), что приклоняет внимание к апсидам как главному месту собора ничуть не меньше, чем подмигивающие почти незаметно кивки порталов. Строители Фёдоровского собора не могли перемещаться по городу такими хитрыми извилинами, чтобы им ни разу не попался на глаза Преображенский собор, они не могли его не видеть, не могли не понимать значения позакомарного покрытия и высоты апсид. Поставить рядом Преображенский собор и Спасскую (Фроловскую) башню Кремля можно, соседство не оскорбит никого. А Фёдоровский собор плоской крышей настолько безжалостно убит, что никому не придёт в голову ставить их рядом с Преображен-

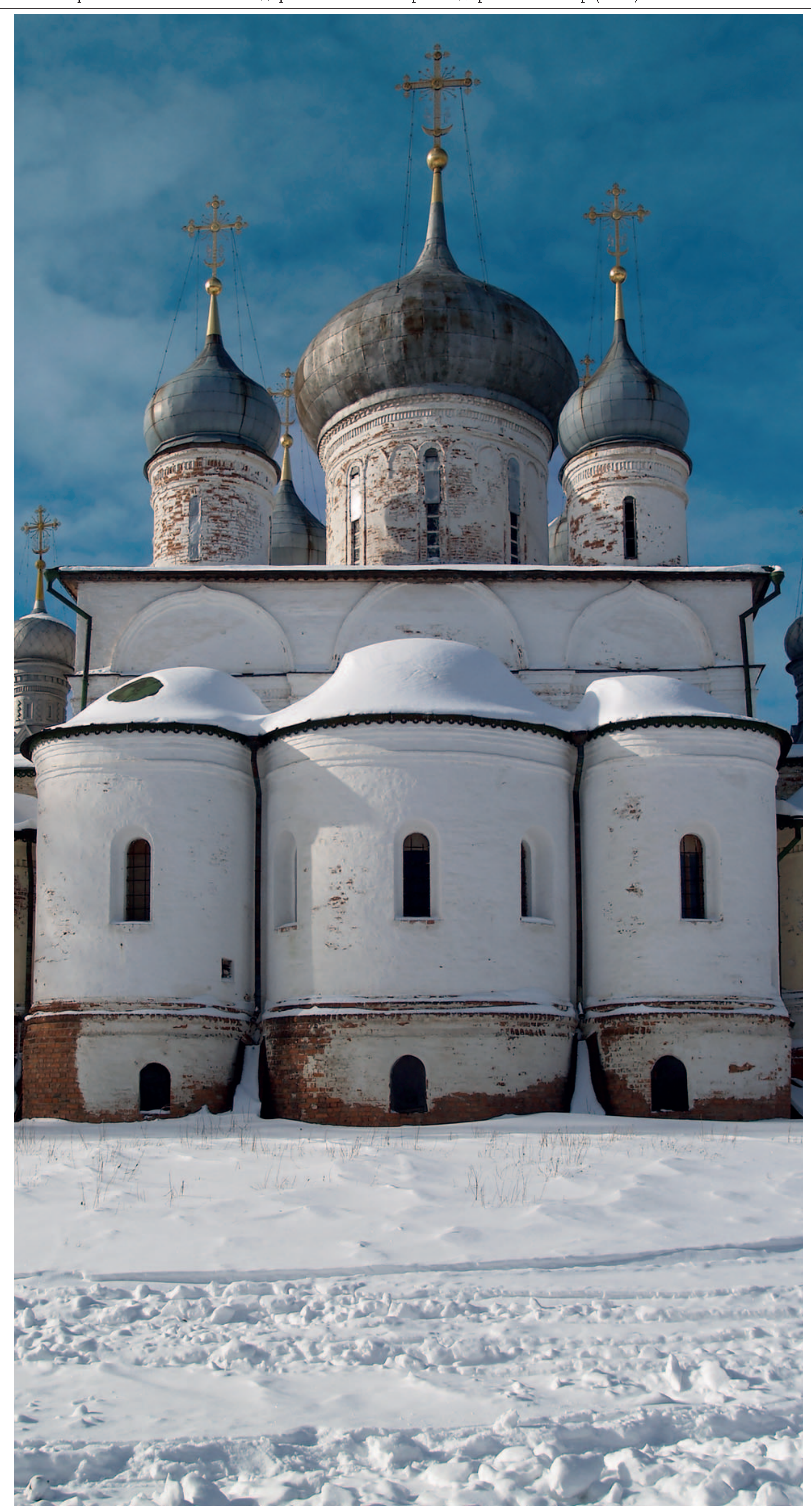

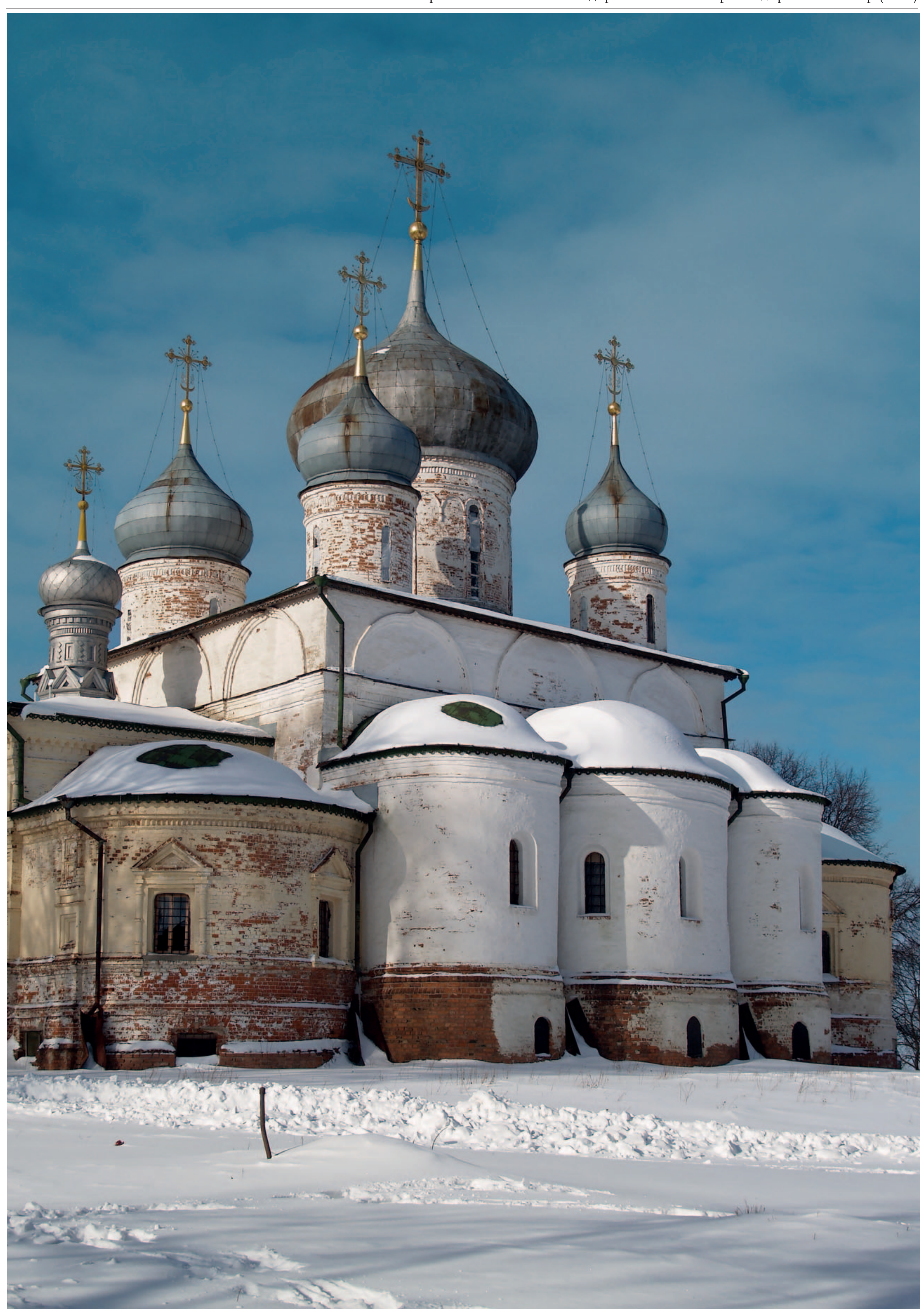
ским, жёлтые приделы и крыша погубили Фёдоровский безнадёжно, напрочь, его изначальная статность не просматривается, не предполагается, поэтому даже надежды нет, что он когда-нибудь оживёт, отряхнёт налипший мусор и оглядится по сторонам по-молодецки. Всё вместе давно уже напоминает только неряшливую обширную кастрюлю с безобразно вылезшей из-под крышки опарой, вольно и плавно расположившейся на столе к великому огорчению хозяйки.

В Фёдоровском соборе гильотинирующий эффект плоской крыши особенно ярок и заметен: обкромсавшую серединную закомару крышу можно опустить вовсе до уровня стены, или поднять почти до глав – нельзя сделать ни хуже, ни лучше, всё уже испорчено крышей так, что спасение невозможно, и второй раз убить, лучше убить невозможно, непоставленнная цель достигнута, живой организм побледнел, кровь отлила, дыхание прекратилось. Констатация смерти.

В том же Фёдоровском монастыре в здании келий – два окна. Мастерски выполненная кривизна фигурного очелья не оставляет сомнений в сознательном, нарочном характере дискриминации правого от зрителя крыла. Треугольное когда-то очелье тоже показывает, что геометрия испорчена неслучайно: пока сверху ещё нет кладки, заметить и исправить неодинаковость наклона левой и правой «брови» – минутное дело, пригоршня раствора на одном мастерке и удар молотком. То есть действует правило: прямо плохо, неровно хорошо, потому что нескучно, живо.

Однако же самое живое и неровное – пляшущие колонны переславского ордера в Горицком монастыре. Каждая капитель подпёрта кронштейном с четырёх сторон для укрепления – «руки в боки». Что и было ровно выложено – со временем повысыпалось, облетело, обтрепалось – и задышало, зажило, и полотенчико (скатерть?) можно на продажу пристроить.

**

Стоящие рядом два изображения одного и того же храма производят ошеломляющее впечатление – буквально, словно ударили палицей по шлему, надетому на голову, в которой долго ещё гудит. Если время и люди сумели так изуродовать Успенский собор к началу XIX века, что его нельзя нынче опознать, то архитектор-реставратор собора если не равен, то уж точно близок первоначальному автору XVI века, он сделал, может быть, и не точно так, как было в тот год, когда родился Иоанн IV Грозный, но точно так, как должно было быть. Стоящие рядом две картинки прочно убеждают: должно быть вот так, как на второй, сегодняшней. Реставратор не «перепридумал» формы храма, он по жалким остаткам, по корням

отсутствующих зубов, не удалённых, а отломанных при прежних восстановлениях и поновлениях, проник не просто в логику автора, реставратор силком уподобился автору и стал даже немножко лучше него, как хороший редактор или научный руководитель понимает автора лучше него самого и помогает внятнее выразить авторскую мысль, он (реставратор) сотворил то, до чего ещё не додумалась научная стоматология – из корней вырастил новые родные зубы, чистенькие, ухоженные, защищённые. Время набросит патину, аромат новизны выветрится, а главное спасено, вся ловкость строителя явлена миру опять, любуйтесь, наслаждайтесь, учитесь.

Надо признать, есть чему учиться и чем любоваться. Образование формы, вероятно, всё-таки падает в голову автора с неба, но его роль тоже есть – он услышал. Авторскую запись нот для мелодии можно хоть урывками и кусочками разглядеть. Общее, аккордное впечатление – много, крупно, множественное, толпой, живое,

Успенскій соборъ Старицкаго монастыря.—1530 г.
(Фот. Ѳ. Ѳ. Горностаева).

тёплое, почти шевелится, есть движение, прямо-таки ощутимое под рукой, как младенец в утробе на восьмом месяце. Неважно, откуда начинать смотреть – отовсюду. Большие куски формообразования падают со всех сторон, не проглатываются, не подавиться бы. Три апсиды, покрыты почти четвертьшарием, то есть отрезана и выброшена сначала нижняя половинка шара, потом от оставшегося отрезана и выброшена задняя половинка полушария, та, что не видна. Покрыто медью, ждём, когда окислится, позеленеет до купороса. Не в меди и не в округлости дело. Над округлостью – короткий лоток свода с накрывающим кокошником, который вплотную примыкает к покрытию апсиды. То есть переход к сложному, как рытый бар-

хат, покрытию четверика устроен с избытком, не жалея, с образованием неочевидного элемента, ненужного ни конструкционно, ни «для красоты» – а получилось и невиданно, и неслыханно, ну ровно платок, надетый на женскую головку, да ещё надо лбом спряталась пышная причёска. Камень вне скульптуры не может быть антропоморфен? Точно не может? А здесь? И дальше выше эти платочки умножились и завертелись в разных поворотах.

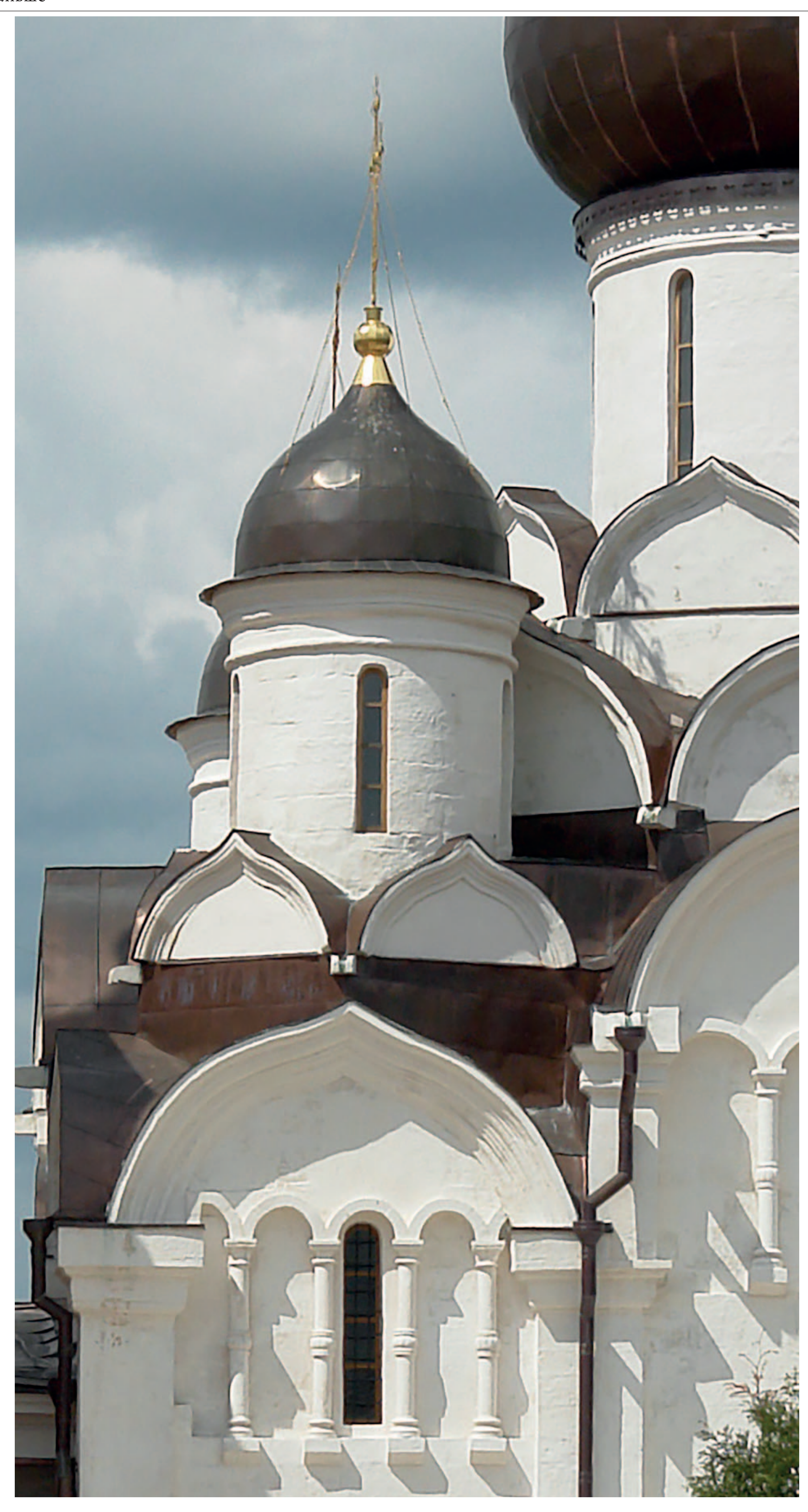
Следующее чудо – как повернуть круглое? Чтобы понять, надо не увидеть, а услышать. Круглое – зачем поворачивать, оно же круглое? Но ничто не потревожит ум, если сказать, что барабаны малых (угловых) глав повёрнуты на 45° по отношению к стенам четверика, хотя щели их окон по-прежнему смотрят по сторонам света. Повёрнуты только их основания с тремя кокошниками. Четвёртого нет, потому что некому смотреть от центра. Тут мы подобрались едва ли не к главному. Каждый из многочисленных платочков-кокошников образован более или менее продолговатым лоточком донышком наверх, его маленькая округло-треугольная плоскость отстоит от того, к чему примыкает, она отодвинута или выдвинута к зрителю с небольшим подвышением, чтобы припрятать сам лоток. Тот, кто так делал, знал, чего добивался. Даже дыхание наблюдающего человека немного колышет его голову. Когда человек шевелится, например, во время движения, и смотрит на храм, платочки начинают шевелиться тоже, тени умножают, продолжают это движение, «отстояние» контрастных кокошников делает подвижность постоянной, даже если зритель замрёт – тень движется сама. Так здание начинает шевелиться всегда, то есть жить всегда, гора становится живой, подвижной. Про четвёртый кокошник у малых глав никто и не вспоминает, он не нужен, а следующие два кольца кокошников всё время немного загорожены малыми главами с барабанами, немного «выглядывают» из-за них. Зритель временами не видит часть или части кокошников, но верит, что они там есть: так образуется невидимая, но прочная связь, стягивающая всю верхнюю часть к центру, как пирамиду или шатёр.

Поворачивая круглое, надо не забывать думать о том, что не должно закружиться. Юго-западная малая глава производит впечатление симметричного ровного бочонка. Вот чего тут нет, так это симметрии. Ни стереоскопическое зрение человека, ни сколь угодно обширная матрица или стекло (плёнка) за линзами объектива не могут увидеть два противоположных окна в барабане, если они расположены по диаметру. А мы видим. Значит, хотя бы одно сдвинуто к зрителю, приближено к нему, и это скорее всего восточное окно: когда утренний свет обогнёт соседний восточный барабан и главу, луч света дольше будет освещать внутреннюю стену барабана, не скрадываясь толщиной кладки. Впрочем, может быть, это просто глупое предположение невежды, и объектив при помощи дифракции или интерференции умеет отражённым светом немножко огибать объект, чтобы разглядеть его со всех сторон, а окна расположены идеально ровно.

Но вот с южным фасадом ошибок нет и быть не может, тут нас ни волны, ни корпускулы не собьют. Расположение деталей доказывает, что никакого равенства в природе нет. Эта истина в XVI веке была известна не хуже, чем в XXI-м. Более того, неравенство полезно. Фасад не был бы таким, каков он есть, если бы восторжествовала симметрия и умение делить отрезки на ровные части. Перспективный портал сдвинут вправо – ладно, мало ли зачем понадобилось. В каждом из трёх прясел стены – четыре колонки и почти пять арочек. Три центральные арки везде одинаковы, а крайние – все разные. Все четыре колонки все три раза стоят строго не посередине, западное и центральное окна сдвинуты вправо от оси каждой закомары, а на востоке налево; шесть крайних простенков между колонками слева и справа – разной ширины, из-за это и остатки крайних арок имеют разную кривизну. Эта вопиющая асимметрия устроена великим мастером, который понимал, что сбой ритма создаёт больше динамики, чем унылое повторение, фасад, так же, как и завершение здания, оживает, на глазах начинает двигаться, шевелиться, меняться и подрагивать, как шкура лошади, которая стряхивает волной противную муху.

А ведь таких было ещё два – фасада. Западный и северный. Пусть те люди, которые пристроили варварское крыльцо на западе и безобразное здание на севере, были ослеплены неописуемым горем от утраты родственников, пусть богатство им помогло облегчить боль путём строительства церкви над могилами. В результате их

трудов сегодня мы наблюдаем ровно половину архитектурного шедевра. Они запретили потомкам смотреть на изумруд слева. Всем поколениям, отныне и до века – только справа. Смелая и безвкусная глупость увековечена, приговор не отменён, позором фамилия покрыта навсегда, их ничтожество тревожить нельзя, потому что «так исторически сложилось». Пожалеть бы их, снять проклятие, беззвучно произносимое каждым, кто видит вместо северного и западного фасадов жалость жалобную. Надо проявить милосердие, хотя бы вспомнив о фундаменте Ферапонтовской церкви в можайском Лужецком монастыре – он весь собран из надгробных камней. Уже и церкви нет, а камни – лежат. Вот это – достойно. А убожество, подпирающее шедевр – нет. Что же, убирать?

Да, помолясь и попросив прощения, аккуратно разобрать и переставить на пустое место неподалёку после всевозможных разведок и испытаний, чтобы не попортить и то, и другое. Могилы не трогать, не тревожить. Для этого нужны всего-навсего деньги и решение. После этого судьба и города, и монастыря переменится – трудно жить, когда старое нездоровье давит на всё.

Собака, которую Вы заинтересовали или озадачили, сначала просто посмотрит в глаза, добиваясь разъяснений, коротко всплеснёт хвостом в одну сторону, передавая, транслируя для тугодумов короткий вопрос: «Ну?» Потом ещё раз долго посмотрит в глаза, ожидая хоть чего-нибудь и правильно настроит уши, проверяя, не пропустила ли она чего-нибудь. Если собеседник ей попался несообразительный, для доходчивости она, не меняя оси взгляда, повернёт голову градусов на двадцать, чаще по своей часовой стрелке, но бывает, что и против, и тогда уже умное личико морды становится нестерпимо умильным, а взгляд – немного укоризненным, к «Ну?» прибавляется «Что же ты?».

Человек, приходящий к Вам в дом, чем-то уже заинтересован, иначе бы не пришёл. Или просто привык сызмальства, с тех лет, когда водили и не спрашивали, интересно или не очень, тогда интерес заменён привычкой, протоптанной тропой. При встрече его, пришедшего, да и любого хочется расположить к себе, сразу повернуть к себе той стороной, которая у него не колючая, не для борьбы и выживания, а приспособлена для общения с близкими добрыми людьми, причём не взяв за плечи и скомандовав «А ну!», а так, чтобы и не заметил, что к нему уже отнеслись не как к атмосферному явлению или столбу, а с приветственно раскрытым сердцем, с улыбкой, с молчаливым поощрением и благодарностью: «Как хорошо, что зашёл!».

Р. Быков в «Чучеле» для зеркального, наоборот отражения этой приветливости поставил у входа в утреннюю школу пугало в лице директора обоего пола; когда

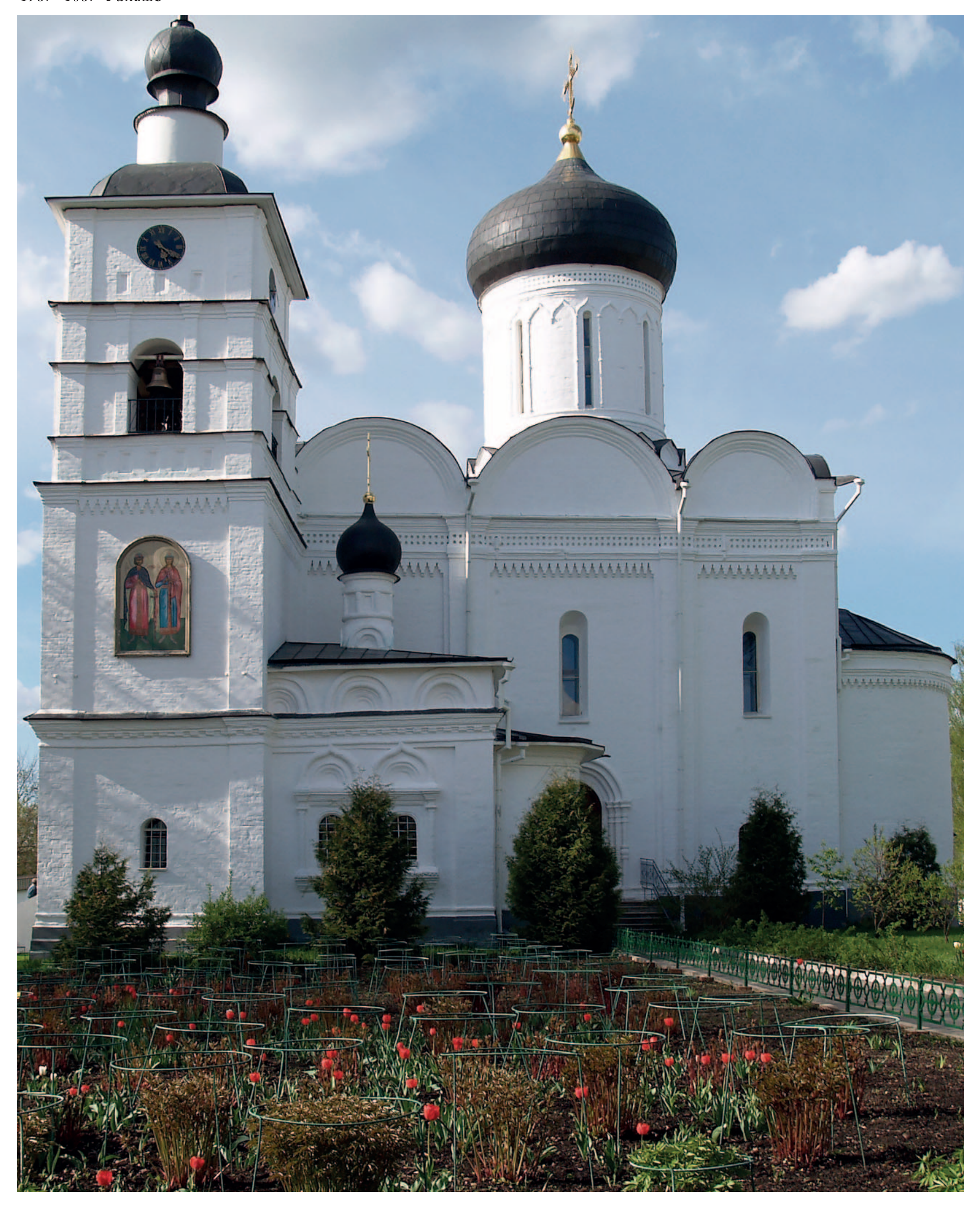

приходит сын или дочь, которых не видел целый (страшно подумать) день – только какая-то страшная мутная пыль в голове может стереть улыбку и опустить руки, поднявшиеся для объятий; правильно и нормально – обнять, поцеловать, накормить и выслушать, позволив отдохнуть. Неестественно – противоположное, должно быть именно так. Вечная схватка – для драчунов, у которых мозг стёк в кулаки. Домов, которые так приветливо выстроены и настроены – не сосчитать, потому что это нормально – так строить. Но таковы не все, некоторые споткнулись о короткое словечко «как?», какие детали и способы помогают создать нужное настроение. Самый правильный ответ – самый короткий: Всё. Все детали по отдельности и всё скопом влияет на общее впечатление, но есть часть каждого здания, которую не минуешь – вход. Двери тоже важны, их тоже можно изуродовать или разукрасить, но как только они открыты для входа – их не видно, пропали. То, к чему они приделаны, заметно всегда. Чтобы пугало из «Чучела» не огорчало всех входящих

Звенигород. Саввино-Сторожевский монастырь. Портал дворца Марии Ильиничны (середина XVII века)

своим неизменным постоянством, уже обрамление, рама для дверей должна обладать приветливым характером, некоторым добродушием в прямом смысле слова, как собака, свернувшая набок голову с острыми ушами, вслушивающимися в то, на что глядят её глаза.

Сосчитать все придумки в этом направлении невозможно, тем более исчерпать их список, потому что каждый день появляются новые. Однако же есть одна, и немо-

лодая, которая работает упрямее других, потому что очень малозаметна. Настолько малозаметна, что и доказать её существование не так-то просто, всегда можно сказать, что комбинация угла, оптики, света, временных разрушений и умонастроения смотрящего лишают доказательной силы любые рассуждения и аргументы. Пожалуй, что и так. Пусть всё нижеследующее будет субъективно, бездоказательно и произвольно. Но предположить-то это можно.

Неправильное положение куста в стене Рождественского собора Медведевой пустыни

Правильное (перевёрнутое) положение куста

Положение куста в стене Троицкой церкви в Чашникове

Тем более что некоторые доказательства бесспорны и наглядны. Все порталы несимметричны, и не только потому, что в них разное число молекул камней. Западный портал Архангельского собора московского кремля на первый взгляд состоит из одинаковых левой и правой частей. Второй взгляд замечает большие различия в рисунках резьбы, и в деталях и даже в направлениях разворота растений. Если дать себе время и труд сравнить левую и правую части, спор пойдёт уже не о наличии симметрии, а о количестве различий – сотни или тысячи. Согласившись с тем, что части разнятся в деталях, но производят одинаковое (симметричное) впечатление, смирно, без возражений согласимся и с тем, что верхняя дуга содержит коричневый рисунок по синему (в основном) фону, в котором различающиеся подобные элементы расположены на разной высоте, справа от зрителя – пониже, слева – повыше, одно плечо повыше, другое пониже.

Немного позже Архангельского собора, в первой трети XVII построен собор Медведевой пустыни и Дмитровский Борисоглебский. В пустыни у собора три портала, один вслед за трещиной в стене имеет неопределённую геометрию (но верх наклонён влево), а у двух других плечи на одном, кажется, уровне, а вот верхушка – как-то, как будто бы, может быть, не исключено, что чуть ли не наклонилась направо. Тень, солнце, точка съёмки – всё надо учитывать. Но всё же... Какая-то хитреца в этих приветственных взглядах появляется, когда приглядишься. В Борисоглебском соборе Дмитрова игрушечный, почти из пластилина слепленный придел XVII века загородил половину портала, но и по остатку можно судить, кажется, о кривизне (на сей раз налево) верхушки портала, но тут определённости меньше.

В волоколамском Воскресенском соборе второй половины XV века обе части порталов вроде бы и ровные, но правая смотрится как более худосочная, справа то овал попрямее по эту руку, то валик потоньше, то ещё что-то подозревается. Но в целом – скорее прямо.

В Саввино-Сторожевском мужском монастыре портал женского дворца украшен тонкой резьбой с похожей особенностью: в правой от зрителя части кокошника рисунок опушен ниже, чем в

левой, хотя оба орла сидят на одной высоте. Третий, орёл, одноглавый, имеет заметно более субтильную конституцию, крылья не напоминают, как внизу, лопухи, скорее можно в них заподозрить известное изящество, самой природой назначенное для обладательницы этого дворца, а не того, что стоит напротив, за собором. Это, конечно, шутка (не лишённая отчаянной смелости – всё-таки герб), рассчитанная на невнимательность или снисходительность, а рисунок кокошника – опять опущенное плечо, опять правые детали ниже левых.

1589–1689 Раньше. Серпухов. Введенский монастырь. Северный придел Введенского собора. Портал (середина XVII века)

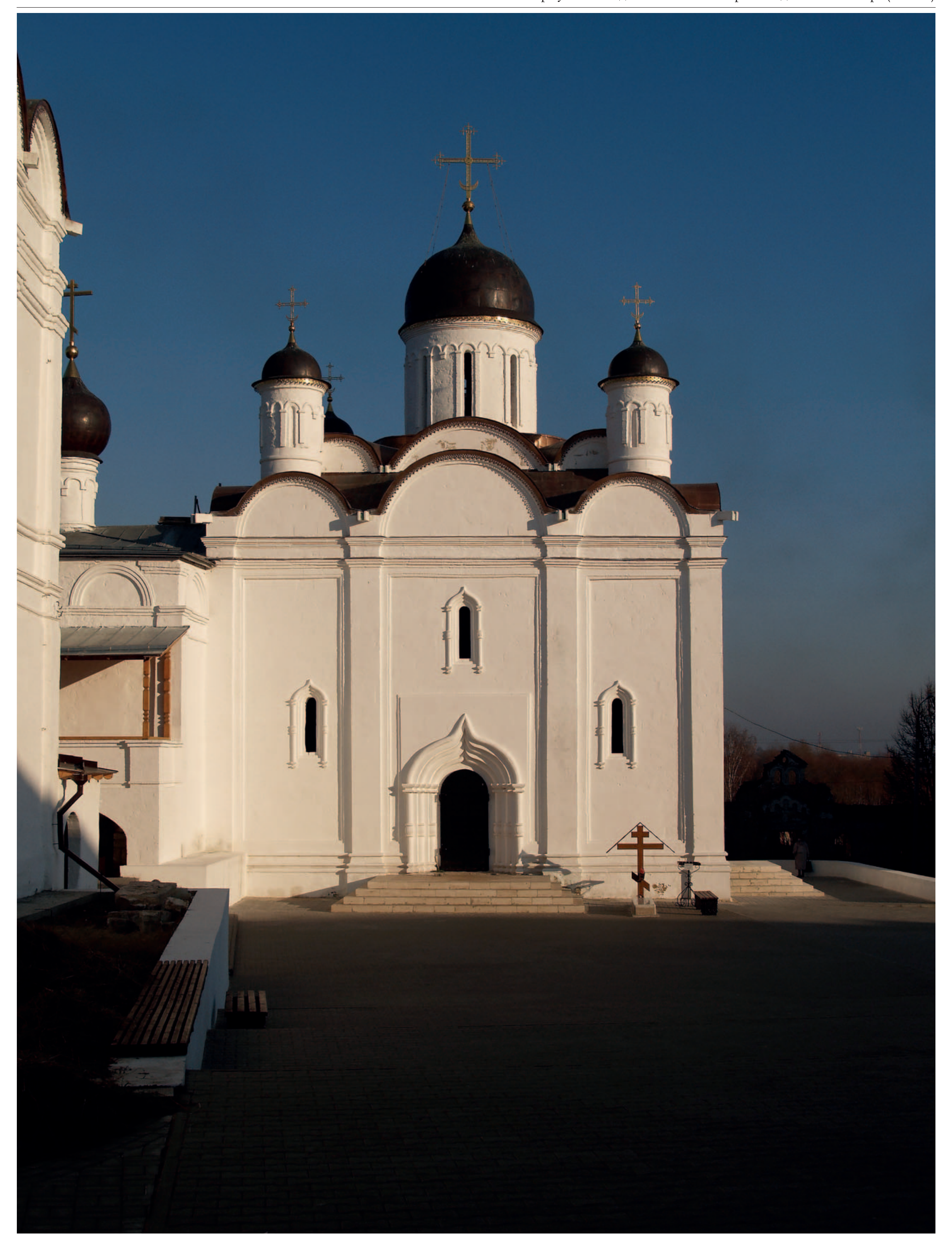

Годуновский Введенский собор в Серпухове строили очень умелые мастера, что такое «прямо», они знали не хуже позднейших реставраторов, как хорошо видно по восстановленному окну без штукатурки и побелки. В порталах собора тоже всё вроде ровно, но порченный глаз норовит отыскать ну хоть какой наклончик, чтобы теория получила подтверждение, но и тут, как в Волоколамске, утверждать трудно. Хотя глаз, как будто, не очень-то и испорчен. Наклона если и нет, то он очень убедительно видится и в порталах собора, и в портале позднего придела XVII века. Придельный портал доказывает, что в XVII веке склонность к наклону сохранилась (конечно, не всегда, не везде – попадается). В Батюшкове порталов, как и положено, три, и все с некоторой готовностью скривиться.

Сознательное, упорное и последовательное бегство от симметрии (что само по себе свидетельство художественной зрелости, взрослости архитекторов) проявлялось с тем же упорством не только в порталах, но и в блоках фасадного декора вокруг окон. Одно из самых ярких решений – окно Святых ворот Переславского Горицкого монастыря. Приезжий, уже привыкший к архитектурной пестроте восточных (ныне главных) ворот монастыря с колоннами переславского ордера, не сразу вычленит в кирпичной вышивке южных ворот многообразие и разновеликость составных частей. Само окно сдвинуто вправо, поэтому гнуть очелье наличника направо ни к чему, простенок сам из-за окна подвинулся и уменьшился, как и правый кокошник, часть воздуха из него перетекла в большой левый. А всё вместе по-прежнему, как и до понимания разницы частей, цельно, ровно, аккуратно, живо и весело – чего и добивался строитель с великим умением и самыми простыми способами.

Может быть, и в самом деле, наклон у верхушек порталов только мерещится, и они стоят прямо, как палки. Но тяга подмастерьев каменных дел к асимметрии и их склонность к баловству заставляет при встрече пристальнее и дольше присматриваться к порталам, подозревая временами то, чего и нет. Сомнения то одолевают, то отступают, но чаще, кажется, всё-таки наклончик есть, и восточные закомары над стенами (например, в Даниловом соборе Переславля-Залесского) меньше западных. Под победительной плоской крышей заметить это трудно, ночью все кошки серы, но когда правильное покрытие восстанавливают, у всего здания появляется лицо, смысл. Нельзя насладиться ликом Элеусы, когда на лицо надвинут капюшон офицерской плащ-палатки до подбородка и ниже, можно только верить, что когда-нибудь откроется.

От Ивана и Василия Третьих через Ивана IV к Борису I – целый век, ушедший на амальгамирование византийского золота и итальянского серебра (в котором тоже немало от греков, поименованных ромеями). Достаточно назвать три церкви, чтобы высокими вешками обозначить этот путь: Успенский собор в Старице (1530), церкви Вознесения в Коломенском (≈1529–1531) и Преображения в Острове (приблизительно конец века или начало нового).

О Преображенской в Острове спорят скоро век про семьдесят лет – от первой трети XVI века до самого начала XVII-го. Статья В.В. Кавельмахера, собранная его сыном, относит создание церкви к началу XVII века, то есть к годуновскому времени, или даже позже. Где-то тут же помещаются большие перемены в околокремлёвской архитектуре, начиная с Покровского собора, который приобрёл ныне узнаваемые черты в XVII веке, как и весь кремль, многие башни и внутренние постройки. В XVI веке подмастерья каменных дел строили, вспоминая учителей и их образцы, иногда вместе с учителями, «по догадке», из наития, вспоминая и предполагая; уже в XVII-м их потомки стояли на крепких ногах, рубеж и революция Годунова – не овраг между веками, а мост между ними, смелость стала нормой.

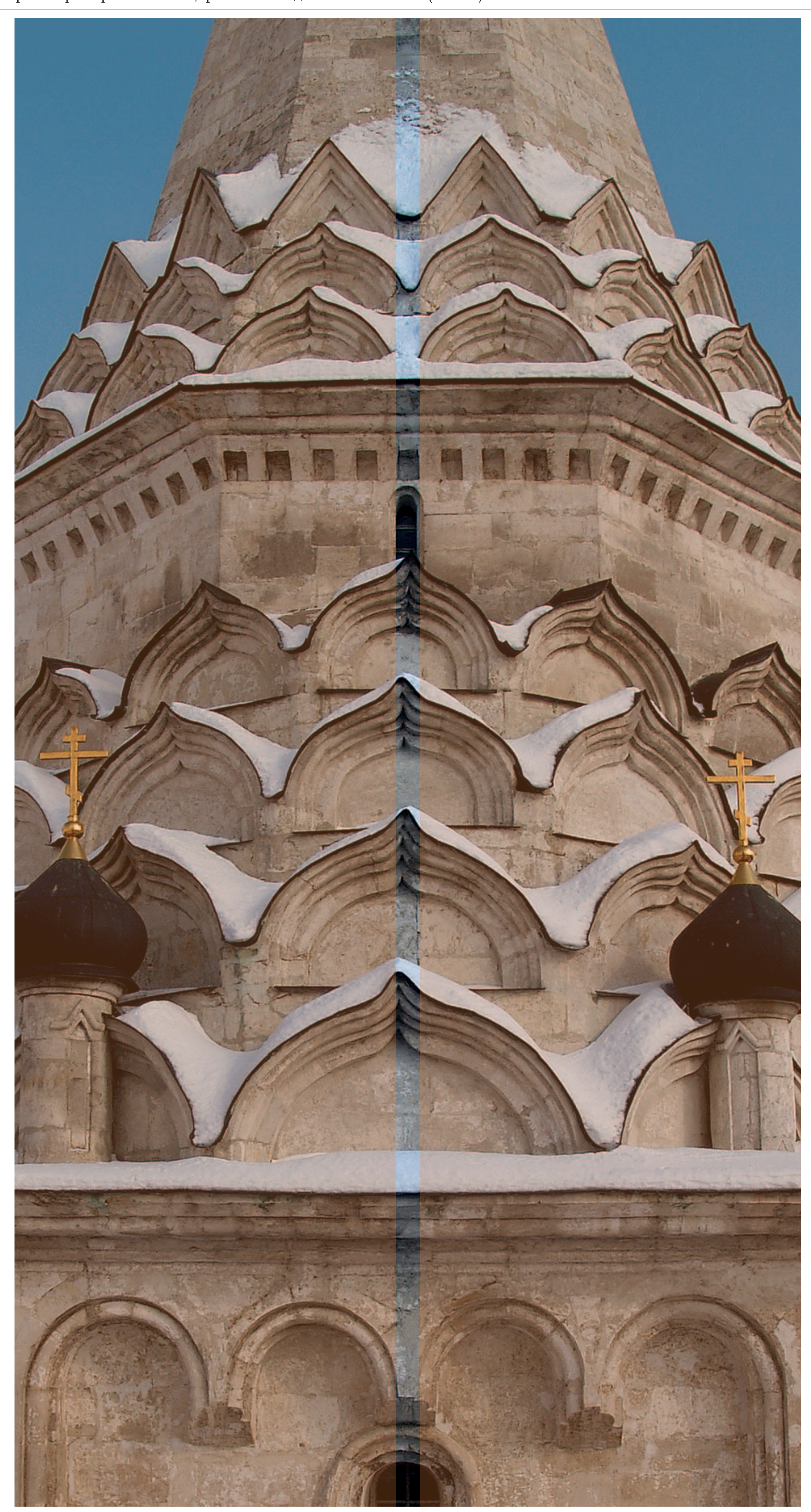
Вдогонку к предыдущей теме. Бывший (до М.Д. Быковского) внешний портал северного придела Преображенской церкви явно и недвусмысленно подмигивает и прямо-таки размахивает головой в приглашающем жесте – это уже не кажется, это настойчиво сделано.

Больше того, весь набор больших кокошников островского шатра не свободен от отклонений от вертикали, весь, кто налево, кто направо – но это выглядывание одного из-за другого становится заметно, как только через их оси провести вертикальную линию и проверять себя вновь и вновь, несколько раз – а не чудится, не мерещится ли?

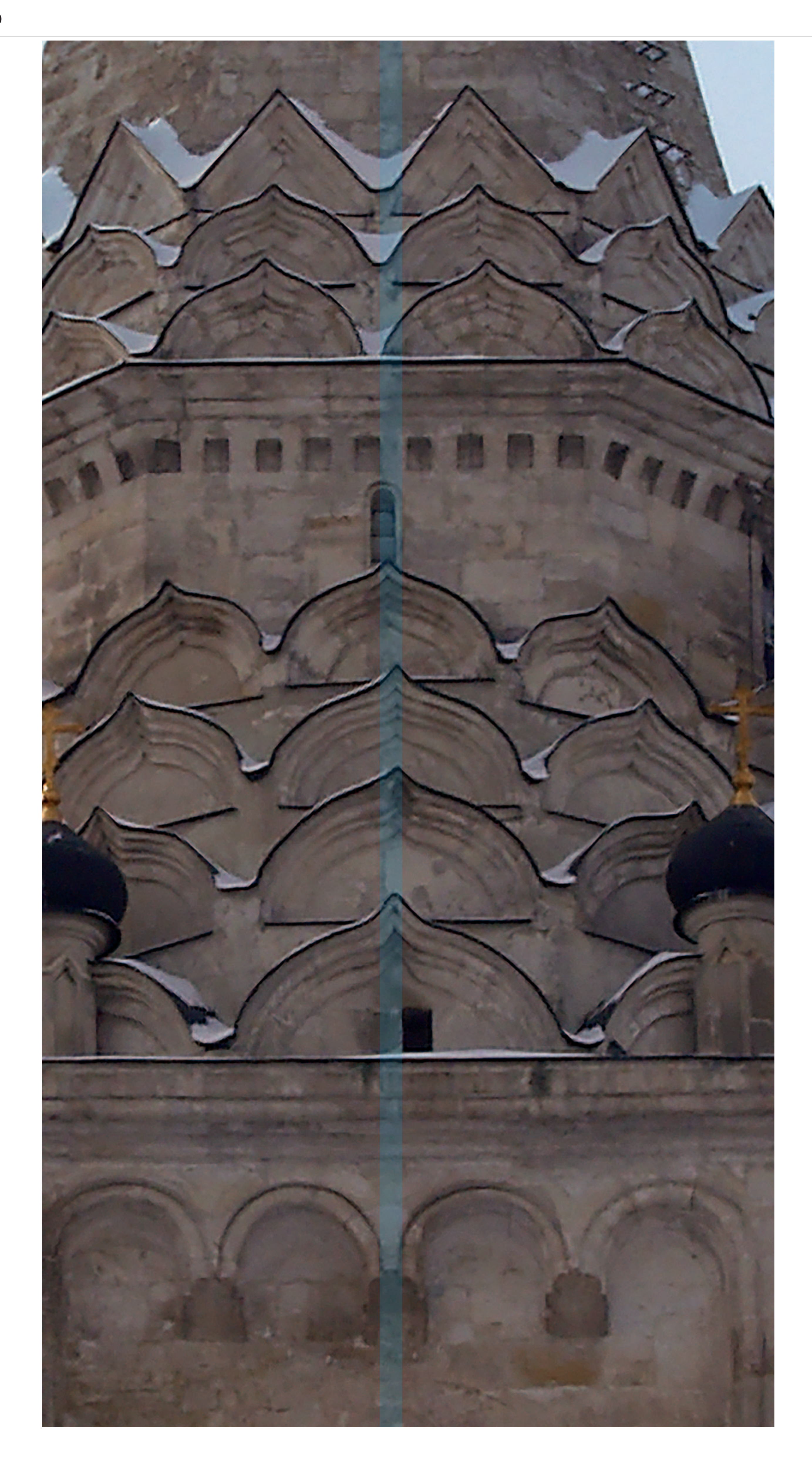
Конечно, любой архитектор улыбнётся и каждый строитель расхохочется: колебания от прямой в пять или даже десять сантиметров – обычнейшее дело на стройке, особенно когда речь идёт о линии длиной в несколько метров. Оно, пожалуй, и верно, когда бы внизу не было порталов, где кривизна нарочита и специально устроена, не оттого, что материал повёл туда, куда всё пришло, а как задумано, так и сделано, чтобы добиться результата. Каков же результат? – Никто не замечает, а портал работает как добродушный и усердный привратник, встречая и провожая каждого вошедшего и снабжая его, хочет тот или нет, приветственной ободряющей улыбкой. В порталах есть и ещё одна черта, которую можно попробовать понять. Порталы эти именуют перспективными и килевидными. Киль перевёрнутый, перспектива имеет метровую в лучшем случае глубину, и ступенек в нём чаще всего не больше пяти, не считая уровня стены. В молитвенно (или умоляюще) сложенных пальцами кверху руках тоже по четыре пальца с каждой стороны образуют подобие треугольника, в той или иной степени остроугольного. Тот, кто строил портал, кто делал проектный чертёж, вряд ли держал в голове образ перевёрнутой лодки или глубокомысленно устремлял мысленный взор в перспективную даль, а вот просительно сложенные руки могли повлиять на образ.

Поскольку строитель не хуже нашего знал, что человеку свойственно ошибаться, он и не стремился к идеальной правильности, больше того, чтобы было по-человечески, надо сделать чуть-чуть неправильно, неровно, несимметрично – чтобы содрать пафос с собора или церкви, сделать его или её не нависающей со всей прямотой и регулярностью, а весёлой, не без баловства, с улыбкой, когда и где можно. Уж если удастся приветливо помахать рукой тем, кто пожелает заметить, – это самое удачное. Не исключено, что и с кокошниками случилось так же. Во-первых, материал действительно ведёт – камень не так-то просто обработать, даже известняк. Во-вторых, когда есть понимание, что важно, а что и не очень – можно увеличить припуски и допуски, и не убиваться над соответствием эталону. И в результате никто теперь не может доанализировать свои собственные ощущения от церкви Преображения до твёрдого понимания, что откуда берётся, из чего проистекает и на что влияет. Скорее – неотменяемая действенность и сила волшебства, колдовста и чародейства на крошечную долю всё-таки объясняются покачиванием кокошников. Неразличимое, по неизвестной причине появившееся, несуществующее движение, пошевеливание, хоть на кажущиеся два сантиметра, хоть на половинку – оживляет церковь уже много сотен лет, заставляет это пламя трепетать в снегу и в цвету.

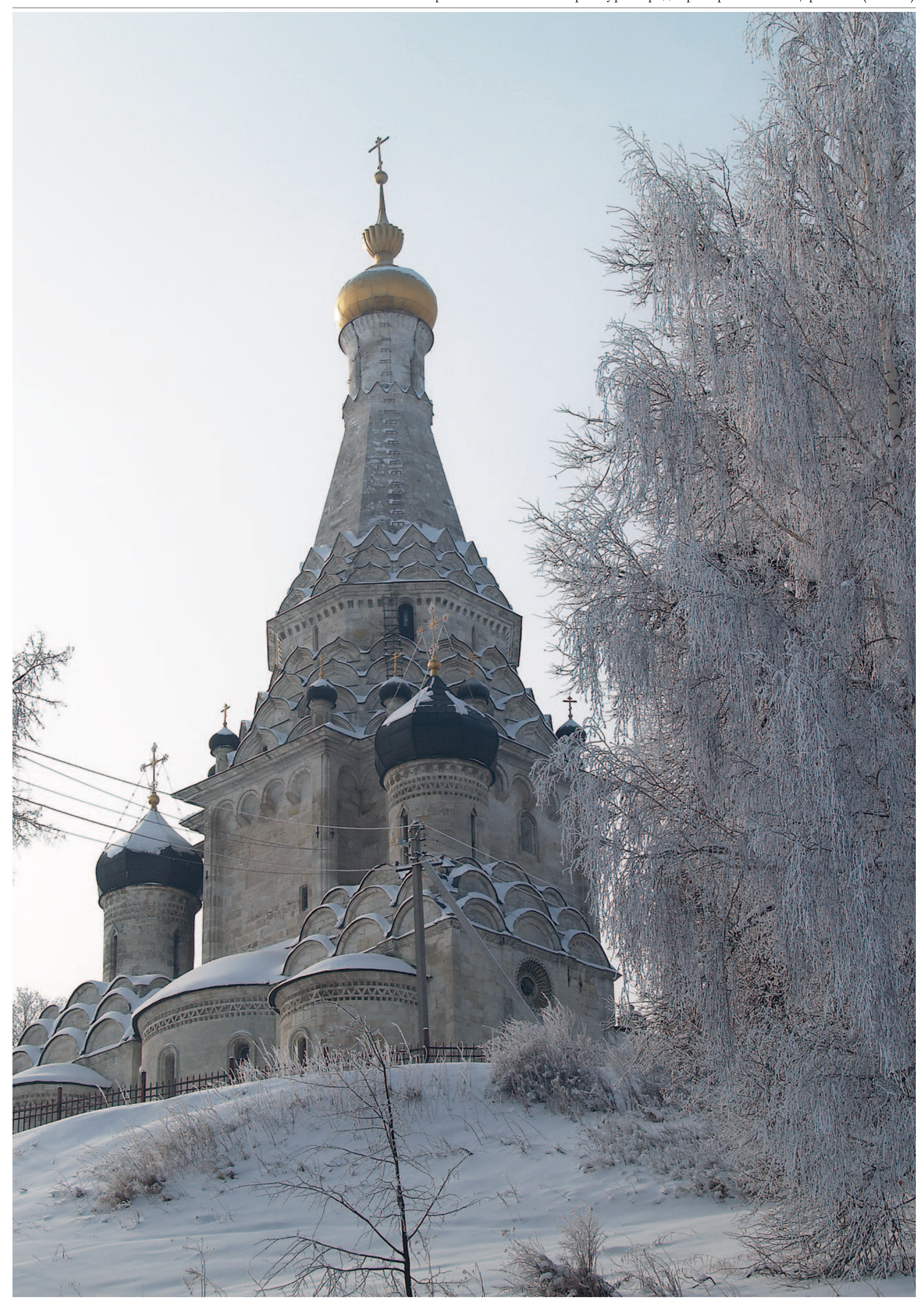

В.В. Кавельмахер не нуждается в подтверждении или усилении его аргументов в пользу окологодуновского времени создания Преображенского храма в Острове – потому что они исчерпывают тему. Но к насыпанному кургану можно принести свою горсть, даже зная, что он не станет выше. На схожесть Преображенской церкви в Острове и Богоявленской в Красном-на-Волге обратили внимание давно, так как она, схожесть, бросается в глаза: шатровый центр и два придела. Не меньше этого ясно сразу, что по совершенству Преображенская стоит много выше Богоявленской, но вот чем определяется высота – не всегда объясняется. Богоявленская церковь датирована неоспоримо: 1592 год, стилистически ничто не противоречит её датировке, пять апсид почти в рост четверика, окна не прорублены в камне топором, а прорезаны ножом, красота рождается не из украшений (декора), а из самой формы, образованной сочетанием рядов кокошников, вырастающих в острие копья-шатра. Главное удивление – почему она не падает, ведь распирающее давление всей массы, стоящей на четверике, огромно, а ни контрфорсов, ни аркбутанов нет и в помине, всё снаружи стройно и лаконично, подпирающая роль приделов на востоке ничем не подкреплена на западе. Хитрость применена почти египетская (пирамида с изломом граней): восьмерик, почти равный по высоте шатру, (опять же почти) не сужается кверху, бочка давит скорее вниз, чем вбок, достаточно хорошо обвязать. Отсюда осталось полшага до приёма, применённого в Острове – там очень большой шатёр, видимый снаружи, изнутри становится ещё выше, потому что начинается ниже (немного похоже на тросы в Останской башне). Кто строил Преображенскую церковь – мог использовать опыт Богоявленской. Богоявленские же строите-

1589–1619. Остров. Преображенская церковь. Уровень, с которого начинается шатёр изнутри (≈1605)

ли Преображенскую не видели – иначе бы переняли навыки и идеи, их ведь не удержишь ни законами, ни запретами, да и авторское право в XVI веке ещё не поселилось ни в какой голове, потому что они (головы) были другим заняты, более важным: красота не в одежде (декоре), а в том, что под одеждой. Апсиды приделов Преображенской соотносятся с апсидой центральной части, они задают высоту, а в Богоявленской придельные вторят центральной, которая «ведёт за руки» левую и правую, выдвигаясь вперёд, все пять штук – главные в нижней части восточного фасада. В Преображенской главные – не апсиды, а сами приделы, они (а не апсиды) подпирают центр могучими плечами. Несмотря на изобилие кокошников (пара сотен, сосчитать точно не никто не возьмётся), на очевидные итальянизмы (раковины-окна) и псковизмы (бегунец и перевёрнутые ласточки над окнами), на изощрённую хитрость конструкции и украшения разными способами – всё вместе производит впечатление не более простого, но более цельного силуэта, букет составлен

не из попавшихся цветов пуком, а опытным флористом, раздумчиво и не спеша, зная, на какое именно впечатление он рассчитывает и какого добивается, от первого камня до главы (с которой, кстати, пора наконец снять глупую вазочку под крестом, невесть когда туда примостившуюся).

Видели строители творения друг друга до того, как начали строить, или не видели – совсем не важно. Проще предположить, что не видели. Если их (не строителей) взять нежной рукой за маковки, осторожно поднять и поставить ненадолго на один холм рядышком – нет сомнений, какая раньше, какая позже. Датированная бесединская церковь ближе всё же к Богоявленской, чем к Преображенской, хотя и стоит неподалёку.

Уже шла речь о том, что в Преображенской церкви использован не самый обычный способ противодействия разваливающему действию тяжести каменного шатра: видимый с улицы после огромного каменного выноса карниза четверика шатёр внутри четверика начинается не просто раньше, а на несколько метров раньше, ниже. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на три верхних окна (восточного нет) четверика снаружи и изнутри. Для облегчения сопоставлений в качестве

линейки можно использовать человека ростом 190 см. Он бочком, но легко выходит на воздух из северо-восточной двери рядом с прислонённой деревянной лестницей в цилиндрической (не скрытой шатром) части восьмерика, то есть высота двери – около двух метров, может быть, чуть меньше. Высота окна на западе сопоставима с высотой двери, которая близка к размеру видимой части восьмерика, от порога до притолоки; от низа окна до верха карниза (откуда снаружи начинается шатёр, прикрытый весёлыми кокошниками) метра четыре или пять должно поместиться. Это те самые четыре с лишком метра, которые составляют разницу в началах шатра снаружи и изнутри: внутри ниже, в углах помещения от окна уже пошёл расти шатёр, пока снаружи ещё долго продолжаются ровные вертикальные аркатурные кронштейны и полуколонны (на востоке окошко внизу с северо-восточной стороны). Поэтому проекция силы тяжести, всегда направленной к центру земли, уменьшает распирающее, боковое действие веса камней, больше вниз, меньше вбок. У такого решения образовался побочный эффект, на который, скорее всего, рассчитывали авторы: силуэт приобрёл талию, бочка Богоявленской стала рюмочкой Преображенской (правда, заметна эта стройность фигуры лучше издалека, через судоходную протоку, от Угреши). Высокие углы четверика между сторонами света (северо-восточный, юго-западный и т. д.), образованные несколькими ломаными под прямым углом плоскостями с лопатками, стали удачными контрфорсами, в дополнение к конструкции и металлическим связям, противостоящими разваливающему воздействию шатра.

Всё-таки прав В.В. Кавельмахер (и неправ его сын, который нашёл совсем неубедительные аргументы против), когда относил Преображенскую к XVII веку – она вся родственница переделок кремля и Покровского собора, Введенского Заегорья в Серпухове и более поздних Зосимо-Савватиевской церкви в Троице и Никоновской церкви там же, и бесконечно далека от Вознесенской церкви в Коломенском.

Понятие «годуновская архитектура» существует, а понимания, что это такое, есть пока не у всех. Два десятилетия у власти, из них почти семь на троне оставили по первому из двух царей династии (второму отпущен был месяц) память скорее добрую, несмотря на невынесенный приговор по делу царевича Димитрия. Двадцать лет – срок немалый, не всем столько достаётся. На память среднеобразованному человеку приходят дело царевича, раздача хлеба и помощь малоимущим во время несчастий начала LXXII века, учреждение патриаршества и архитектурная эпоха, названная по имени государя (то есть по времени), а не по внутренней сути. Говорит ли архитектура что-нибудь о времени, или только от карнизах, тимпанах, конхах, антаблементах, импостах и фустах в сочетании с пилястрами и подпружными арками под парусами без мачт, но с реями? В конце концов почти всё. Остатки городов, притопленных в Крыму, например, – главный, если не единственный источник представлений о жизни и тысячу лет назад, и две. От Покровской церкви (на Нерли) до Покровской церкви (на Рву) прошло почти четыреста лет. Если бы какой-нибудь Симеон посмотрел сначала на одну, потом на другую, он бы уловил не только разницу, но и что-то общее. Вот это общее сохранилось и через 50 лет после взятия Казани, как-то проявилось в годуновской архитектуре, и ещё на сто лет хватило, потом на два века оно нырнуло и вдруг опять выпрыгнуло у Павлинова, Султанова, Щусева и Дужкина (не только). Термин «ликование» хорош и подходит, но ему нет пределов, нет о-пределения, так как ровно так же безудержно умеют радоваться во всех сторонах света.

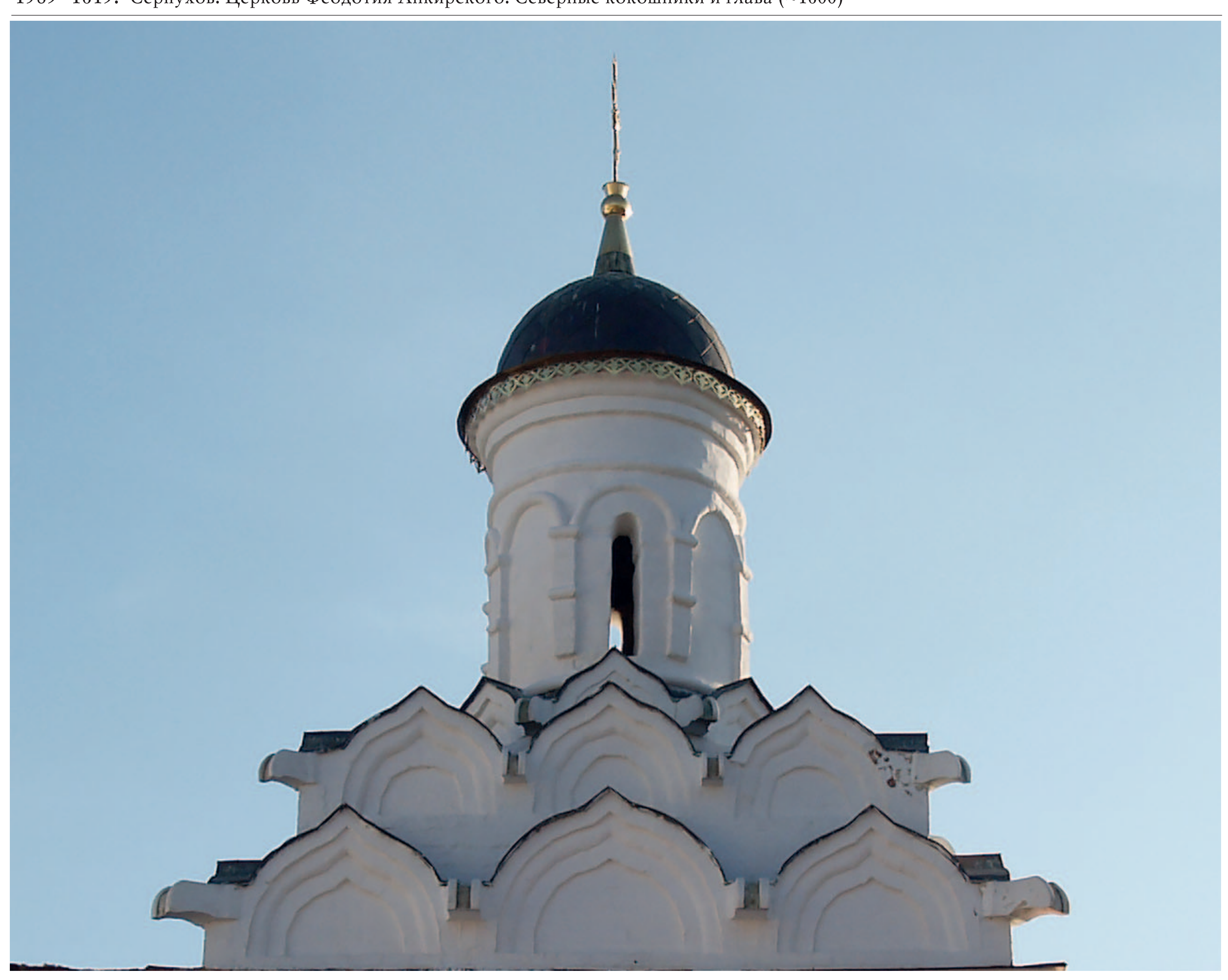
Попробуем приоткрыть только одну из страниц этой толстой книги. Ирод был Иван Грозный, или Соломон, ещё много будет споров, но в памяти он остался как государь редкой породы. И хоть поминать он велел о всего пяти тысячах – это были только те пять тысяч, про которых он помнил что-то достойное поминания; верхняя граница числа колеблется в зависимости от настроений исследователей и зна-

1589–1619. Серпухов. Введенский монастырь. Церковь Феодотия Анкирского. 16 кокошников с юго-востока и глава (≈1600)

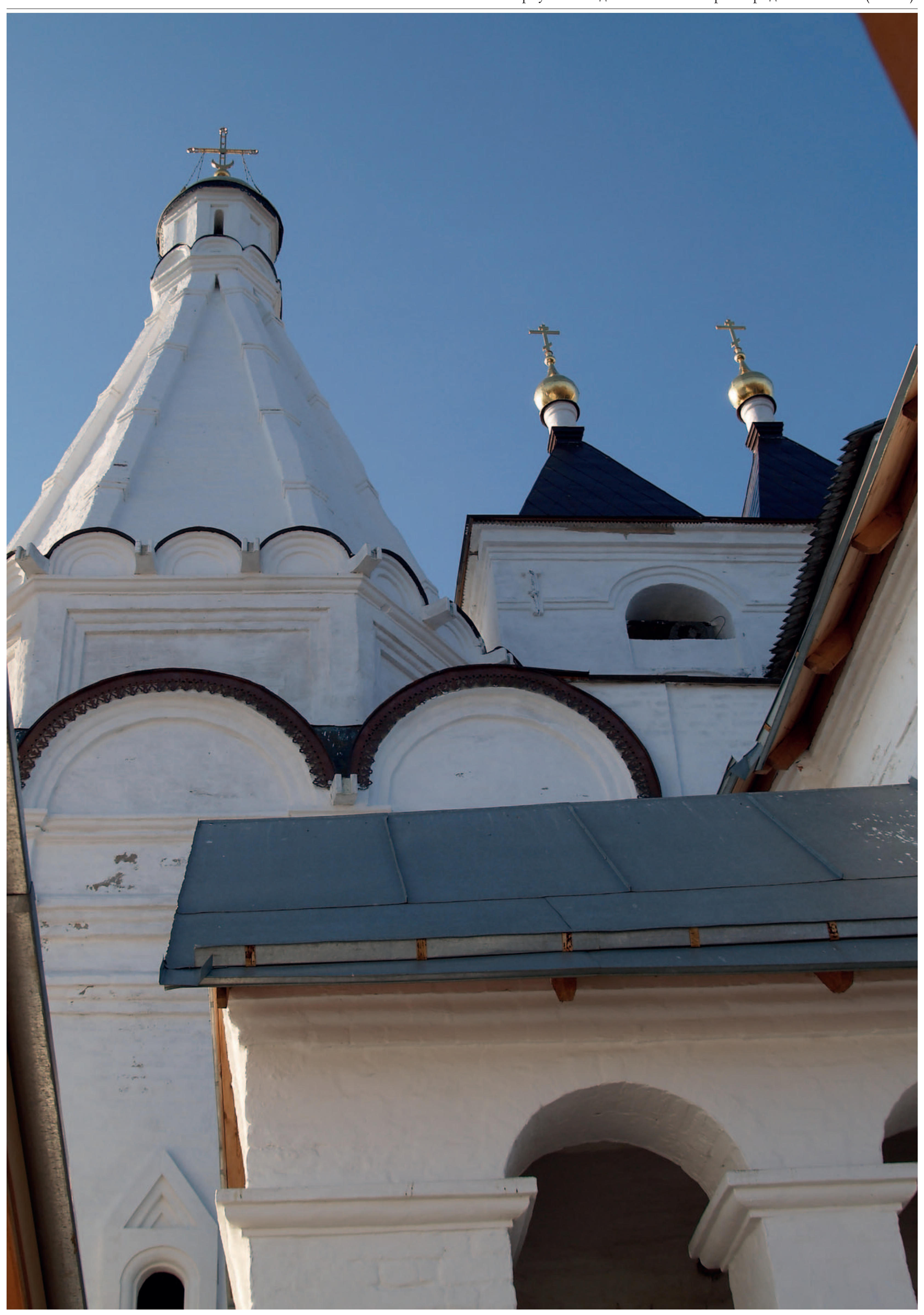

ний о народонаселении страны в XVI веке при начале и «при концу». 1530–1584 – опять 54, причём бедствия начались после юности, раньше были беды. Глядя на бедствия, часть которых приходила из-за действий государя, царский шурин, а потом (после 1598 года) и царь не мог не думать об исправлении череды несчастий, о более цветущем состоянии государства, и удумал, вместе, вероятно, с митрополитом, учредить патриаршество. Но это дальнобойное орудие, а воробьёв надо уговаривать сегодня, и не пальбой, а увещеванием, так, чтобы доходило без литературы, интернета и телевидения. Ни глашатай, ни плеть не подходят, убедительности не хватает, и доходчивости, в этой области с архитектурными символами и доминантами ничто соревноваться не может. Эта нехитрая мысль стала посещать головы правителей давно, начиная с фараонов и тревожащих небо башен в Вавилоне, и почти сразу изощрённость стала побеждать размерность: «Крупно не хитро, хитро затейливо», габариты важны только для заметности, а разглядывать, заметив, лучше что-то приятное глазу. То, как именно глазу делают приятно, и составляет суть формообразования, здесь поселяется новизна и здесь нельзя промахнуться, уж если масло, то топлёное или оливковое, если мастер, то лучший, если материал, то отборный, причём повторять нельзя, только неслыханное и невиденное, среди прочего и по мысли, по замыслу.

Тут и начинается самое важное и самое трудное. У Василия родился Иван – поставили новый Никитский собор вплотную к маленькому старому, но деликатно, у Ивана родился Фёдор – поставили Фёдоровский собор, тоже не маленький. По сравнению с Покровским на Рву на них тоже ушло много кирпича, но форма отлична как небо и земля. То есть Иван (скорее всего с Макарием) сначала придумали что-то немыслимое, а уж потом велели, как в сказке, сотворить то, что им привиделось: «Пойди туда – не знаю куда, сделай то, не знаю что», не говоря уж про «как».

И теперь уже вдруг не скажешь, что знаменитее – София в Царьграде, она же в Киеве и Новгороде, или Покровский на Васильевском спуске ко Рву. Мы все эти образы видим так же, как видел их царь Борис (кроме Царьграда), и ему надо было придумывать что-то свежее, что могло превзойти даже образ Иерусалима на Красной площади. Через полвека патриарх Никон додумается погрузить образы святых мест на верблюдов, и караваном переправит их на Истру, и Воскресенский собор, и подземную церковь, и горы, и реки. Мысль просто ни с чем несравнимая, до сей поры.

Где-то между ними, между двумя Иерусалимами (на Красной площади и в Истре) надо искать родник, утолявший жажду Бориса Фёдоровича. И он придумал.

Поскольку на том, что он придумал, не висит табличка с надписью крупными буквами, что это и как называется, придётся не показывать пальцем, а убеждать.

Во-первых, конечно, это должна быть церковная архитектура, как ни огромна смоленская стена Фёдора Коня, всю её видно только с неба, а требуется что-то охватываемое взглядом; во-вторых, по универсальности, общедоступности, всеохватности и «поражающему» глаз эффекту этому архитектурному предмету не должно быть равных. И в-третьих, символ не должен «бить наповал», перо не кувалда, павлин не корова, человек должен понять, что что-то произошло, но что именно – не ухватишь, не выразишь словом, не почувствуешь весом в руке, кровь капает, но не из-под ножа.

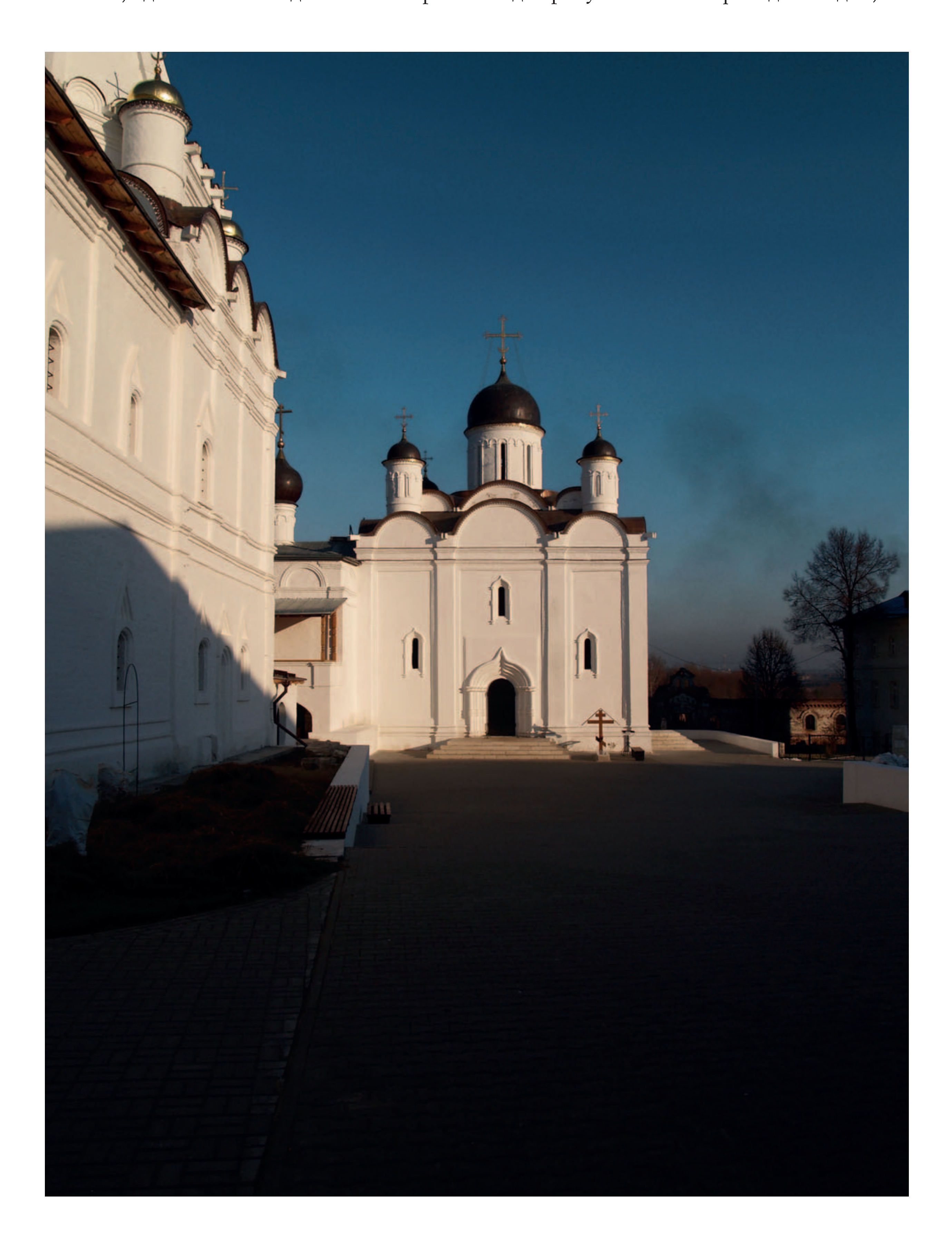
Введенский Владычный монастырь в Серпухове собрал в себе сразу четыре постройки времени Бориса Годунова – три церкви и звонницу. Каждая постройка

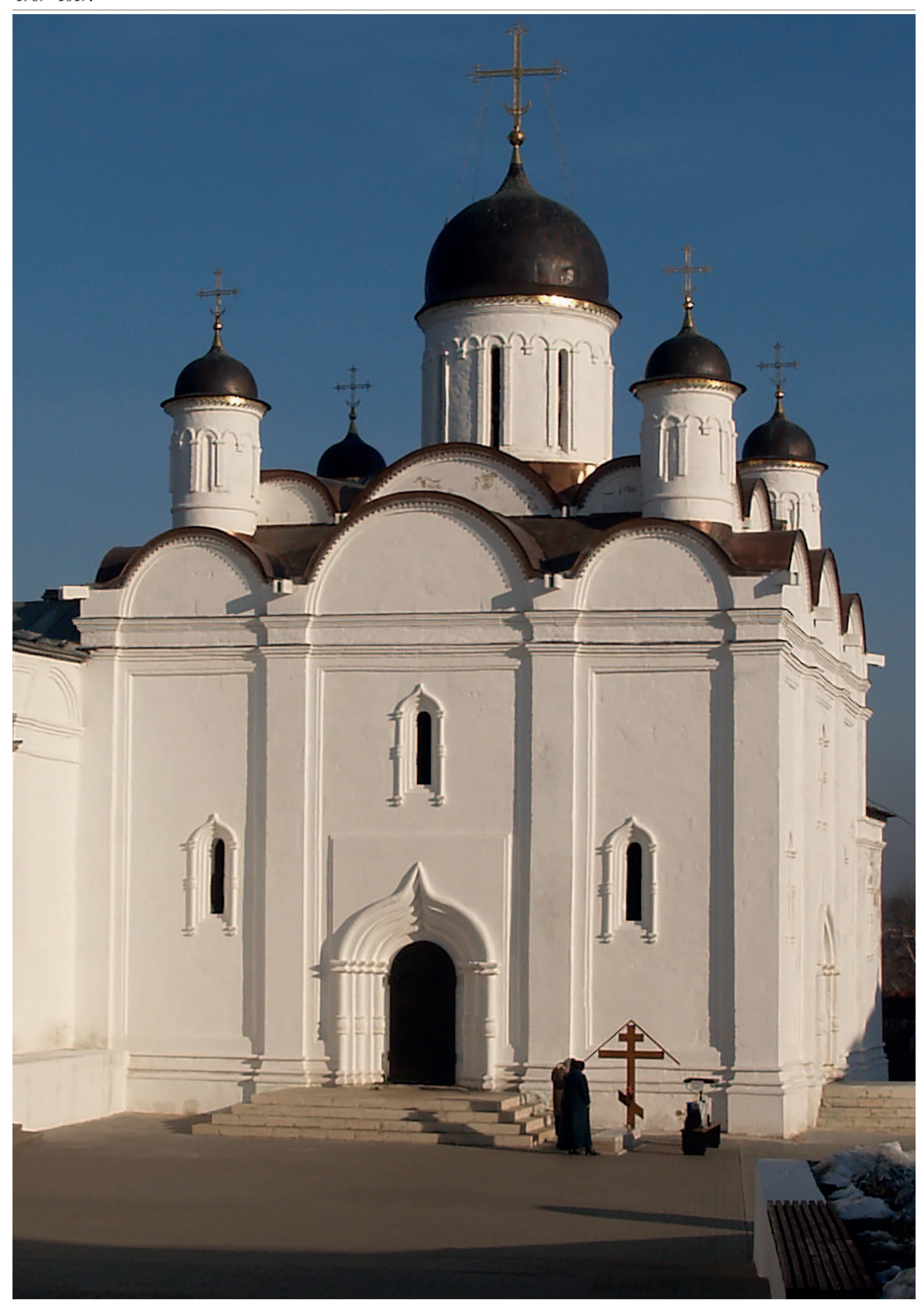

заслуживает внимательного рассмотрения. Взгляд всегда должен быть пристальным, но здесь – особенно, потому что четыре предмета создавались все со смыслом и были настроены друг на друга, не как случайно попадавшие с неба, а как один инструмент, от «ми» до «ми» на шести струнах.

Строитель был внимателен именно к облику, к тому, что видно наблюдателю, а на то, что заведомо скрыто от глаз – и кирпич тратить не стоит. На западе четверика из положенных трёх выполнен только один кокошник, на остальные взгляд всё равно никогда не упадёт, огромный притвор загораживает место, где могли бы быть ещё два кокошника, звонница отвлекает внимание, шатёр утягивает за собой ввысь. Автор был настолько уверен в себе, в том, что он лепит образ, в котором надо нарочно и специально показывать самое главное, а чем-то приходится и пренебречь, что на востоке решил не выводить апсиду (или апсиды), а сразу сосредоточился на лестницах, крыльцах, подъёмах. Решение не уникальное, но нечастое. Случалось, что один из входов делали на востоке (Благовещенский собор в московском кремле), но место престола чаще всё-таки выделялось архитектурными средствами, здесь же от входа в монастырь с запада сразу восточный фасад не виден, он

за углом, а потом уже вниманием вошедшего завладевает Введенский собор, портал, лопатки, два ряда параллельных кокошников над пряслами стены. Ради чего отказались от апсиды? Ради помещения, производящего впечатление полуподвального и скорее служебного, и лестницы в ущелье двух поднимающихся стенок, ведущей в крыльцо, ведущее в крыльцо, ведущее в крыльцо, ведущее в звонницу. Единственное, что здесь можно делать – подниматься, лучше не спеша. И смотреть издалека или вблизи, не без труда припоминая, что, кажется, где-то и когда-то что-то похожее вроде бы уже видел, во всяком случае, ничто глаз не режет, всё как-то смутно знакомо, но при этом и ново, потому что ничего такого раньше не было. Глядя с востока на шатёр, задрав глаза, чувствуешь себя где-то в глубине тесного старого города, почти слыша его шум и запахи, он сразу делается знакомым, даже родным, своим, с детства исхоженным.

Звонница наверху расположилась на высоте, где уже недалеко до граней шатра, оттуда, из продуваемого ветрами павильона, кажется, рукой можно дотянуться до скоб на западной грани, вмурованных для тех смельчаков, которым приходится время от времени забираться под самый купол сквозь узенькие окна, чтобы поправить какую-то неисправность.

Всё это «палатное строение» не содержит никаких палат. Можно было бы попробовать примерить к нему назначение гульбища, но всякое гульбище должно вести ко входу в притвор или трапезную, а тут входить некуда, кроме звонницы, куда доступ не всем и не всегда.

Хочешь – не хочешь, а приходится признать, что вся эта уйма кирпича, связей, извести и стараний пошла на изготовление картины. Причём картины настолько замысловатой, что поначалу её трудно различить, распознать как изображение – нет ни холста, ни досок, ни красок, ни штукатурки, наконец. И нет рамы, нет границ картины, она не останавливается там, где кончилась доска, ткань или сырая штукатурка на стене или на потолке, а продолжается по всем координатным осям, налево и направо, вверх и вниз, подальше и поближе.

В клеймах икон, внутри самого изображения, на фресках не просто часто, а почти всегда встречаются архитектурные мотивы, окна, лестницы, крыльца, столбы, портики, порталы и фронтоны, иногда деталями, иногда перспективами, целыми городами и улицами, с предместьями и горными местностями, с хибарами в пустынях, населённых людьми и животными. Иногда сюжет отвлекает, и кажется, что архитектуры как-то маловато, но стоит чуть перевести взгляд, и вот уже царь Соломон не просто царь, а выглядывает их окошка справа, а слева царь Давид наяривает на гуслях что-то настолько благозвучное, что почти благоуханное. Священная топография всегда условна, поскольку не портретирует местность, а моделирует её, никогда не виденную, разве что в книгах, похожих на издания Пискатора. В этих моделях часто присутствует ракурс, снизу вверх, кроме, пожалуй, Вавилонской башни, которую разрушить можно лишь сверху. Здания, города, крепости и отапливаемые (с печными трубами) поблизости от Иерусалима дома по большей части ждут, когда к ним поднимутся, то ли на гору, то ли по лестнице, хоть по облаку.

То же и в кирпичной звоннице. Вместо апсиды у Георгиевской церкви появилась не одна архитектура, но и география святых мест, ощутимая, трогаемая руками и глазами. Это и икона, сделанная камнем, то есть архитектурный мотив не нарисован, а вышел из рисунка, стал «во плоти», в кирпиче, и самый Иерусалим, Иерихон, Назарет, даже и Вавилон и горы, на которые надо подняться, чтобы получить Завет.

Не хочется придумывать новые слова, но вещь настолько огромная, что её требуется назвать для понимания. Это «иконолит», или что-то с корнем «-петр-», «штайнбильд», «камнелогия», «горнемыслие». Нет, всё одинаково плохо.

Кто придумал, вряд ли станет известно, Филипп, Иов, Годунов, неведомый строитель монастыря. Но именно этот Заегорий (он «за церковью Георгия, почти на задворках») своей сверхсимволичностью может претендовать на выражение неуловимой сути «годуновской архитектуры» и даже всего его премудрого почти двадцатилетнего правления. Если семантика в архитектуре есть, если она уловима вообще, если она может быть постигнута из неархитектурных понятий, то более внятной фразы и представить себе нельзя. Бесконечное восхождение доступно всем, оно благотворно и разлито повсюду, открыто и нетаинственно, оно привлекательно и

манящe, потому что в нём есть простота и красота, над которой много трудились, думали и стремились быть понятными. Приложима ли эта фраза к другим зданиям годуновских лет и отличает ли она годуновские стили от прочих? Пожалуй, нет, ни то, ни другое, и не прикладывается, и не отличает. Как можно назвать музыку? Она больше любого названия и определения.

Это вывернутая наизнанку окаменевшая икона, её смысл, молча выкрикнутый, рассказанный немым и услышанный глухим.

Надвратная церковь Феодотия Анкирского. Ѳеодот (Богдан) – крестильное имя Бориса Годунова. Много ли народу вспоминает об этом, проходя под церковью, сказать трудно. Ещё меньшему числу приходит в голову, что горка кокошников, прикрывающая сомкнутый свод церкви снаружи, как-то может быть связана с куполом наверху барабана, самая простая связь – и то, и другое суть половинки. Полукруг и полушар (чуть больше, или чуть меньше), геометрия по крайней мере родственная, если полукруг раскрутить, как волчок, получится полушар (пока не остановится и не упадёт). Совсем уж редким выдумщикам приходит на ум мысль сосчитать все закругления. Четыре стороны по шесть да восемь сверху и глава. 33. Совпадает с числом земных лет Христа. Нарочно ли? Кто же знает! Но даже если не нарочно, совпадение становится ещё более многозначительным: значит, так... «исторически сложилось». С таким посвящением (Ѳеодот) у церкви появляется ещё одно назначение, она начинает работать вывеской, монастырь к имени получает прозвище: «Годуновский», собственный, только очень мелкими буквами, не все могут прочесть, не все могут и сосчитать, не всем явлено число «33». Но это ни на что не влияет, всё настоящее, без обмана. Число потом появляется и ещё раз, на шатре: у каждой из восьми граней по три кокошника внизу и по одному вверху; и опять прибавим купол. Конечно, ничего не значит, конечно, случайно. Оттого, что слово никто не слышит, оно не пропадает. И то слово, которое сказано Заегорьем, тоже плохо слышно, но уже потому, что слишком громкое, для него надо ухо отрастить побольше, или отойти подальше, лет на четыреста.

Введенский собор такой простой, что казался бы бедноватым, если бы не размер. Стройный куб с шириной больше высоты. Украшений и декораций так мало, что непонятно, откуда берётся изящество. Толстяк не должен быть грациозным. Секрет знает только автор, а глаз усматривает лишь торжество цифры «три». Три прясла, треугольное завершение портала, три окна, два раза по три кокошника, видны только три барабана и главы, везде есть вершина треугольника, второй ряд кокошников поставлен теснее, чтобы подтвердить сужение силуэта кверху. Но главное – скупость эмоций. Архитектурные слова падают редко, тяжело, зато нет ни лишнего, ни суеты. Другой раз такая неразговорчивость будет повторена нескоро, во Флорищевой пустыни, со столь же отчётливой дикцией. У обоих государей скипетр продержался в руках недолго, меньше семи лет, и возраст разный, сравнивать нельзя, и эпохи иные.

Есть, может быть, и не одно, но в числе прочего нечто очень важное, лежащее в основании их архитектурного следа, и что нельзя забыть упомянуть, хотя доказать справедливость суждения трудно, если вообще возможно.

Это достоинство. При малости документальных свидетельств архитектура может быть принята в качестве одного из отражений внутреннего мира, через ряд передаточных звеньев, конечно. И именно достоинство, покой, несуетность объединяет то, что положили в камни Борис Фёдорович и Фёдор Алексеевич. Не то, чтобы грозненские постройки и здания Алексея Михайловича были лишены этой характеристики, нельзя сказать, что Покровский собор на Рву или дворец Марии Ильиничны в Саввином Сторожевском монастыре лишены достоинства. Но именно оно приходит на ум последним, когда видишь церковь Вознесения в Коломенском или церковь в Никитниках или даже Николу Мокрого или Златоуста в Ярославле. А к Большим Вязёмам подходит, и к другим памятникам годуновского круга. Повадка, поворот головы, стать, неспешность и раздумчивость – и при этом полное отсутствие величавости, хотя величия сколько угодно, хоть отбавляй.

Да. Вот почему-то – достоинство. Это вообще два периода, когда достоинство становилось государствообразующим понятием и работало не хуже, чем язык или территория.

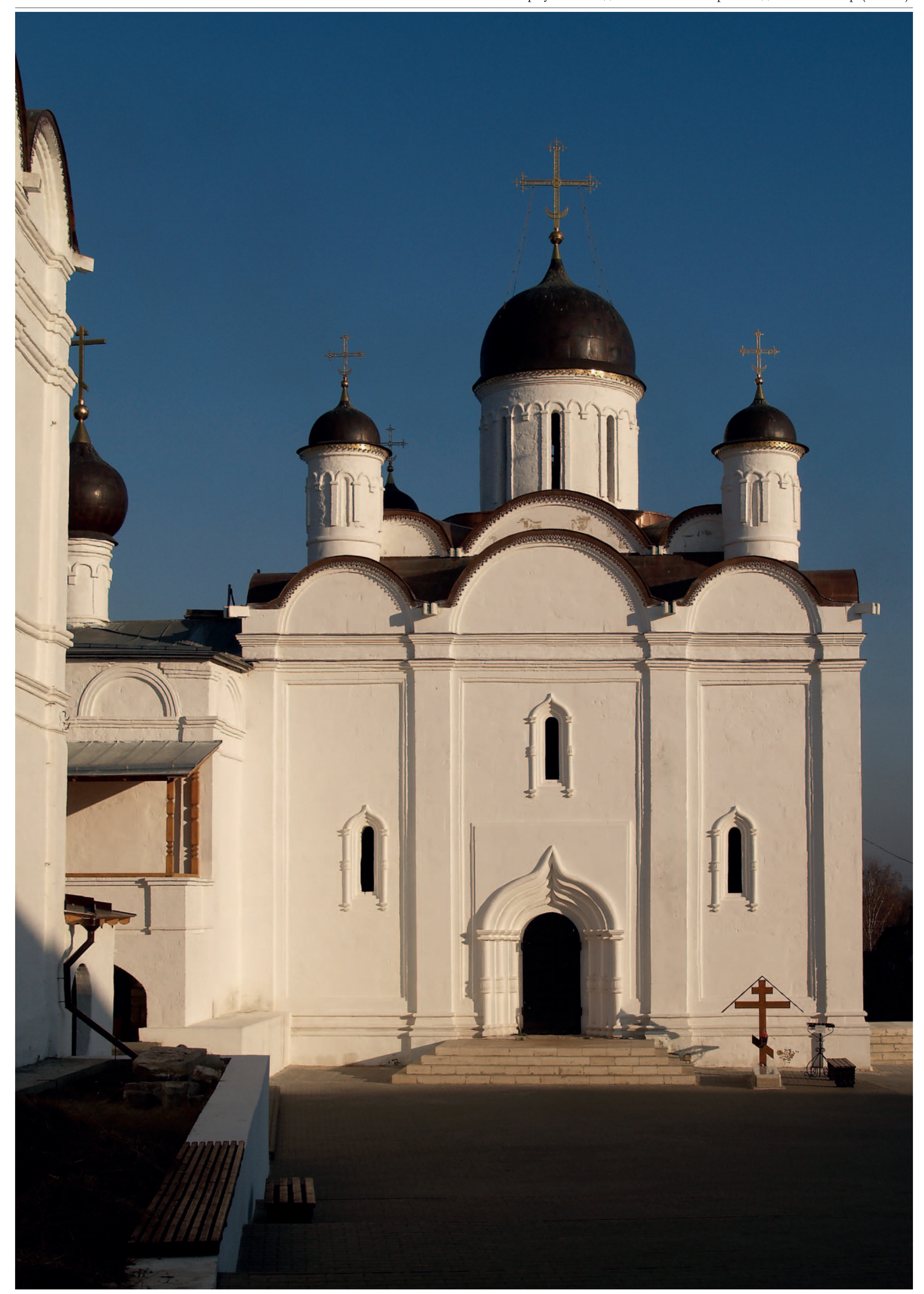
Церковь Вознесения в Коломенском, Петра Митрополита в Переславле и Елоховская – безапсидные, так что редкостью это быть не может, но есть недопонимания, продиктованные не только пробелами в образовании: насколько известно, даже А.С. Щенков не взялся объяснить, а почему апсида не понадобилась при строительстве.

А.Л. Баталову принадлежит много открытий и интерпретаций годуновской архитектуры, начиная прямо с перевода посвящения надвратной церкви Феодотия Анкирского: крестильное имя Бориса Годунова, сокрытое от праздной публики, чтобы избежать колдовских неприятностей от недругов, – Богдан, по-гречески Феодот, позже часто сокращали до Федота, легче выговаривать.

Церковь Феодотия Анкирского ещё долго будет щедра на приоткрытия её больших и маленьких секретов; она какая-то хитро-невзрачная. Если верно, что между тридцатью двумя кокошниками и главой (куполом) существует семантическая связь (то есть только через численное совпадение с апокрифическими годами жизни Христа), то предположительно есть и некоторая связь между формами кокошников и купола. Нет резона ввязываться в дискуссии о форме (шлем или луковица), но при следующей реставрации церкви (вероятно, нескорой) хорошо было бы попробовать примерить форму главы, начатую карнизным расширением барабана, более близкую к шару без донышка, многажды нарисованную чуть пониже, в кокошниках. Форменная неожиданность церкви снаружи монастыря – почти полное отсутствие четверика. Завершение церкви не стоит на четверике, оно упало на стену или гульбище. Изнутри монастыря квадратная сторона четверика появляется под кокошниками и главой, но обнаруживается новая неожиданность. Где апсида? На её месте – круглое окно там, где внутри церкви полагалось бы быть Горнему месту напротив алтаря, который надо ещё где-то разместить. Приходит очередь удивиться размерным характеристикам. На востоке чуть правее есть дверной проём. Пусть он будет двухметровый в высоту. Пусть даже трёхметровый. Ширина стены церкви на востоке – около 5–6 метров, таковы же ещё три стены. На алтарь хотя бы два метра надо, иначе не повернуться, не разойтись во время службы, ну полтора. Вычитая некоторую толщину стен, площадь помещения перед иконостасом колеблется вокруг полутора-двух десятков квадратных метров. Пять прихожан – уже толчея.

А что, если окно в восточной стене сделано не для того, чтобы смотреть наружу, на трапезные палаты Георгиевской церкви и на Введенский собор, а наоборот, смотреть изнутри на того, кто внутри? И если поместиться на Горнем месте в нужный момент, не вечером, а скорее с утра, когда солнце низко на востоке, то при открытых Царских вратах вокруг головы сидящего на троне присутствующие немногие на службе (много не поместится) увидят свечение или ореол, который на иконах передаётся нимбом вокруг головы. А если Горнее место немного утоплено в стену или нишу, впечатление застрянет в голове как золотая отливка, тяжёлым слитком. Народ уговаривать – пустая затея, всё равно толку не будет, надо убедить тех, кто водит народ за руку, тех немногих, которые поместятся в церковь Феодотия Анкирского. Служба – 31 мая, солнце при хорошей погоде давно высоко, переваливает даже через громаду Введенского собора. Эта особенность хорошо согласуется с малыми размерами молитвенных помещений всех тех немногих безапсидных церквей, которые удалось повидать, например, Введенской в Старице, Петра Митрополита в Переславле-Залесском (Елоховская, правда, не маленькая).

Отсутствие апсиды, повторенное в Георгиевском храме по соседству, перестаёт быть случайностью и результатом прихотливого вкуса Бориса Годунова, оно должно быть понято как дважды внятно выговоренное архитектурное слово. В Георгиевской церкви есть ещё повтор – круглое окно на востоке (правда, в подклете, и целых три чуть повыше). Это уже не слово, целое предложение. Окна вообще имеют несколько предназначений, из очевидных – сохранение тепла при помощи стекла или иных (полу)прозрачных загородок, освещение внутри и взгляд наружу. Первые два сейчас неинтересны, а вот взгляд из обоих окон падает на Введенский собор (придела, похожего на отдельно стоящий алтарный выступ, до середины XVII века нет), у которого апсиды на месте. Никакие дальнейшие предположения в голову не приходят, точнее, все они немного отдают «народной этимо-

1589–1619. Серпухов. Введенский монастырь. Иконолит Заегорьевской звонницы. (≈1600)

логией», то есть основаны на незнании. Приходится признать, что речи, выговоренные строителями Бориса Годунова, пока остаются услышанными, но непонятыми.

Уличный образ церкви Феодотия Анкирского (верхушка без четверика, закрытого снаружи гульбищем) настолько непривычен, что врезается в память, и, по всей видимости, не только современникам Бориса Годунова: хочется предположить, что отсюда пошло само выражение «горка кокошников» – здесь, кроме «горки», ничего и нет под главой, она, горка, и запоминается, а если по углам уместить четыре малых главы, то готов облик самой что ни на есть обычно-привычной церкви вообще, причём не такой изощрённо-мастеровитой, как Успенский собор в Старице, а рядовой, построенной на средства прихожан, без богатых ктиторов и иноземных специалистов. Иными словами, выходит так, что нарочно или случайно церковь Феодотия Анкирского стала модельной и образцовой из-за малости своей, из-за отрезанной верхушки, врезавшейся в память, из-за того, что никто и не ищет в ней никакую апсиду, её отсутствие не мешает, а окно на востоке (два окна, второе в Георгиевской церкви) переводит взор на восток, на Введенский собор, делая его ещё более заметным, сверх обычным, самым-самым главным. Тем более, если знать, что он находится позади ореола того, кто восседает на Горнем месте.

И последняя мелочь большой важности. Кокошники второго ряда заметно меньше по размеру, чем те, что снизу, в первом ряду, и выведены кирпичом с кривизнами, овалы все гнутые без плавности, как-то всё неаккуратно, если приглядеться. В том-то и дело, что строители точно, наверняка знали, что никто не станет приглядываться, цельный образ прыгает в глаз без подробностей, нечего и трудиться над изгибами обводов.

А вот с арками гульбища применена другая хитрость. Окон в гульбище – шесть, а ширинок под ними – десять. Тут долго думать не надо, веревочкой одинаковые отрезки отмерил, одно под другим – и хорошо, всё ровно. Ничего подобного. Между окнами пять одинаковых простенков, серединка находится так же легко, как десять делится пополам, стало быть, под центральным простенком должна быть линия, разделяющая пять слева и пять справа ширинок. Оказывается, нет, она заметно левее. Случайно? Ни в коем случае. Ширинки-то ведь легли в стену раньше простенков, их сначала сделали неровными, а потом, может, через месяц сверху поставили шесть ровных окон. Там ещё не умели делать ровно, а к окнам уже научились? Это вряд ли.

Эта нервная неровная рябь, смещённая влево от вертикальной оси двухчастного входа (две арки, повыше и пониже), лишает равновесия, подвешивает всю конструкцию выверенной стройности горки кокошников, она начинает мелко подрагивать и шевелиться, напрягая все силы, чтобы удержаться от падения, как будто центр тяжести вышел за пределы площади опоры. Нет, не на помойке Борис Годунов нашёл своих строителей, неважно каких, иноземных или здешних, в этом гимнастическом «пистолетике на брусьях» – уйма мастерства, недетское умение.

Сам вход, он же въезд сделан очень умудрённо. Высота проезда в центре, в воротах, – почти такая же, как высота входа в стене слева. Человек пройдёт, возок и сани проедут, а вот карета с шатром – маловероятно. Конечно, нельзя исключить, что высокий, вдвое выше проезда проём заложили дальние преемники Годунова, но что-то плохо верится, что им доступна такая простая, короткая, лаконичная мысль: почета тебе, входящему, много, но всё же поклонись прежде, чем войти, склонись перед памятью Феодота, которая начинается сразу там, где кончается высоченная арка, церковь, подразумеваемая там, сразу за гульбищем, приобретает привычные габариты только если её мысленно начать с этой высоты.

А привычной брани по адресу застеклённых проёмов не будет. Незадолго перед строительством этих ворот один англичанин подметил, что «так сделан мир: живущее умрёт». И у того, что сегодня так крепко защищено от атмосферных осадков и низких температур, были отличные шансы лишний раз подтвердить годность этой гадкой мысли и в Серпухове. Если для спасения криптошедевра понадобилось всего-навсего застеклить гульбище, следует сделать такой способ всеобщим.

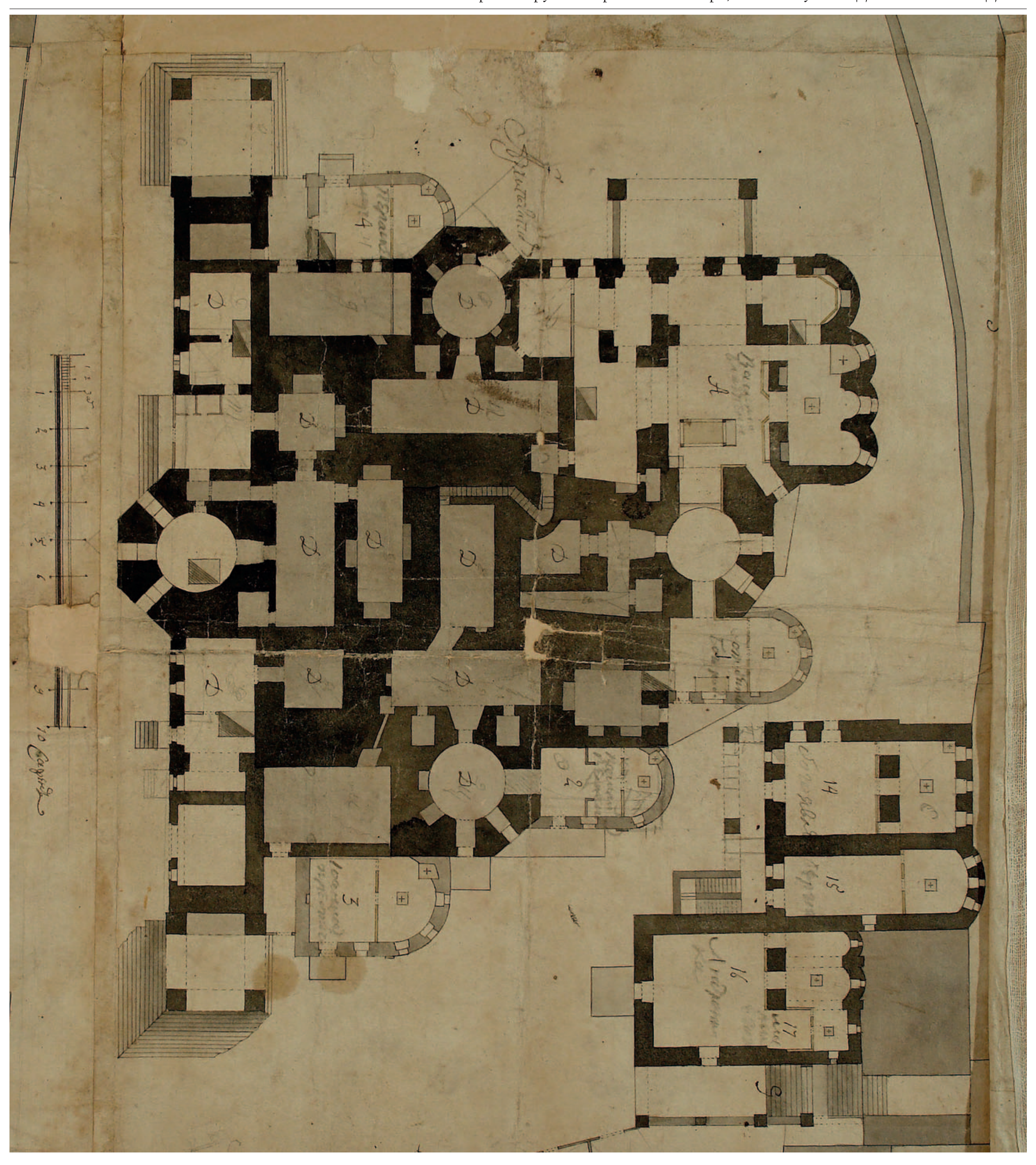
На чём основаны предположения – неважно. Важно, правдоподобны они, или нет, появляется логика в понимании истории, или нет. (Русский философ Густав Шпет написал в XX веке два тома, названные «История как проблема логики»).

Привлекательное, соблазнительное своей логичностью предположение имеет право на существование до тех пор, пока не появится новое, ещё более привлекательное – или (лучше) пока не вывалится в современность бумажный, каменный, костяной, деревянный или тканый (и т. д.) факт, разбивающий хрупкую конструкцию логичного предположения и требующий созидания нового объяснения, обнимающего новые факты. История требует постоянного переписывания. Физикам и геометрам легко – у них всего по два крупных предмета: физика Эйнштейна обнимает физику Ньютона, геометрия Лобачевского включает в себя геометрию Евклида как частный случай; у историков простор для предположений пошире, и факты всё время вываливаются новые и новые, отвлекая от построения понимания, потому что сами по себе бесконечно интересны, увлекательны и ценны, как серебряная копоушка из эпохи Второго, предположим, царства на среднем, допустим, Ниле. Пространство между эрудитским исследованием и сочинением понимания истории – огромно; тежёлый маятник на длинной цепи медленно перемещается между архивным крохоборством (с безупречной правдивостью) и изобретательной фантазией (с недоказуемыми измышлениями) и одно без другого существовать не может. Пожалуй, и хорошо, что фантазёров меньше, чем крохоборов; чем больше человек знает, тем тише его речи и скромнеее гипотезы – просто потому, что он не однажды убеждался, что возможно вообще всё. Вот именно это «вообще всё» и оставляет крохотную лазейку для воображения. Ну если «всё» – стало быть, и это тоже?

Столь долгое расшаркивание понадобилось для того, чтобы сформулировать вообще ни на чём не основанное предположение.

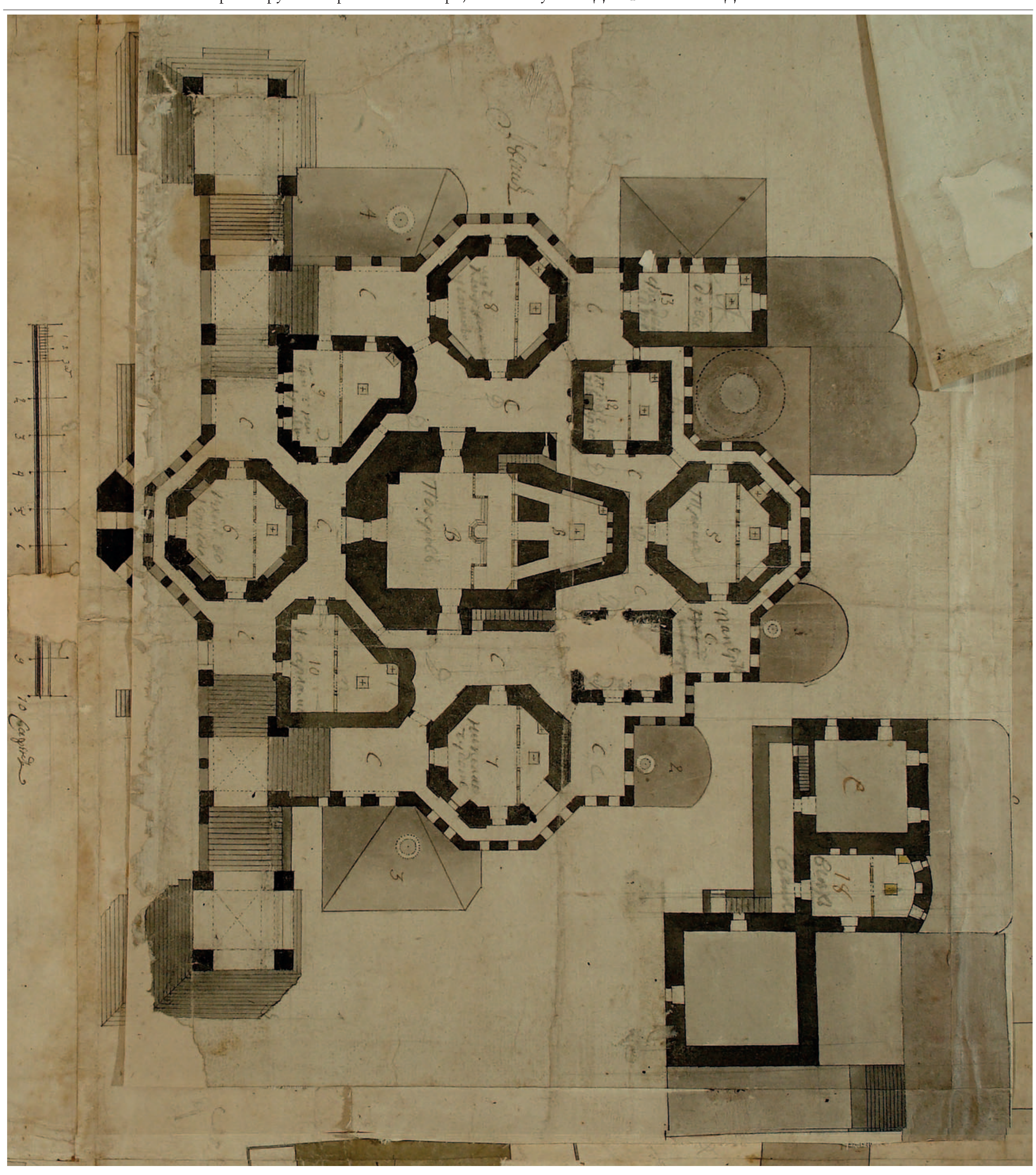
Митрополит и будущий патриарх сорокасемилетний Никон в 1652 году перенёс мощи митрополита Филиппа из Соловков в Москву, а вскорости (1656) задумался о строительстве Нового Иерусалима на Истре. Как, какими качествами мог крестьянский сын (Никита Минин села Вельдеманово Закудемского стана в нескольких десятках вёрст от Желтоводского Макарьева монастыря на Волге под Нижним Новгородом) заслужить право стать Великим государем – то есть почти наравне с царём хотя бы в титуле? Предположим, что его мотивация соответствовала должности. То есть книжная справа, кратное расширение Патриаршей области, основания монастырей, заботы о благочестии и так далее – имели причиной не стяжательство и утоление честолюбивых амбиций, а пресловутые «благие намерения», попечение о пастве, размышления об устройстве общества для блага населения и тому подобное; этим и оказались созвучны начинаниям нуждавшегося в руководстве молодого царя (второго в новой династии). Доказать или опровергнуть это предположение нельзя. Примем его как рабочую гипотезу.

Никон не делал вид, что думает о пастве, а думал о ней, о её благе. Не противореча Священному писанию, эти размышления дожны были основываться на недавнем опыте похожих на него по предназначению людей. Глубина исторической памяти – субстанция трудноуловимая. С одной стороны, разрушение торговых мест в храме Иисусом больше полутора тысяч лет назад мало чем отличалось от наведения порядка в торговых местах на наплавном мосту под московским кремлём в середине XVII века, когда пыль от размахивания и сотрясения мягкой рухляди (мехов) скандально мешала расторговаться продавцу моркови. И то, и другое было одинаково понятно всем, в памяти лежало в одном ящичке. С другой стороны, сто с небольшим лет записаны в самом названии человека – на одно лицо выдаётся примерно сто годов. К началу XXI века, например, ментальная мумификация В.И. Ульянова ещё не состоялась, посягательства на память его соратников лично затрагивают действующую память многих и многих людей, настолько, что они не дают его похоронить. Не исключено, что и для патриарха Никона всё, что происходило в течение ста лет до его дней, было близко и понятно, потому что узел умственных задач, осознаваемых действующими лицами столетней истории, был примерно один и тот же. Применяя увеличительное стекло, можно твердо заявить, что для Александра Горчакова мучительные переживания Тутмоса II или Хатшепсут были совершенно безразличны. То есть умом реконструировать нравственные и эмоциональные переживания фараонов и жрецов можно, хотя и нелегко, но душевного отклика нет, как правило, никакого.

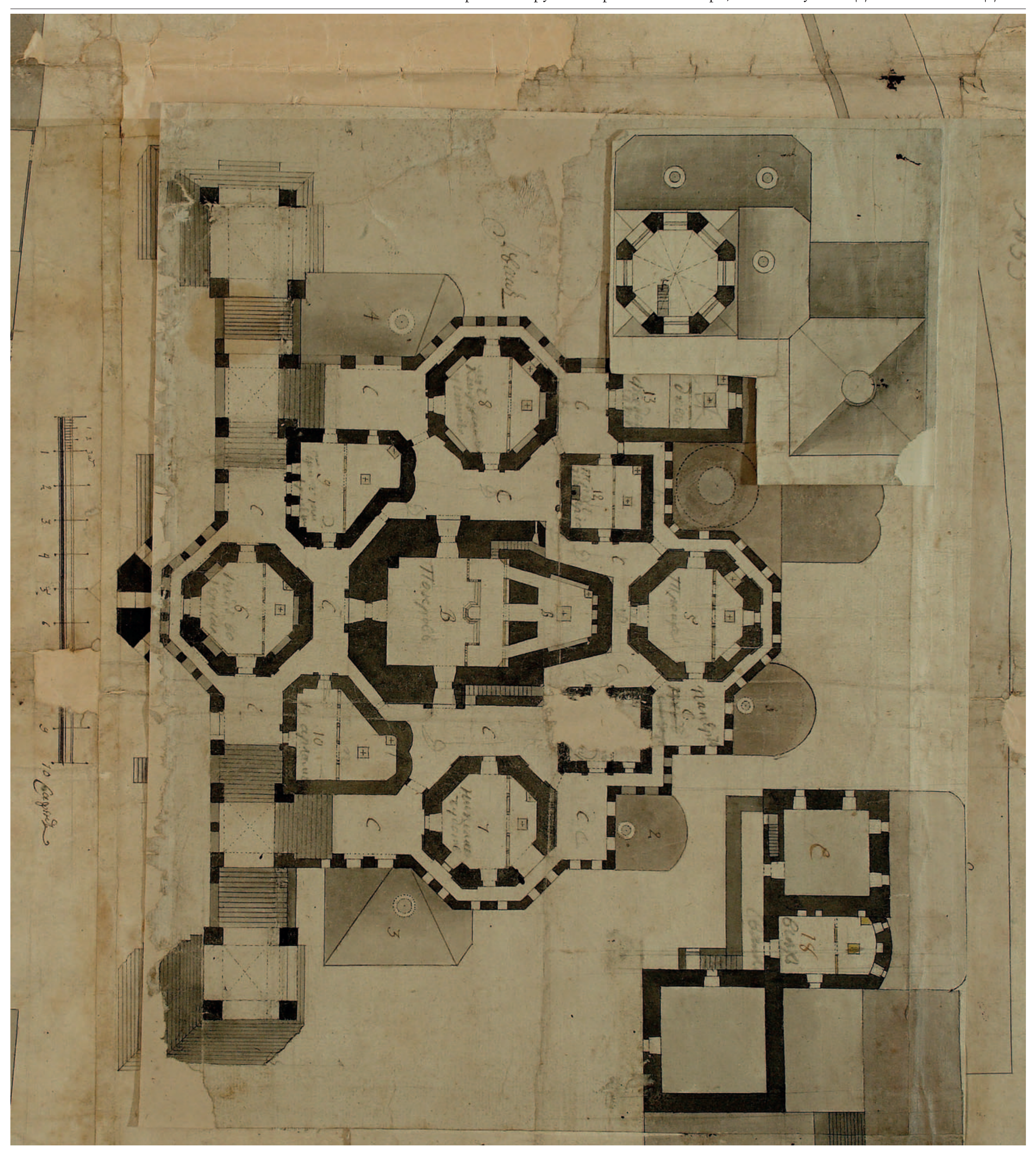

Для Никона эпохи митрополитов Петра и Алексея были всё-таки дальше, чем времена Макария и Филиппа, переживания и поступки которых были почти злободневны, иначе зачем переносить мощи Филиппа. Причём куда переносить – в кремль, в Успенский собор.

Оттого, что мы не в силах документально подтвердить чьё-то авторство, не меняется факт, что изобретение, открытие, начинание, вообще что-то новое – состоялось. Изобретатель колеса неизвестен, но изобретение явно было, тому доказательство долго искать не надо. В XV веке царя на Руси не было, а в XVI появился, причём сразу переводным термином не «конунг», а «рекс» (ещё у С. Герберштейна, до Иоанна IV, царя с 1547 года). 17-летний юноша был сколь угодно скор умом, но вряд ли сам набрёл на идею стать царём, помогли старшие

товарищи. В XV веке и патриарха на Руси не было, а в XVI появился, причём всего через 42 года; вялый Фёдор Иоаннович вряд ли в 1589 году своим умом постиг полезность повышения статуса самоуправления церкви, конгруэтную повышению статуса великого князя до положения царя и Великого государя. Может быть, и не Борис Годунов в одиночку, а, скорее, целый слой или группа царедворцев и священнослужителей нанесли на грозненскую чашку Петри культуру нового, более, чем античного, достоинства двух (а не трёх) ветвей власти в России, которая взрастила, дала стране и миру таких гигантов, как Иов, Гермоген, Никон, Иона и даже Иоаким – при довольно невзрачных Михаиле, Алексее, даже «автодидактичном» Петре.

Во всяком случае, если сравнивать Бориса и Петра, то первый предстаёт в образе «Катерпиллера» с ковшом, в котором поместятся полтора десятка петровских колесных кузнечиков, изготовленных в одноимённой Белоруссии.

Столь решительное перемещение двух рычагов относительно двух точек качания можно временно принять на веру просто из любопытства – куде же ещё заведёт эта кривая дорожка. Второй, менее важный рычаг – понижение демиургической афиши Петра Алексеевича до роли заурядного и не очень удачливого реформатора – выглядит как продолжение давно набившего оскомину спора петрофилов и петрофагов, ни один из которых не знаком с подробностями дискуссии остроконечников с тупоконечниками. Начинать, конечно же, надо сбоку, – и прямо на сковородку. Всё, что сделал, или не сделал, или не так сделал Пётр Алексеевич – несопоставимо

с тем, что начинали делать Макарий, Филипп, Иов (с Борисом Годуновым), Гермоген, Никон. Они – на примере Иоанна Грозного убедившись в недостаточности сил самой сильной и безжалостной власти – медленно и постепенно, на протяжении почти ста лет строили рядом с царской властью вторую, не чтобы ущемить достоинство первой, а чтобы дополнить её авторитетом института в десятки и сотни раз более древнего и испытанного. На этих, вторых, качелях – Пётр Алексеевич выглядит зарвавшимся юнцом, ничего слаще морковки не едавшим, соблазнённым мнимыми или настоящими прелестями цивилизации, которая дальше убежала на раньше найденном пути. Попытка догнать предопределяет максимальное достижение бегуна-торопыги – третье место после четвёртого, вторая позиция после третьей, и никогда первая, потому что колея – не своя, а уже проложенная.

Годунов, в отличие от Петра, был способен на постановку крупных задач, вроде патриаршества. И вот тут мы вступаем в область, где есть некоторые редкие доказательства голословных утверждений.

Покровский собор, что на Рву, построен Иоанном IV после взятия Казани. Никакие ухищрения не помогают понять, чем связана военная победа в Казани и церковь на Красной площади, кроме, конечно, предания и военных событий, случившихся в дни памяти тех или иных святых. Значение церкви и значение победы пребывают в разных, непересекающихся смысловых плоскостях. Без навязчивого исторического комментария взятие Казани семантически никак не просматривается – только потому, что замысел её, церкви, превосходил повод (военая победа) в разы или на порядки, она строилась как огромный символ страны, в котором наглядно виден и размер, и святость, и красота, и величие, и прочие неназванные и непостигаемые достоинства – центр и средоточие обитаемого мира, словом, ещё один Иерусалим, где рождались и рождаются новые смыслы, пока старый Иерусалим поругаем от агарян. Митрополит Макарий застал окончание строительства задуманного им собора. При начале строительства ему было около 73 лет, а Иоанну IV Васильевичу – 25. Возрастная дистанция почти в полвека делает его по меньшей мере соавтором идеи строительства собора.

И самое интересное тут – доказанное в начале XXI века (А.Л. Баталов, В.А. Рябов) авторство несомненно европейских (вероятнее всего, итальянских) архитекторов. Кто мог их пригласить? Откуда узнали об их существовании? Как формулировалось задание, то есть чего именно хотелии заказчики и почему именно они хотели то, чего хотели, иными словами, откуда в их головах (и в каких это произошло головах, поимённо) появилась мысль построить очень возрожденческий храм, с развитым, взрослым проектированием на основе принципов, которые хочется назвать «научными», храм, в проекте которого симметрия торжествует над иррегулярностью, прозрачный, ясный, «звонкий» ренесансный проект, претворение в жизнь которого украсило бы любой город вселенной?

Строительство храма – затея недешёвая и далеко не безответственная. Ошибаться в этом мероприятии опасно для жизни. Чтобы построить ренессансный храм, надо захотеть построить именно ренессансный храм, чертежи и макеты архитекторов должны соответствовать и удовлеворять вкусам и требованиям заказчиков, свобода воли художника всегда бьётся в клетке, обозначенной и установленной ктитором. Заказчик видел храм до его возведения и одобрил проект, иначе дело не сдвинулось бы с места.

Как ни крути, куда ни поворачивай – митрополит Макарий и Иоанн Грозный – люди эпохи Возрождения, и вряд ли они одни. Как поместить опричнину в эпоху Возрождения, или наоборот, эпоху Возрождения в опричнину – ума не приложу. Но на Рву стоит Покровский собор.

Правда, разглядеть возрожденческие черты в Покровском соборе непросто. Конечно, на восприятие собора сильно влияет его многотиражная символичность, он – один из символов страны, поэтому он сначала – русский, а уж потом ренессансный. Эту кажущуюся помеху можно превратить в подмогу. В любом здании нельзя отменить или игнорировать фундаменты и основные объёмы – они и определяют более всего остального стилистическую принадлежность здания (если в нём есть архитектурная, а не только инженерная составляющая). Прозрачная, простая, симметричная ясность конструкции Покровского собора не исчерпывает, но хотя

бы начинает список его ренессансных черт, и отменить или не заметить этого нельзя. Тогда, проведя вертикальную черту на листе бумаги, слева пишем возрожденческие черты, справа – символические, то есть русские. Чуточку даже, по правде сказать, страшновато. А вдруг и правда получится? Немного напоминает трёхсотлетней давности просвещенческие попытки вычленить, уловить и ткнуть пальцем в национальные характеры жителей иных стран, как правило, чувством нарочного или непроизвольного превосходства над иноземцами. Но в данном случае попытка предпринимается изнутри, и просто из любознательности.

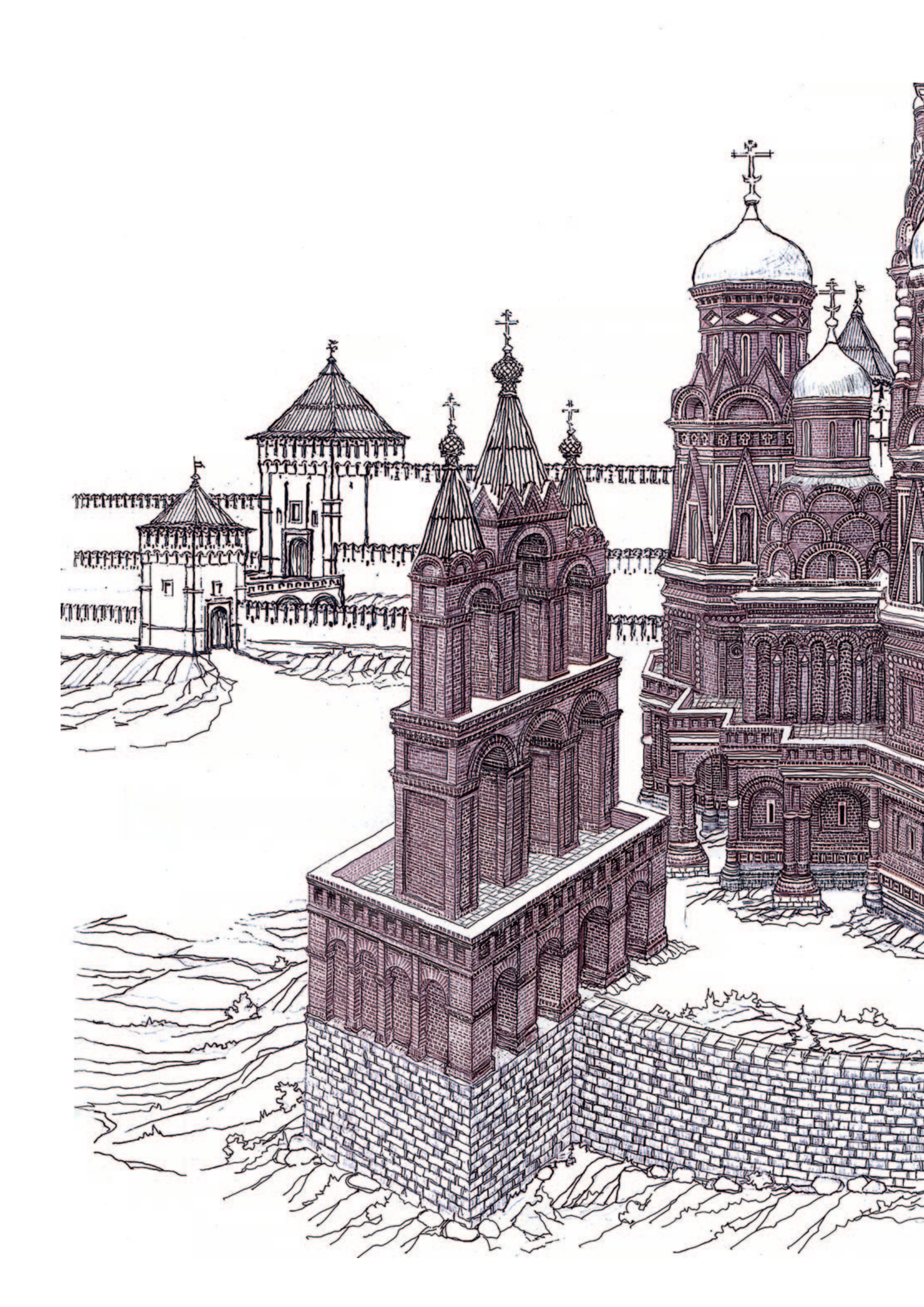
Последнее отступление перед тем, как перейти к сути.

Художественнный и научный способы познания почти не отличаются, и там, и там – главной пружиной и причиной служит способность к воображению, к фантазии, к измысливанию того, что не бросается в глаза или вообще неразличимо. Может быть, оно и не видно, но вполне могло бы быть, особливо ежели чего, то не иначе как так. Поэтому «фотографии» XVI века, сделанные пионером реконструкции, ничуть не меньшим, чем Эжен Виолле-лё-Дюк, – В.А. Рябовым, представляются нам столь же твердокаменным и полноправным доказательством, как сам каменный собор, они (реконструкции) опираются на тщательное натурное изучение объекта, соединённое с исследованием архивных свидетельств разного рода.

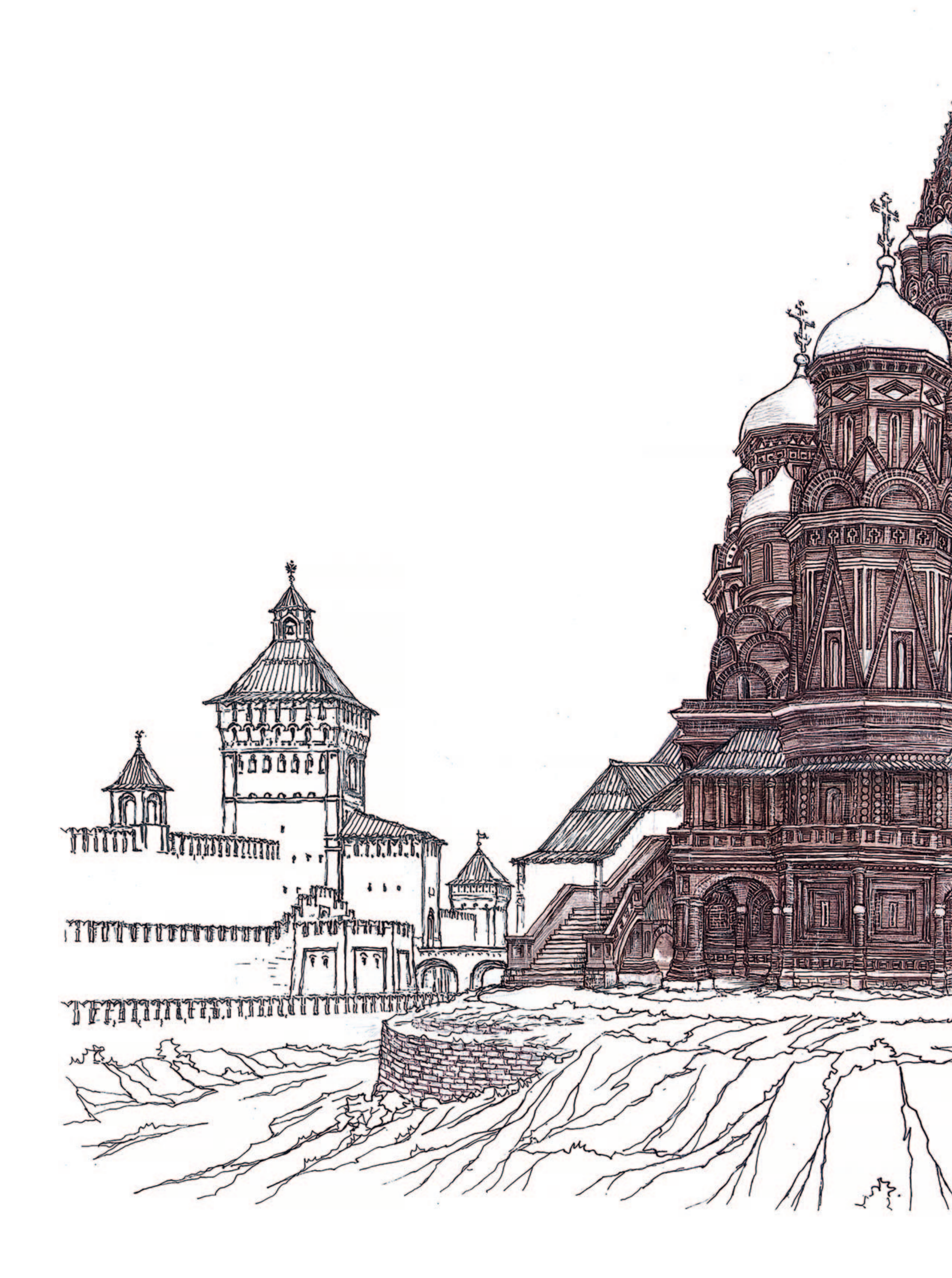
И это утверждение имеет неожиданное доказательство. На реконструкциях В.А. Рябова присутствует церковь Василия Блаженного (1588 г.). Приблизительное изображение есть в «Книге об избрании на царство Михаила Феодоровича», но подробность – примерно такая же, как на клеймах икон, то есть написано только то, что позволяет идентифицировать объект как церковь. Нынешний её облик не соответствует ничему – это остатки объёмов, подвергнутые ремонту «как получилось». На «фотографиях» В.А. Рябова изображены 24 кокошника по сторонам света (в два яруса), восемь под барабаном, и наконец, 33-я округлость – глава. Изображены так, как должно было бы быть, потому иначе быть не могло. Примерно такая же церковь, с тем же числом «33» (число есть и в Нижнем, и в Ярославле, но иная конструкция), была через несколько лет поставлена над воротами в серпуховском Введенском монастыре. Не исключено, что от этих двух сестёр пошло выражение «горка кокошников» – раньше они, как правило, окружали шатёр, теперь подпирают барабан. Для нас важно, что художественно-историческое видение, скреплённое числом «33» в Москве и в Серпухове, полностью узаконило реконструкцию. Действительно, иначе быть не могло.

Теперь об архивных планах 1780 года.

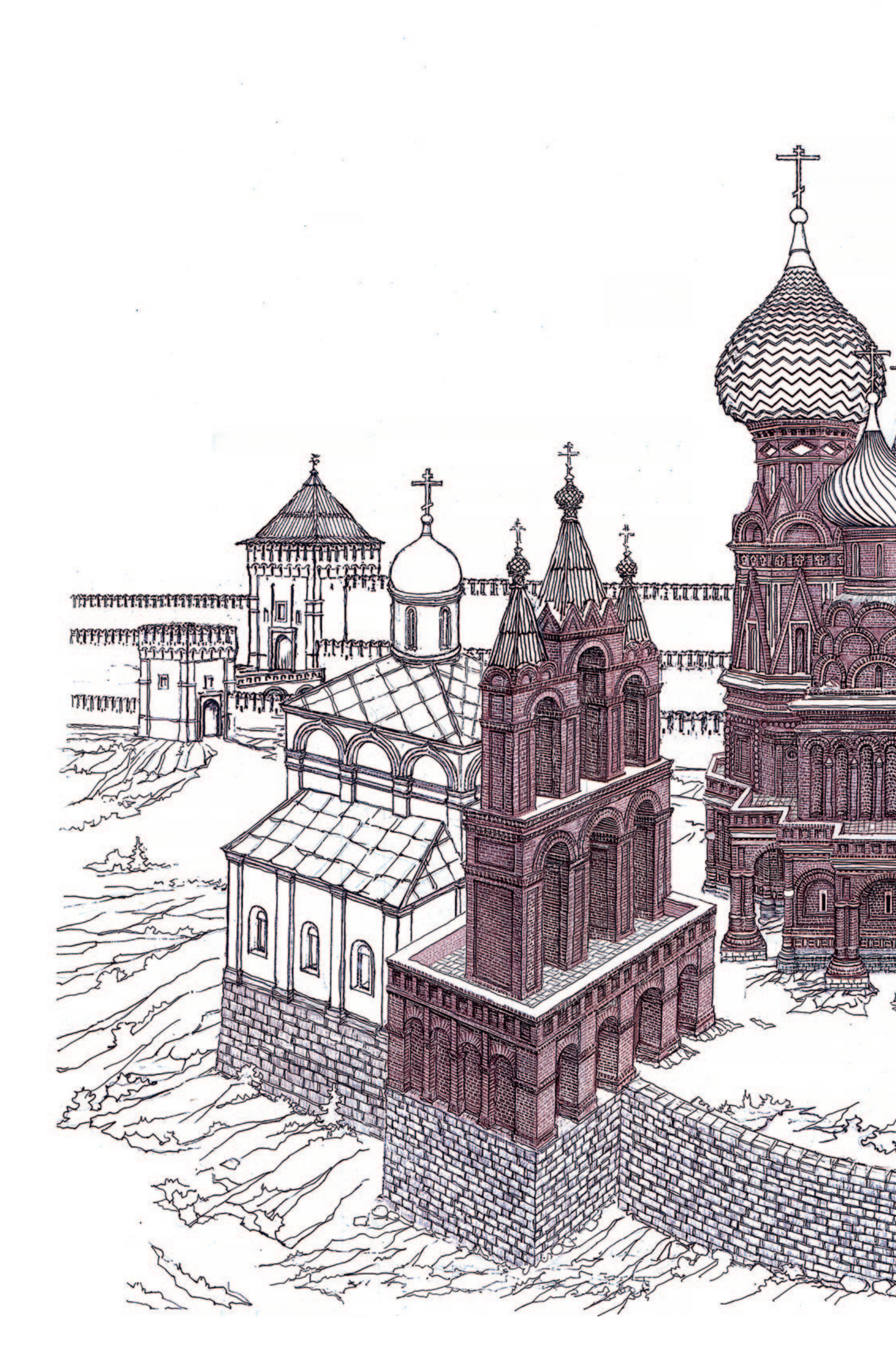
На первом этаже ничего вообще разобрать и понять невозможно, вероятно, это цокольные продолжения фундаментов, заложенных теми, кто уже знал, что выра-

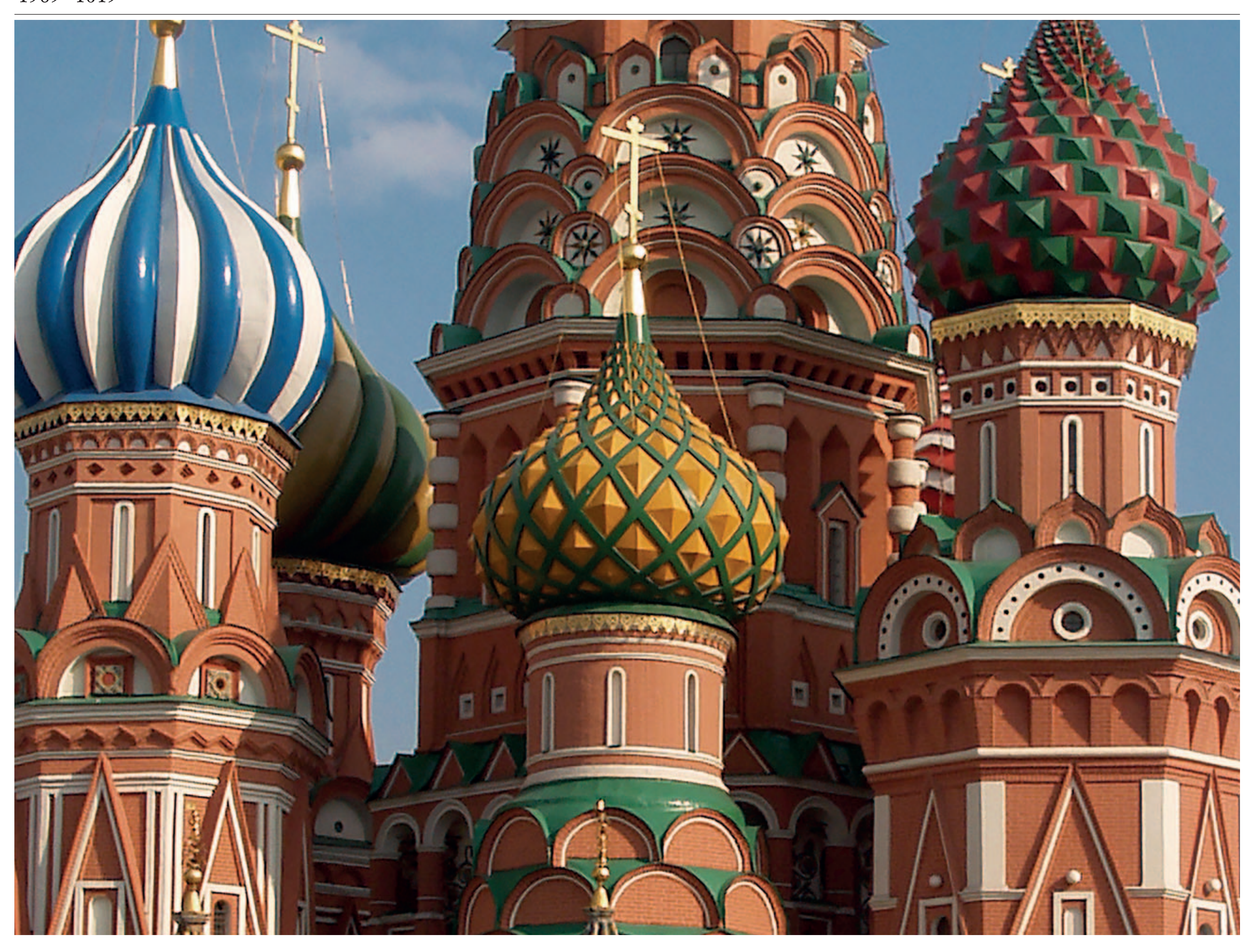

тет сверху, сколько это верхнее будет весить, какие тут гидрогеологические условия, нет рек и плывунов и куда будет стекать тающий снег в апреле. План второго этажа возвращает самообладание и веру в людей. Вот серединка, вот четыре штуки по углам и ещё четыре между ними, всё ровно расчерчено, и задумано, лестницы ещё, чтобы подняться на высокий второй этаж. Тот, кто придумывал, был голова учёная, так без привычки не выдумаешь, уметь надо так далеко думать. Если долго смотреть на план, можно стать анализатором. Там, где царит правильность и понятность, где восемь предметов окружают один побольше в середине, всё ясно и прозрачно – но отчего это у них у всех одна общая черта, почти у всех по три входовыхода, причём в некоторых стенах на плане нет ни дверей, ни окон. Можно было бы подумать, что это церковь или церкви, но, помилуйте, где же алтарные выступы, где апсиды? Только в центре что-то похожее есть. И третий этаж облегчения не приносит. Ладно, пусть это всё будут церкви, собранные в кучу, входы-выходы есть, а в одной стене нет, потому что там без выступов, но алтарь, Царские врата, иконостас.

И люди, которые откуда бы то ни было подходят к Покровскому собору, что на Рву, ни сном, ни духом не ведают, куда там смотрят алтари, и есть ли они вообще. Первая и неотменимая мысль при взгляде на собор – пестрота, несчётное число больших и малых разнообразностей, стянутых в одну стройность невидимым кушаком, вместе и порознь утверждающих одно впечатление: собор – праздник, вблизи и издалека, с северо-запада и юго-востока, кто бы и откуда бы ни смотрел, праздник для всех и всегда, куполами и гульбищами, кокошниками и треугольниками, шатрами и башнями, подробностями закоулков и общей махиной, тем, что Ф.М. Достоевский скоро назовёт «всеобщей отзывчивостью». Тадж-Махал и Вестминстер нельзя назвать бесшабашными, а здесь удали – хоть отбавляй, широк русский человек, и обуживать не надо, на всех хватит.

А по планам судя, так и не скажешь. Там всё ровно и симметрично. Да полно, те ли это планы? Может, пока строили, по дороге всё переменили, не всматриваясь в фундаменты, чтобы вот именно праздник нарисовать камнем? Нет, брат, шалишь, такими объёмами не пожонглируешь, с руки на руку не покидаешь, прилаживая куда-нибудь половчее. Первое и самое простое, что становится ясно при сравнении планов и действительности – перемена цели. То, что сознательно, настырно и специально, с умением и пониманием, из лучших побуждений и с успехом делали первостроители, оказалось не востребованным. Симметрия была – и пропала, несмотря ни принуждение фундамента.

Этот взгляд с востока могучей рукой (80-е годы XVI века) перекидывает всё наше знание во вторую половину века, где у Фроловской башни на заднем плане ещё нет часов и шатра, где к востоку от собора стоит не то псковско-новгородская, не то генуэзская аркада звонницы, где шлемолуковицы куполов ещё не завиты модным разноцветным декором, к которому все привыкли, и который пытались повторить в Нижнем Строгановы (Рождественская), в Питере Парланд (Спас на Крови), в Белой Кринице Кузнецов (Успенская), и в других местах (надвратная в Николо-Сольбинской пустыни), но пытались вполне безуспешно, хотя и по-своему очень убедительно. Там не было симметричной основы изначальной идеи, не было могучей инъекции возрожденческой, почти античной простоты конструкции. На «фотографии» В.А. Рябова хорошо видна эта сложная простота. Сложной простота стала потому, что трудности, которые всегда появляются во время строительства крупных объектов, были по большей части преодолены ещё на этапе проектирования, были пред-усмотрены. Собор, стоявший на Красной площади после шестидесятых годов XVI века, не просто хорош, он безупречен. Торжественный гимн симметрии написан и исполнен виртуозно, даже при желании (которого нет) нельзя отыскать изъян, ни одного упрёка, хвалить устанешь. Разве что... Открытая галерея на втором ярусе – это ещё не гульбище, а именно галерея. Кто же мог знать, что на галерею зимой на целых полгода навалит полсажени снега, ни ногами не пройти, ни на лыжах не проехать.

А праздника нет.

Сначала до рубежа веков попробовали сверху – сделали химическую завивку, «перманент», причёска стала попышнее, даже фигура постройнела. В целом стало наряднее. В течение XVII века как-то сам собой получился праздник, который длится по сей день, несмотря на потери.

Не Иван Грозный, и не итальянцы или другие европейцы построили этот праздник, а непрерывные взаимодействия, долгие приспособления и последовательные улучшения XVII века. Про XVI век все всегда помнят – шедевр, упавший с неба. Он и правда, упал, как с неба, но его потом веками доводили до ума. И довели.

И если дать себе честный отчёт, то праздник образовался из-за необязательности, несимметричности, непоследовательности, нерегулярности, отличий и множественности декора, даже, можно сказать, разнузданности и случайности. Вдруг оказалось, что неправильность правильно отражает и соответствует каким-то струнам характера жителей и посетителей.

Неужели вот именно это понадобилось для «всемирной отзывчивости»? Или она сама является оборотной стороной скоропереимчивости, способности учиться и жадности впитывать, приспосабливаемости не просто лёгкой, а прямо-таки с удовольствием, влёт, до конца и дальше оригинала?

Смутное время отложило, но и законсервировало на весь XVII век возрожденческие интенции Макария, потом Годунова, потом Михаила и Алексея, Никона и Ионы, окружения Фёдора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Чтобы повернуть лошадь, проще всего потянуть за повод, шенкель – для умельцев. Пётр Алексеевич сначала руками повернул свою голову в сторону от Возрождения, потом и страна за ним – он торопился догнать, доскакать до Просвещения, но потерял по дороге достоинство, и своё, и народа, превратив почти всё население в безликую массу, причём потерял так прочно, что три-четыре столетия после него не дали уверенности, что достоинство восстановилось; если и восстановилось, то у староверов. Достоинство – редкая «эпизода», часто прямой перевод мешает понять: честь не имеет ничего общего с гонором, задранный нос – не достоинство, а характер.

Невозможно поверить. Ну не может быть, что А.Л. Баталов не сосчитал, и все остальные, за столько лет! Или, скорее, все прекрасно сосчитали, но помалкивают: чего болтать-то, умный сам рассмотрит, сам поймёт, сам сопоставит, и это будет его открытие, его драгоценная тайна, а менее умный не поймёт, да ему и не надо, пусть так живёт, как уж получается. Это очень верное намерение, пусть живёт. Но ведь хуже никому не станет, даже ленивому дурню из ЦПШ или ВПШ, если пальцем показать, напомнить, объяснить, что к шестнадцати большим кокошникам, которые трудно не заметить, надо прибавить шестнадцать малюсеньких кокошников, притулившихся в углах больших, и не забыть про главу, которая родственна кокошникам – вертикальное сечение главы и есть кокошник, отчего же и не прибавить к тридцати двум. Получившееся число «33» как-то присутствует в разных нумерологиях, но многим всё-таки прежде другого напомнит о числе земных лет Иисуса Христа. Не напрасно где-то рядом с церковью живёт мысль, что «Мысль изреченная есть ложь»: словами как ни изощряйся, сути-то и не передашь, одному одно станет внятно, другому другое, а кто-то и вовсе чистенький уйдёт, незатронутый; бывает и так, что после часового рассказа о том, какое оно всё зеленое, с оттенками, то яркое, то блёклое, то в брезент, то в берёзу, – половина уходит с твёрдым понимание жёлтого. Слова требуют понимания и втолковывания, а глазам верить легче, даже без герменевтики и семантики, совсем. Память могут толкнуть слова, если они правдивы и искусны, может образ, нарисованный или вышитый, даже вылепленный или вырубленный, если получилось похоже, а с числом, с двумя цифрами под титлом (Люди и Глаголь, л҃г, начало глагола ‘лгати’, недалеко от латинского слова ‘logo’, и от ‘логистики’, и от ‘логики’, и от ‘лжи’, и от ‘поклажи’) не так всё просто. Разве про Него толком можно сказать, кто такой, или что такое, обязательно же в рассказе что-то не поймёшь, что-то упустишь, где-то от малоумия и привирёшь для красоты. Изрёк=соврал, то есть сол҃гал. Как бы вот так сказать, чтобы не лгать, без слов и даже без мыслей, сразу, одной таблеткой положить в рот – и дальше рассасывай, как умеешь, ни опыта жизненного не надо, ни особого образования, ни знания языков и алгоритмов с производными третьего порядка, действует на те области сознания, которые на самом донышке, самые старые, даже примитивные, как обоняние; запах, унюханный полвека назад, сидит в памяти крепче, чем слово или даже стихотворение, услышанное 50 лет назад, крепче, чем увиденный в незапамятные времена образ, который можно часами мучительно вспоминать, и так и не вспомнить. «33» – это то самое генетически наследуемое приобретение, которое невозможно в правильной генетике и навеки опозорено Т.Д. Лысенко, как запах и вкус еды, съеденной кем-то триста лет назад, как

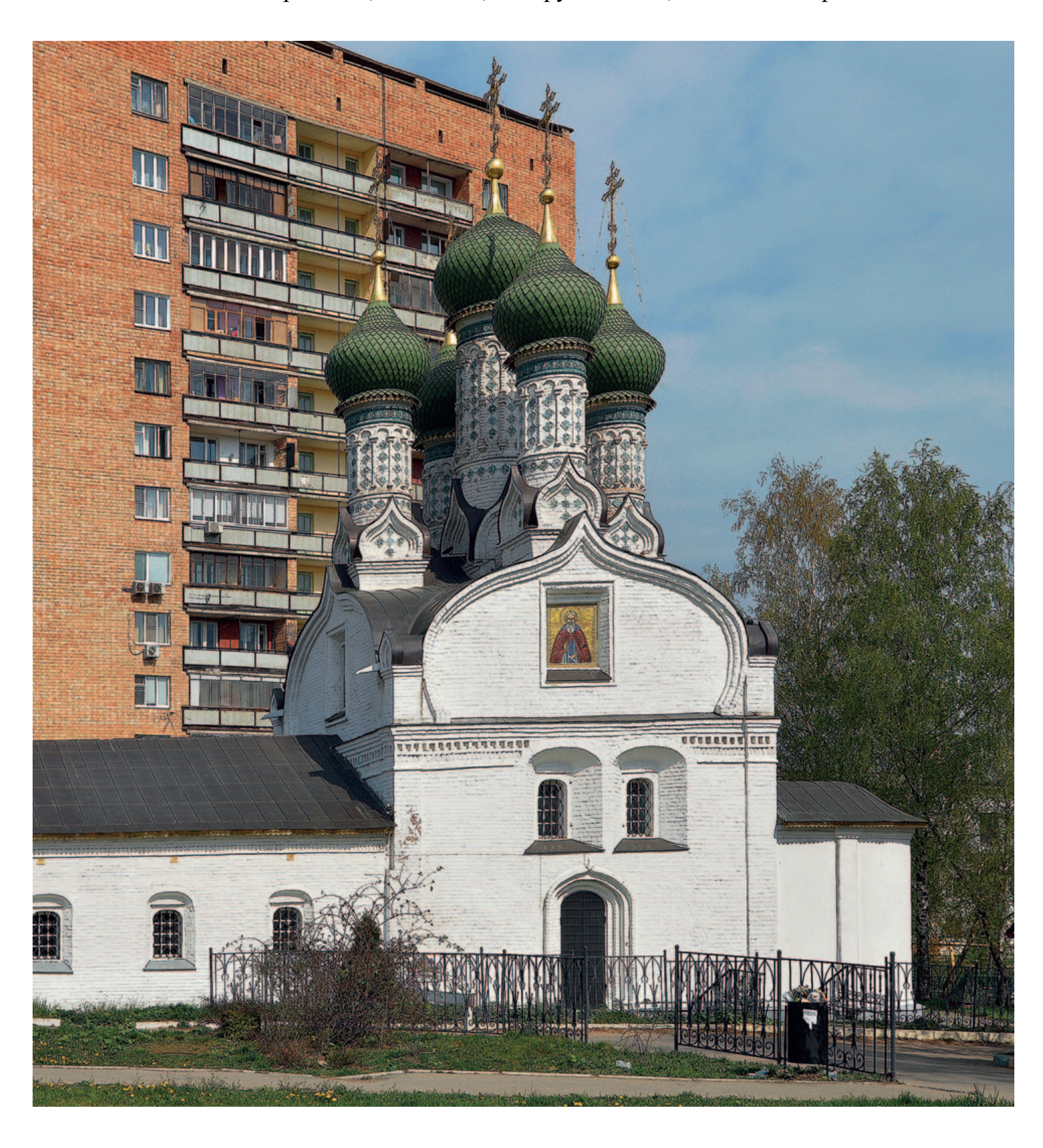

напряжённый поворот дезоксирибонуклеиновой спирали в коде человека, спирали, от которой чуть не всё зависит в жизни, и не совсем всё – только потому, что он и сам может её гнуть.

Из того, что лежит на поверхности, без специального исследования:

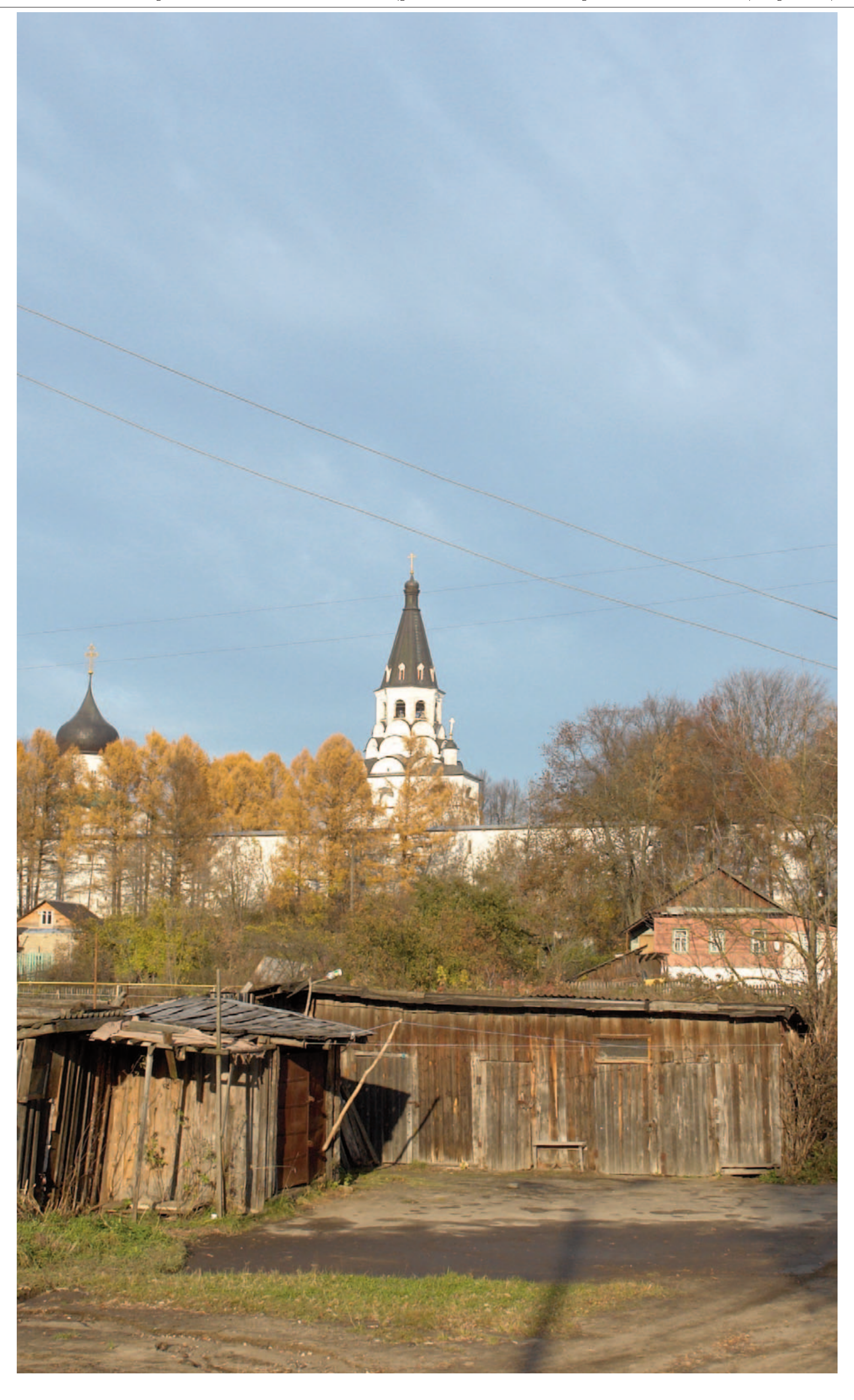
- придел Василия Блаженного в соборе Покрова, что на Рву (1588 г.);
- Рождественская церковь в Беседах (1599 г.);
- надвратная церковь Феодотия Анкирского в Серпухове (1599 г.);
- Богоявленская церковь в Ярославле (1693 г.);
- церковь Успения на Ильинской горе (1672 г.).
- Преображенская церковь в Кириллове (1595 г.).
- Богоявленская церковь в Красном на Волге (1595 г.).
- Алексеевская церковь в Александровской слободе (1513 г.), обстроенная в 1570 г. и переосвящённая сначала в Крестовоздвиженскую, потом в Распятскую.

Из восьми шесть – времени годуновского управления. Нижегородская – поздняя и славна тем, что число в ней замаскировано так поразительно ловко, что три с половиной века народ смотрит на то, что ему показывают, и не видит того, показано. Словà «уникальное бочковое покрытие на четыре лица» сопровождают буквально все упоминания в литературе любого качества об Успенской церкви. А между тем его там нет. На западной и восточной сторонах – по три кокошника, которые размерно соотносятся как слон и две мышки; и тем не менее это по всем сторонам света – четыре больших кокошника и четыре малюсеньких. Выше пять барабанов, у основания которых по четыре кокошника, сумма нарастает уже до двадцати восьми. Осталось прибавить пять глав, и, как в сказке, появляется число «33», достаточно просто признать, что между формой главы и формой кокошника есть некое родство, схожесть, конгруэнтность, близость очертаний.

1589–1619. Нижний Новгород. Успенская церковь на Ильинской горе (1672).

Начало было положено в незапамятные времена, никто не скажет, когда именно, дальше самых первых лет XVI века даже гадательно ничего пока не просматривается. В Александровской слободе вертикальным бревном в глазу торчит Распятская церковь, хотя и с некоторой, даже с большой, натяжкой. Дело в то, что на её шатре всё-таки не 32 кокошника, а 24. В.В. Кавельмахер был уверен, что надстроенная до высоты 50 метров церковь масштабировала формы Алексиевской церкви 1513 г., и форму кокош-

1589–1619. Алексадровская слобода. Распятская (ранее Алексиевская, Крестовоздвиженская) церковь с юго-запада (1570).

Алексадровская слобода. Распятская (ранее Алексиевская, Крестовоздвиженская) церковь с севера (1570). 1589–1619

ников тоже, с круглыми окошками в нижнем ярусе. Чему только не уподоблялись формы кокошников: вертикальное сечение главы-луковицы, тарелка в сушилке, отрезанное снизу яблоко, рыбья чешуя, шишкины чешуйки, ещё не распотрошённые белкой, наконец, просто глаз, с верхним веком, иногда опушённном орнаментальными ресницами. Во втором и третьем ярусе окошек нет, а в первом их наличие усиливает подобие глазу, как бы удваивает его. Этих снабжённых окнами кокошников в нижнем ряду восемь. Если зрачок и впрямь удваивает глаз, кокошников становится в вертикальном последовании на каждой грани четыре. А граней восемь. В.В. Кавельмахер не первый, кто удивлялся «экстравертности» церкви и трудноуловимости её назначения. Огромный наружный размер и малая площадь молельного помещения (мартирий и не должен быть обширным), колокольня с обходом по периметру гульбища не снабжена подвесами в центре для больших колоколов, столпы под гульбищем устроены такие, что могут выдержать ещё четыре колокольни сверху, это могучие конрфорсы, к которым впору прислонить ниспадающие аркбутаны, словом, всё говорит о том, церковь долна больше работать наружностью, чем внутренностью, она больше не для тех, кто внутри, а для тех, кто снаружи, откуда как раз и удобно дивиться конструкции.

Конечно, этюд с удвоением не очень убедителен, скорее бездоказателен. Однако же под нынешними кокошниками могут оставаться и старые, ещё начала века, хотя и трудно предположить, на какой высоте, и неизвестно, сколько их было: три в вертикальном ряду, или четыре. В 1513 г. пусть маленький, но шатёр, вероятно, был. От второй половины века сохранилось немало таких шатров, самый пострадавший из устоявших – в Балахне, на подворье нижегородского Благовещенского монастыря. Церковь Петра Митрополита в Переславле-Залесском счёт кокошникам (40) если и вела, то с каким-то другим смыслом, пока неустановленным, как и шатёр Покровского собора, что на Рву.

Шесть оставшихся церквей – годуновские и совсем (в отличие от Распятской) бесспорные. Богоявленская в Красном на Волге – частичное повторение пузатого шатра Покровского собора на Красной площади (там, правда, к чистому счёту примешались восемь кассет по пять очень малоразмерных элементов декора, тоже подсмотренных в Москве, но они отделены двумя карнизами, и их вообще считать не хочется).

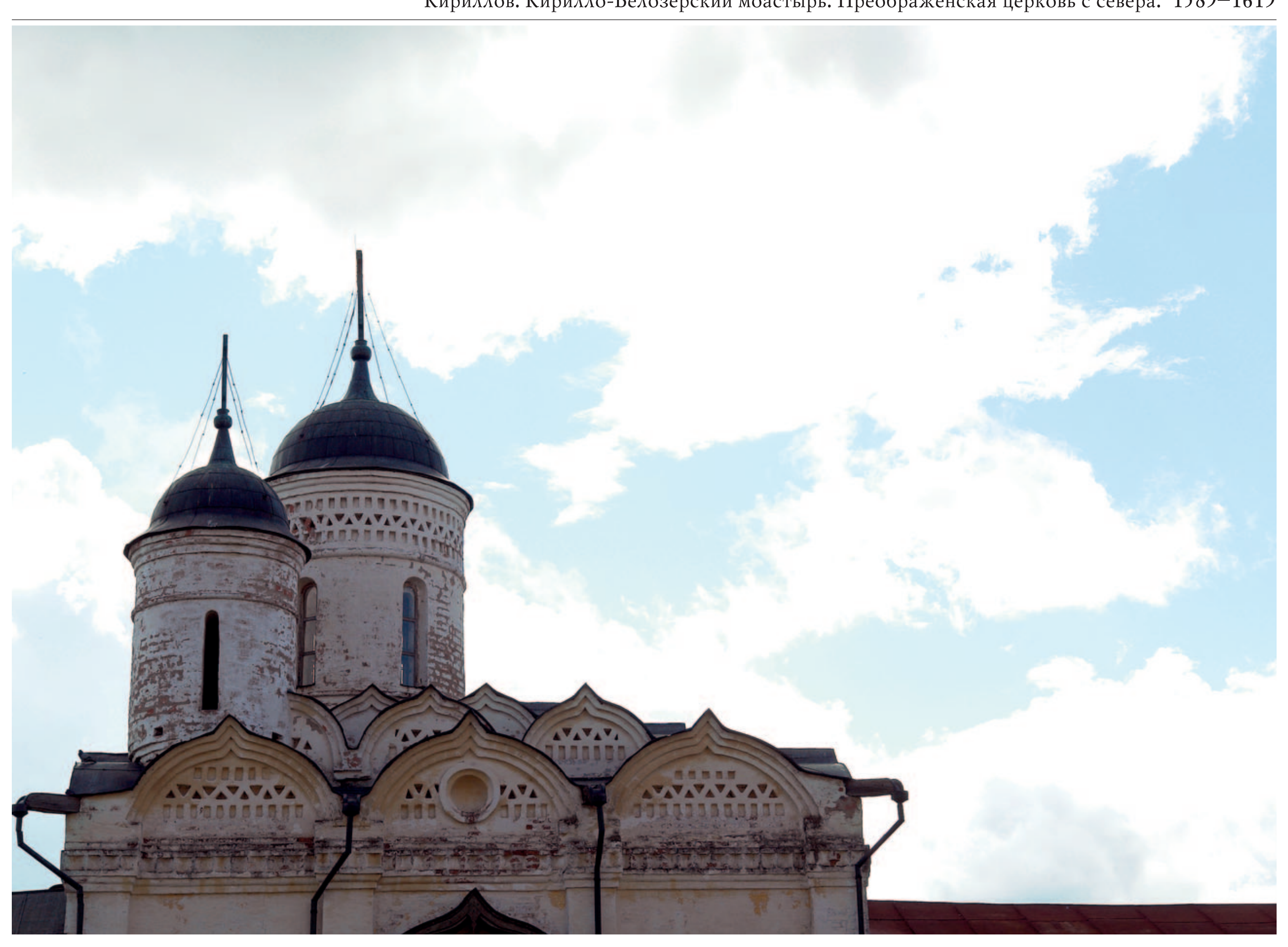
Семантический взрыв годуновской архитектуры необъясним, но непонимание причин не отменяет правильности наблюдения: при нём число «33» стало попадаться чаще, если вообще не впервые. Чтобы это доказать с некоторой уверенностью, уже без колебаний, прибегнем к примеру, совершенно неочевидному, даже очевидно абсурдному.

На крайнем юге, совсем на берегу озера у Кирилло-Белозерского монастыря в XVI веке (или чуть раньше) были устроены Водяные ворота, над которыми в 1595 году

при старце Леониде Ширшове построили настолько неожиданную, необычную церковь, что все другие «необычные», даже какие-нибудь сверхзнаменитости, вроде Вознесенской в Коломенском, становятся меньше в размере, цвета немного приглушаются, крики восторга удаляются и в тишине начинают понемногу, как бомбы, взрываться вопросы.

Снаружи, с воды, видна стена и кокошники над стеной, с узором, немного похожим на тот, что украшает в Ферапонтове Рождественский и немного Благовещенский соборы, окна с глубокоспрятанными дервянными переплётами, киот с иконой, укрытый от дождя на здоровенном здании, построенном в считанных метрах от воды, было два проезда, остался один, за закрытыми навсегда воротами. Вроде церковь как церковь. Но если перемахнуть через стену, хоть пешком, хоть прыжком (очень и очень вокруг или на винтокрылой машине), глаз начинает копошиться в памяти. Прямоугольные апсиды? Что-то похожее есть в Борисоглебском под Ростовом, в Высоцком в Серпухове, кажется, ещё где-то, но где – память молчит. Но высота! Понятно, что нижний уровень из-за проездных ворот приподняли, сколько могли, так, что крыши апсид упёрлись прямо в кокошники, однако же они всегда были скорее горизонтальной архитектурной единицей, скорее приземистой, чем парящей, а тут их словно за уши вытянули на день рожденья, да так и оставили. А нам ними – почти «во фрунт», на одной линии с севера на юг выстроились высокие барабаны и главы, только средняя чуть отступила назад, и кирпича на неё не пожалели, и орнамент в три яруса нарисовали по-псковски. Барабаны почти продолжают вертикальную тягу далеко отстоящих апсид. Пророки Моисей и Илия в присутствии трёх учеников разговаривают с Иисусом о предстоящих неизбежных событиях, предвидят их; каменная картина без ликов напоминает икону Преображения с тремя действующимии лицами. Хочешь – не хочешь, а память подсказывает, где именно ещё пригодились три стоящих в рядок на горе столба пару тысяч лет назад, а кости черепа, кажется, сами сопротивляются – да не может быть! Это же предвестники будущего Богоявления, после Голгофы, после горя, муки на троих, копья, губки с водой. А ничего

1589–1619.

урюмого, сумрачного, угрожающего в облике здания нет, нет и мрачности, переживания и свидетельств горя, скорее наоборот, ощущается что-то праздничное, даже весёлое, приподнятое, приветливое. Глаз сам, без участия сознания, отмечает несколько нишек с треугольными скатными верхушками, которые, вероятно, напоминают об окнах, их нет, но могли бы быть, стало бы внутри светлее, ярче, а снаружи и так плоско, но пёстро, ничто за жилу не тянет, не тяготит, не настраивает на страдание и сопереживание, как-то легко глаз прыгает и по стенкам соседних зданий, и сам собой настраивается на умиротворение и наслаждение покоем и равномерностью зрительных впечатлений.

Трудно сказать наверняка, не исключено, что такое восприятие связано с особенностями индивидуальной психики, с бесчувственностью, попросту говоря, ничем, так сказать, не проймёшь, ну чисто «бревно бесчувственное», даже Голгофа его не трогает, толстокожего и твердолицего. Оно, конечно, бывает и так, но и лишнюю вину на себя брать не стоит, по своей голове стучать вредно. Муки-то были две тысячи лет назад, и если мы себя посейчас терзать и поедом есть станем, выйдет, что они прошли зря. Надо не в самоедов играть, а помнить и вести себя прилично.

Для того, чтобы помнить лучше и глубже, слов мало, увещевания сроду не помогали. Строители Леонида Ширшова в регентство и царствование Бориса Годунова запрятали в архитектуру Преображенского собора всю историю Иисуса Христа, кто насколько её знает и помнит, от библеиста и знатока всего на свете до неграмотного хлебопашца, самое общее, самое простое и впечатляющее: был, помогал, учил, облегчал, воскрешал, принял муки и в 33 лет от роду навсегда остался помогать. Короче всего напомнить – именно числом «33». И оно-таки зашифровано в Преображенской церкви.

Плоский, одной линией на песке или на бумаге рисунок храмовой главы нельзя отличить от рисунка кокошника, они не похожи, а тождественны и вполне годятся для суммирования в одном ряду.

Одна беда: минутный взгляд на Преображенскую церковь позволяет сосчитать кокошники на одной стороне света (на западе, например, 9) и умножить на соответствующее

число сторон (обычно четыре). Три ряда по три штуки, итого 36, да плюс ещё три главы, ничего не выходит с нумерологией, никак.

Не тут-то было. С.С. Поъяпольский, реставратор и архитектор, вернувший к жизни Преображенскую церковь (в числе многих других), всё, конечно, видел, всё знал, однако, зная, промолчал. Отчего – сказать не умею. По-моему, тайное знание всегда ведёт в потёмки, а со свечой уют теплее.

На востоке, над апсидами – не три, а два ряда кокошников, третьего ряда всё равно из-за массивных и высоченных апсид никто бы не увидел, их и ставить не стали (гипотетические 36 сразу превратились в 33). Из-за апсид никто и не увидел, что рядов-то – два, а не три. Ещё два кокошника потерялись на двух восточных главах: у каждой в смежниках не по целому кокошнику, а только по половинке. Последний, 31 пропал в третьем ряду: там с севера и с юга не по три, а по два с половиной кокошника: с каждой стороны центрального барабана третий кокошник начат, но не доведен до конца, из двух половинок едва один целый наберётся, вот он-то и есть тридцатый. Осталось к оставшимся 30 наличным кокошникам прибавить на основании общего силуэта три главы, и все тридцать три года погружаются в сознание, у кого уж какое образовалось, кто что успел разузнать и распознать. Очень непростая арифметика, надо не только складывать уметь, но и вычитать. Но и хитрость невелика: как-то же научились из привычного пятиглавия вычитать две главы, чтобы получилось всего три – и ничего, вычли, и даже уловили, для чего, чтобы напомнить о трёх столбах. Много ли народу увидело число? Наверняка немного. Но какие силы это знание придало тем, кто увидел, как сократилась двухтысячелетняя нить – почти до соседей, родных, знакомых и даже незнакомых на улицах, до признательности неведомым пращурам пятого или восемнадцатого поколения назад за их любовь, благодарность пращурам, которые авансом любили неведомых потомков на века и тысячелетия вперёд.

Они даже простой вход просто сделать не могли, в каменных порталах почти всегда есть застывший жест. Очень маленький наклон верхушки, едва различимый, считывае-

мый не глазом, а способностью уловить аналогию между головным убором и завершением портала, умением не увидеть, а принять, молча положительно ответить на приветствие-приглашение, устроенное специально, но не для архитектурного совершенства и украшения, а с иным мастерством, с постоянной и неустанной мыслью о приходящем, как бы ему сделать просто так хорошо, не получая и не надеясь ни на какую плату или возмещение. Выровнять верхнюю точку дверного обрамления для каменщика – задача не то что простая, а оскорбительно простая: «То есть как это не смогу? Я?». Всего-то и

надо – вывесить в серединке отвес и хоть как зафиксировать его, на палочке, на веточке, на ниточке, потом к точке подвески подвести каменную кладку и любоваться результатом. Но вот отчего-то понадобилось подвинуться на полдюйма, на полвершка, то влево, то (чаще) вправо. Один раз – конечно, подмастерье напортачил, «молодой, глупый пока». Но если повсюду, все разы – сделано специально, нарочно, с целью: когда руки заняты, чем же ещё и махнуть, приглашая войти, как не головой, с наклоном, да с поворотом: «Сюда-сюда, заходи…». Ни слова не сказано, а приглашение оформлено, причём

постоянно и для всех действующее, но чуть-чуть, на полвершка, не хочешь – не замечай, иди так, без приглашения, камнем, бровью не поведя.

А кто знает, что ещё скрывается под скатными крышами спасённых от дождей и снега памятников – в начале век про «33» в Преображенской церкви и говорить нельзя было начать, всё было укрыто крышами, об этом есть прекрасные свидетельства героических музейщиков [статья «Церковь Преображения (1595) ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря. История и реставрация» qr], с пугающими иллюстрациями. Собственно, пугают не столько иллюстрации, сколько полное отсутствие перемен в умах высшего начальства, которое полагает, что оно теперь и есть элита – что феодально-пролетарское в начале XX века, что их мозгозатылочные наследники в начале XXI века. Тогда спрятали кокошники под скатами, сейчас залили фундаментным бетоном Троицкий раскоп в Новгороде, не вглядываясь в клад, который оттуда только что достали, а оценивая его. Кому рассказывать про «33»? Поэтому С.С. Поъяпольский в своё время и промолчал.

Годунов уже у А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского – не хитрец, а мудрец. И прямо на глазах становится всё мудрее и мудрее. Святую Святых на Ивановской площади начал строить, что позволило потом Никону с'обезьянничать в Новом Иерусалиме, «33» много раз зашифровал в разных местах (хотя это, может быть, и без него), неслыханную стену в Смоленске поставил (ну, конечно, и Фёдор Конь постарался), общественное и государственное устройство чуть ли не впервые в Европе приблизилось к разумному, и вот как всегда. Как только опять, так снова и снова, иногда же даже сызнова. Откуда только берётся столько смут на многострадальное отечество, может, это здесь только кажется, что нам больше других достаётся, а болото мы всякий раз находим сами, причём вовсе не там, где оно всегда было? Но – он заслуживает благодарной памяти уже за то, что начал и сделал, как говорится, «Бог целует его намерения». Неужели всё дело и в самом деле в восьмилетнем мальчишке? И было, и осталось? И второй раз, через триста лет, другой мальчишка месяца не дожил до 14 лет, уж про всю семью нет сил вспоминать?

А что, кто-то и после А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского сомневается?

В Кириллове нельзя не отметить ещё одно странное здание гражданской наружности, больничные палаты. Оно огромно до необъятности, снабжено только понизу маленькими окошками (под коньком есть ещё прорези). Главная диковина – как страждущие обогревались? Нет ни одной печной трубы. Жаровнями с углями такое помещение не протопишь. Может быть, по-чёрному топили, для того и прорези, и ритмические выщербины под мауэрлатом? Или зимой не болели, к осени все выздоравливали? Если принять во внима-

ние резон, недоступный тем, кто ни разу не был в помещении, где долго и тяжко болеют малоподвижные люди, то врачевателей трёхвековой давности надо признать очень умелыми специалистами. Именно отопление по-чёрному при такой высоте стен обеспечивает постоянный приток свежего воздуха, так необходимого больным, а покрытые сажей от какого-то уровня стены хорошо сушат воздух, не хуже ветра. Но это не более чем предположение, требующее более глубокого и основательного проникновения.

1589–1619.

Послегодуновское время – мутное и тёмное, «поляки и казаки, казаки и поляки нас паки бьют и паки, мы ж без царя как раки, горюем на мели». Разных подложных Дмитриев не считая, государи один за другим пошли вроде бы и осанистые, но все с какой-то червоточинкой, начиная с Михаила (сел на престол в 1613 г., освободил его в 1645 в 49 лет), с 16 до 37 лет прислушивался к мнению батюшки, патриарха Филарета; потом Алексей (примерился к трону в свои 16 лет и уступил его в 42 года в 1676 г.), с 17 лет до почти 30 почитал патриарха Никона как отца и Великого государя и не однажды просил прощения и благословения (безуспешно) до самой кончины; Фёдор (взвесил в руках скипетр и державу в 15 лет и выронил их в 1682, не дожив до 21 года) не противился великим преобразованиям самого начала 80-х годов, к проекту которых могли иметь отношение и патриарх Иоаким (как противник), и В.В. Голицын, и Ф.Л. Шакловитый, и Салтыковы, и Одоевские; патриарх Адриан в последнее десятилетие увещевал прыткого Петра, добиваясь более сдержанного отношения «к старинам».

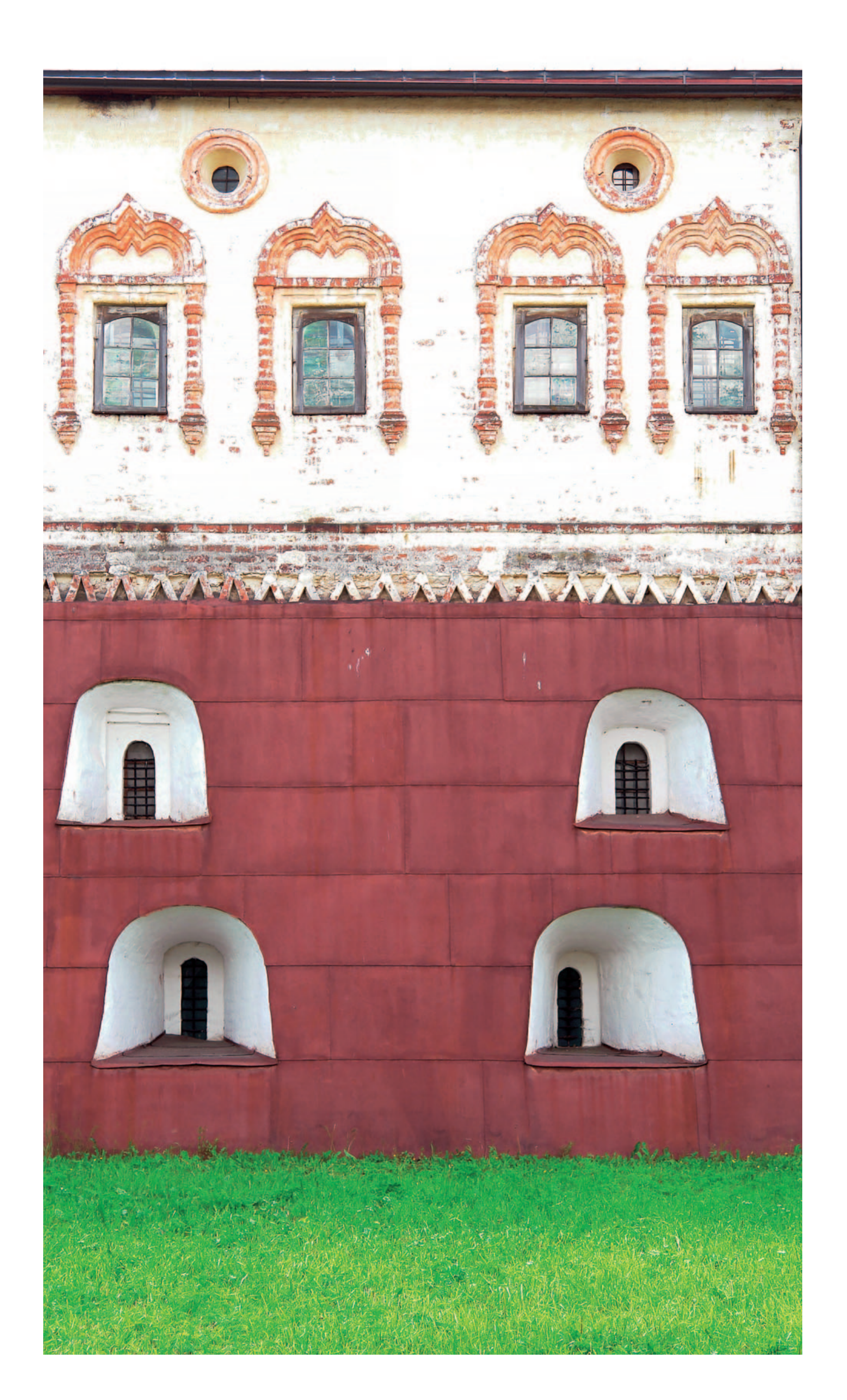
Среди патриархов попадались и такие, которых можно было бы отнести к неопределённой категории «невзрачных» или (лучше сказать) «неприметных», вроде Иоасафов I и II, Иосифа, Питирима, но остальные возвышаются своими деяниями над юными и недосостарившимися государями как скалы над морем. Иов, Гермоген, Никон, Иоаким и даже Адриан – чертили тот рисунок истории XVII века, который растушёвывали цари, так же, как делают фрески в церковных росписях: знаменщик намечает общую конструкцию того, что потом доделают умельцы по позёму, лесам или небесам, по ликам, зверям или платью, то вместе, то поврозь, но первую черту в сырой штукатурке вёл знаменщик. Самой приметной личностью надо признать Никона, как признавал ещё В.О. Ключевский, только поднять его надо ещё выше. Несколько сотен лет (В.О. Ключевский для приближения к первичному пониманию эпохи выделял триста лет) ушло на то, чтобы только приблизиться к постановке вопроса: бесспорно ли неоспариваемое господство просветительской теории Дж. Локка и Ш.Л. де Монтескье («О духе законов») про равновесие нескольких относительно самостоятельных ветвей власти, про некий баланс сил, способных отделиться одна от другой – или это попытка скорее театральная, рассчитанная на

людей, ещё не приученных ответственно думать; коромысло (контарь, весы) о двух концах можно себе представить как устройство для балансирования и эквилибра, а как только появляется третья ветвь, уже ничего уравновесить нельзя, задача усложняется до нерешаемости. Для Никона, его предшественников и тех, кто пришёл ему на смену, придумывание законов, исполнение законов и наказание за неисполнение законов (то есть законодательная, исполнительная и судебная власти) – словесное баловство, рассчитанное на несведущих людей. Власть всегда одна, а ветвей у неё может быть и три, и двадцать три, и сорок семь. Начальник подчиняет подчинённых умом или силой, ни совесть, ни справедливость тут ни при чём. Ум и сила, остальное – подробности и механизмы.

Появившаяся после Елены Глинской система приказов и губного самоуправления (просуществовала почти двести лет, а под другими именами и триста) без какого бы то ни было представительства, выборов, голосований, демократии и квот почти синхронна зарождению и развитию парламентской демократии в Западной Европе. Судья (глава) приказа соединял в своём лице все три ветви власти не потому что до него не докатилась просвещенческая премудрость, а потому что прекрасно представлял себе, что 1) всё многообразие задач, решаемых приказом или иным властным органом, не может быть описано кодифицированным законом, так как любой и каждый закон – это суммарная реакция на задачу, которую следует решить; в этом смысле любое право прецедентно (до сего дня привычна формулировка, в которую редко вслушиваются: «преступление, предусмотренное статьей такой-то»; что-то ведь послужило причиной для «предусматривания»); решения судьи приказа количественно несопоставимы с нормами законов; 2) как только исполнение закона оторвалось от его сочинения (разделилось на законодательную и исполнительную ветви), простор для злоупотреблений превратился в бесконечность; коротко говоря, закон не нужен и даже вреден, есть нет возможности обеспечить его исполнение, он тогда развращает и уничтожает законопослушность; 3) отраслевой и территориальный принципы построения властных учреждений не могут быть соединены с выборным представительством, «или–или», словом, быстро превратить Сибирский

приказ в Горнорудный или «Пушной» нельзя, даже если нужда в этом огромная и срочная; кроме того, выборное представительство основано на процедурах, требующих времени и не допускающих проверку квалификации и пригодности избранных к тому, для чего их избрали (гениальный финансист может быть безобразен лицом или манерами: кто же такого выберет, если он просто «не нравится»?).

В каком бы обличье ни представала власть (одной веткой или тремя ответвлениями), везде действуют люди, придуманное одним может быть перепридумано другим, и то, что задумывалось как золото, на деле оказывается свинцом в лучшем случае. Никакие процедуры, законы, выборы и прочая чепуха не могут (честно говоря, и не должны бы) приблизиться к мотивационной части принимаемых решений на любом уровне, от императора до надсмотрщика за рабами. А это значит, что путь, избранный Западной в первую очередь Европой после Елены Глинской (путь, обозначенный эпохой Просвещения и понятый в XVIII и XIX веках как выборное народопсевдовластие) обязательно накопит хитроумные пороки в отправлении демократических процедур, соберёт все глупости и гадости, комом катящиеся с горы в пропасть, дно которой не просматривается.

Никон ухватился именно за это, за мотивационную часть всех принимаемых управленческих решений. В этом состоит его значение и вес, сопоставимый с весом Лютера, Бетховена, Чайковского или Ленина. Его направление размышлений – альтернатива примитивному ничтожеству демократическо-коммунистической фальсификации просветительского наследия. Согласиться с таким увеличением исторического веса Никона можно только заставив всех патриархов первого созыва (за целый век) взяться за руки и встать в цепь, словно в танце маленьких лебедей у П.Я. Чайковского, и не четверо, а вся дюжина, даже с Ионой Сысоевичем. Как мог крестьянский сын построить Новый Иерусалим? Как задумать, замахнуться? С кем себя сопоставить в одном последовательном ряду, с полным правом сравниться и почти почувствовать ещё тёплое плечо предшественников?

35
60 ВР

Ответ никому не известен, поле предположений необъятно. В самом конце XVI века Борис Годунов и патриарх Иов построили две почти одинаковые церкви: надвратную Феодотия Анкирского в серпуховском Введенском монастыре и придел Василия Блаженного у Покровского собора на Красной площади, они похожи скромными размерами и архитектурной тайнописью с зашифрованным числом «33» (32 кокошника, рисунок которых повторяет чертеж вертикального сечения верхней 33-й главы). Они же преобразили известным образом сам Покровский собор, который из итальянского гимна барочной симметрии превратился в русский праздничный символ целой страны. Они же продолжили Шествия на осляти, потом к Входоиерусалимскому приделу Покровского собора. И они же задумали строительство Святая Святых внутри кремля и даже завезли строительные материалы; не исключено, что и надстройка колокольни Ивана Великого – часть проекта некоего огромного архитектурного чуда, своим размером и назначением утверждающего роль нового центра православного мира, не затмевающего иерусалимский оригинал, но возрождающий его, поскольку агаряне его пленили и назначили своих сторожей.

От крушения планов и Иова, и Бориса Годунова в 1605 г. до начала строительства Новоиерусалимского Воскресенского монастыря (1656 г.) прошло полвека. Люди, ставшие свидетелями взрывного взлёта патриарха Никона (родился как раз в 1605 г.), если им было лет 60–80, не могли не помнить разговоров и событий самого начала века, с надстройкой колокольни и надписью с именем Бориса, и вполне могли помнить о замысле Святая Святых, особенно в заинтересованной среде около высших церковных иерархов. Дворец Советов, что на набережной, начатый строительством в 30-е годы XX века, застрял в памяти потомков по такой же причине, как сооружение, знаменующее начало новой эпохи. Сооружение, превосходящее всё, что было раньше, даже и Покровский недавний (всего полвека назад) собор. Если завезли строительные материалы, значит, произвели расходы, заключили ряды и подряды (договоры), наняли подмастерьев каменных дел для подготовки проекта или макета, может быть, не без иностранцев.

Документальные свидетельства могли сгинуть при поляках и прочих невзгодах, но из живых-то голов эту память не выковырять, она только в земле растворяется, зато уж навсегда. Могли ли до Никона добраться такие сведения? Кажется, да, могли.

Если считать от момента начала строительства, от 1656 года, вспять, то вполне можно лет на десять сократить срок сохранности воспоминаний, то есть до появления Никона в Москве в 1646 году: у него был деревянный макет Воскресенского собора в Иерусалиме (ныне в музее) и два Кийских кипарисовых креста (один в Крапивниках в Москве), всё привезено из Иерусалима. Макет весьма искусно сделан, в кипарисовые кресты вмонтированы частицы мощей святых, почти поровну слева и справа – от светских и от духовного звания прославленных в прошлом. От первой мысли до проработки замысла, до осознания необходимости макета, до заказа кипарисовых крестов с одной горизонтальной перекладиной сверху и покупкой частиц мощей, дорога тоже может занять два–три года: легко всё может занять девять–десять лет, тогда уже пятидесятилетние старожилы могут рассказать Никону об идее Иова и Бориса, а, может быть, и митрополита Филиппа, чьи мощи он уговорил Алексей Михайловича перенести в Кремль. Новоспасский монастырь (усыпальница Романовых), Новгородская кафедра, кружок «ревнителей благочестия», книгоиздательская деятельность предшествовавших Иасафа I и Иосифа, словом, всё помогало Никону «расширять сознание» в первом, истинном значении слов – делать взгляд широким и глубоким, прозревающим время вниз и вверх, и пространство событий до всей мыслимой географии и истории, чтобы вступить в поток, который нёс Россию к симфонии духовной и светской власти. Этот поток был равновелик событиям, завершившимся Вестфальским миром и где-то между Новым Иерусалимом и Полтавой он ушёл в песок, оставив по себе смутное воспоминание, лучше всего описанное тютчевской фразой про то, что Россию нельзя понять при помощи ума и измерить при помощи универсального аршина.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что баланс властей от Иова, Гермогена, Филарета, Никона, Иоакима и Адриана (архитектурный памятник этому балансу – вся

Ростовско-Ярославская епархия, бывшая сорок лет под рукой у патриаршего местоблюстителя и митрополита Ионы Сысоевича) был эффективнее и продуктивнее баланса трёх ветвей власти, более пригодного для цирковых представлений на потеху публике, чем для управления, потому что всё управление состоит из решений, за которые надо нести ответственность, а трёхчастный вертикальный нож, перерубающий связи между ветками власти, запрещает ответственность. Её нет не потому что нерадивые парламентарии принимают худые законы, которые самое высокопрофессиональное правительство не имеет сил исполнить, а суды не умеют уследить за нарастающей количественной трещиной между нормами законов и отношениями, которые надо регулировать, не имея законов. Дошло до того, что ответственности за судебные решения нет вообще никакой (исключения единичны), депутаты напрочь позабыли, что парламентский иммунитет касается только и исключительно, без изъянов, всегда – речей, произнесённых в парламенте, а во всём остальном ответственность такая же или бóльшая, чем у граждан или подданных; любая оплошность любого министерства или самого премьера имеет одно объяснение – закон (который мы исполняем) идиотский или отсутствует, эта ветка тунеядствует и действует во вред, а не для пользы. Поэтому за триста, а то и четыреста лет всё, на что можно повесить табличку «Великое…», «Достойное…», «Выдающееся…», было создано через силу, не благодаря, а вопреки, с преодолением, а не по течению, неважно тянуть или толкать, главное – рвать жилы, по другому ничего вообще ничего не получится. Что-то вроде «чтобы оставаться на месте, надо бежать изо всех сил». Почему? Ответ известен, но его страшно выговаривать.

Поскольку что-то всё равно, всё-таки порой кое-где происходит, и иногда небессмысленное, управленческие решения принимаются. И принимаются людьми, на качество которых справедливо указал в 1868 г. А.К. Толстой: «почти одна лишь шваль», wir bringen es schon zustande, versuchen wir einmal («уж мы-то всё расставим по местам, попытка ведь не пытка»). А.К. Толстой имел в виду варягов, вознамерившихся навести порядок там, где его «как не было, так нет», задолго до того, как в общественном сознании утверди-

лась мысль, что «полководца делает полководцем не умение принимать правильные решения, а умение принимать решения». Трудная (очень непростая, рассчитанная на гибкий, тренированный, привычный к дисциплине ум) мысль, что ‘правильные решения лучше неправильных’, звучит всё ещё свежо и неизбито, даже непривычно. Ещё смелее и безрассуднее догадка, что качество решений зависит от качества людей. Но и отсюда – бесконечно долгий путь до умозаключения, что над качеством людей, принимающих решения, надо работать, причём долго, а начать надо с подготовки тех людей, которые станут готовить управленцев, не забывая, что для учителей учителей тоже нужны учителя, которые тоже умеют задавать вопросы, на которые трудно найти ответы. Приблизительно в таком последовании: дети в школе спрашивают учителей, их учат в институте доценты и профессура, защищавшая свои учёные диссертации в вышестоящих (иногда) академиях, в которых своя иерархия старших и младших, и тут уж совсем чёрт ногу сломит, пока разберётся, как ответить на детский вопрос из школы. И это только про образование, а есть ещё и воспитание, в котором искусство чаще всего подменяется тупой назидательностью и даёт обратный эффект – получаются сплошь наглые и циничные болваны.

Попытка патриарха Никона готовить людей дала результаты – достаточно взглянуть на Ростовский архиерейский дом и ярославские архитектурные «жемчуга яхонтовые», как сказали бы герои Н.С. Лескова. Никон создавал инструменты и институты, влиявшие на качество паствы самым прямым образом, способом, который может испытать на себе каждый. Просто пройдя через многометровый северный проход Борисоглебского монастыря или под церковью Иоанна Богослова, неважно, с какой целью, хоть отдать знакомцу долг в двадцать копеек и тут же вернуться, любой и каждый человек сначала перестаёт слышать мир и уже поэтому меняется: тишина – редкая ценность. Доменико Трезини, построивший надвратную церковь на западе Донского монастыря, сделал для прохода и проезда не просто проём в стене, а длящийся вход, работающий архитектурно-целительный процедурный инструмент.

Исправление книг, начатое ещё далёкими предшественниками, в XVI веке, целью имело не литературную безупречность и соответствие подвижным во времени идеалам, а именно изменение качества людей, их читающих.

Раньше архитектура, потом литература, потом обряд (по часовой стрелке или против неё надо ходить вокруг аналоя, Исус или Иисус, «во веки веков» или «во веки веком», принятое на Стоглаве двоеперстие или всё-таки троеперстие и прочие важнейшие для веры вещи) – всё-таки носили и носят вероятностный характер: то ли сработает, то ли нет, то ли совесть появится, то ли не обязательно, и никому не ведомо, что предпочтёт человек в сложный для решения момент – согрешить в надежде после отмолить, или устоять, потому что вообще не надо, потому что есть воспитанный запрет, с которого начинается всякая культура и достоинство. Сработала архитектура и литература, подкреплённые обрядом, или мимо совести удалось прошмыгнуть – ни сразу, ни по прошествии времени не поймёшь, чужая душа потёмки. Рассчитывать на силу души надо, но лучше контролировать поступки, чтобы ни крепость убеждений, ни их шатость не то что не смели, а просто не могли перешагнуть за дозволенное, ни дерзновением замысла, ни ничтожеством и леностью воли, то есть выстроить рамки, в которых хочешь – не хочешь, а придётся вести себя прилично.

Вот тут мы и подступаем к возможности сначала толком сформулировать вопрос, а потом, может быть, и попробовать на него ответить. Когда Никон, «сшедший с престола», но не сложивший с себя сан (или чин, или звание, или должность, или призвание, или комплекс обязанностей и прав) патриарха, внезапно вернулся в Успенский собор из Нового Иерусалима, к нему под благословение подошёл, в частности, митрополит Ярославский и Ростовский Иона Сысоевич; он совершил если и не акт предательства государя, то во всяком случае нечто очень противное его воле, распря между бывшими приятелями была в самом разгаре, и иерей огромной епархии выказывает почтение и подчинение своему священноначалию. Ладно, прямо в соборе, деваться некуда, раз приехал патриарх, что же его, палками гнать, посох-то и клобук у него никто не отнимал, но Иона и вообще показывал полное понимание, согласие с Никоном во всём, что тот предлагал и делал. Даже после Большого собора (1666–1667), где Никон был низвергнут до простого монаха, Иона Сысоевич оставался митрополитом ещё много лет и его архитектурная деятельность (конечно, более разрешительная, чем прямо созидательная, ктиторы влияли на облик храмов больше, чем инстанция, выдававшая антиминсы) и поныне составляет костяк того, что принято называть неопределённно-расплывчатым термином '(древне)русская архитектура'.

Феномен Ионы Сысоевича (напоминает Игоря Эммануиловича, сквозь времена и бури, десятки лет – и незапятнанное имя, и результат всей жизни на зависть потомкам, ни повторить, ни приблизиться никто не может и не сможет, только если рядом, потом и после построить что-то своё) требует истолкования, нельзя же в самом деле удовлетвориться сообщением, что такая, мол, попалась замечательная личность, вот и раззудилось плечо, размахнулась рука, явилась целая эпоха в архитектуре от Москвы до Кириллова и даже до Антониева-Сийского монастыря, который тяготел скорее к Новгороду, и до Соловков. Размерность этой эпохи с годами только увеличивается, по прошествии трёх–четырёх столетий становится яснее, что это непропорционально большая часть вообще (древне)русской архитектуры (а стало быть, культуры, народа, истории, цивилизациии, дальше увеличение размера понятий упирается в Млечный путь и тихо стекает прямо в Нью-Васюки). Тем интереснее понять, как это удалось Ионе и не удалось Никону.

Если у Никона и Алексея не было раздвоения личностей, то они не могли не помнить, что никоновский тезис о священстве (которое превыше царства настолько же, как и небо выше земли) был сформулирован вскоре после того, как государь своей властью, которая, следовательно, была превыше священной, вот только что несколько раз возвысил Никона – до архимандрита Новоспасского монастыря, до Новгородского митрополита, до чина и сана патриарха. Казалось бы, принятый на работу на определённую должность человек не должен по прошествии нескольких лет ногой открывать дверь в кабинет начальства и требовать чуть ли не поклонения. Тут что-то не вяжется, не складывается, очень уж про-

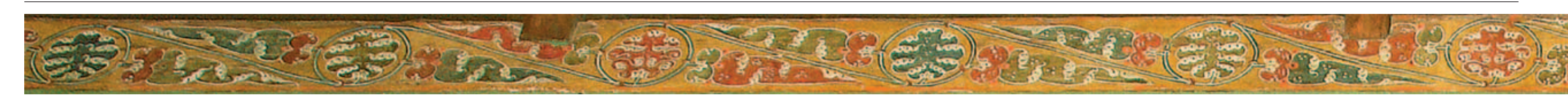
тиворечит вообще всем представлениям об устройстве жизни. Сообразовать такие метаморфозы в отношениях Никона с государем – с естественным, умопостигаемым поведением нормального человека можно только если как-то уместить никоновские взгляды в какие-то рамки: священство превыше царства, но всё же царь не должен прислуживать патриарху, чистить сапоги и подавать полотенце после еды. Священству должен быть выделен коридор, какая-то сфера ведения, область компететности, в которых оно обладает относительной самостоятельностью вплоть до полной свободы принятия решений. Во время Шествия на осляти в Вербное воскресенье царь держит стремя у патриарха – и ничего, никто не стесняется понять, что государь символически служит патриарху и физически находится ниже его: один в седле (хоть и обеими ногами в одну сторону), другой на земле. Тут-то он выше, и никто не возражает.

Сколько ни печалуйся, как ни увещевай государя, в чужую голову не влезешь, потёмки руками не разведёшь, свет в нужную сторону не направишь: царская рубаха ближе всего к царскому телу. Возможность влиять на его решения есть, но всегда при помощи ухищрений, которые сами искривляют замысел, каким бы прямым, правильным и добродетельным он ни был. Остаётся только подвинуть его плечом, как патриарх Филарет подвинул собственного сына Михаила (до поры, до времени), как умудрённый Никон лепил мысли царственного юноши Алексея (тоже 16 годков от роду примерился к скипетру и державе), как в 1676 году патриарх Иоаким венчал на царство 15-летнего Фёдора Алексеевича.

Удовольствие быть царём – видимо, немалое, даже и в столь юном возрасте, после 1613 года из четырёх государей (при одной регентше) ни один при вступлении на престол не перевалил за 18-летний рубеж, и всё же никто не отказался, не оттолкнул протянутую руку с шапкой Мономаха. Но вот откуда все они – и цари, и их светские и духовные наставники – знали, что на троне делать? С употреблением неги справиться нетрудно – почаще и побольше, и можно без хлеба, – но откуда взять представление об отправлении государственных обязанностей. Тут вариантов немного: надо хорошо делать то, что плохо делали в старину, но опять примешивается маленький гнусный вопрос: «Как?». Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что во все времена действует одно и то же правило, доброе управление (=честный менеджмент) должно опираться на всю толщу культурного запаса страны. Христианизация, вестернизация и кизилбашизация (от Персии) увеличили этот культурный запас на несколько тысяч лет, а модели институтов доброго правления вообще отличаются от земли к земле только стадиально и лингвистически: от вождя с дружиной к отраслевым и территориальным ведомствам в меняющихся соотношениях. Удобство коллегиальной безответственности всегда ведёт к тирании, которая сменяется новой попыткой устроить безответственность более разумно, опираясь на только что добытые новые знания о мире и людях. Если эта простая мысль оказалась доступна нам, почему она не должна была посетить головы царей и сановников в прошлом, тем более принимая во внимание, что эти же задачи решали и задолго до Рождества Христова, и даже те, кто про Рождество ничего не знал и тысячу лет спустя после него. Патриарх Никон так высоко чтил митрополита Филиппа, потому что имел причины догадываться о его мотивационной, побудительной части душевного устройства, и череду митрополитов он легко мог продлить и до Макария, Алексия, Петра, и далее вспять до греков, принесших кафедру в Киев. Новшество, которое лелеял Никон – не направлять государеву руку, а действовать своей собственной, пусть в той же модели, которая ему вместе со страной досталась, с приказами, князьями, боярами и дворянами над крестьянами. И в этом он не был первым. Сложный узел взаимосвязанных реформ и идей тянулся от Филиппа и Иова, от Бориса Годунова и Филарета, который и исправление книг начал, и начал расширять Патриаршую область.

Вот об этом надо поподробнее.

Случай натолкнул на брошюру профессора П.Ф. Николаевского о Патриаршей области и русских епархиях в XVII веке (СПб., 1888). Кроме него, Патриаршая область упоминается в считанных печатных материалах, смысл которых сводится к характеристике её как «государства в государстве», достигшего наибольшей силы при Никоне, далее

последовательно уменьшаясь вплоть до екатерининских изъятий церковных и монастырских богатств, сопоставимых с коммунистическим грабежом.

Между тем Патриаршая область как тема для исследования могла бы стать тем плугом, который перепахал бы заросшее сорняками и берёзами заброшенное поле истории отношений между светской и несветской властями в XVII веке. Твёрдо установлено, что первый патриарший период длился около ста лет и оставил по себе раскол и зияющую дыру на месте горы книг по истории Большого собора, материалы которого даже не изданы. Про проект реформ Фёдора Алексеевича (1681–1682) больше всего сведений тоже в книжке П.Ф. Николаевского в связи с уменьшением Патриаршей области при Иоакиме.

Но самое, конечно, удивительное – соединение сведений из брошюры П.Ф. Николаевского с обликом Архиерейского двора в Ростове. Общий объём строительных работ в епархии (митрополии) при Ионе Сысоевиче чудовищен, количество таланта, употреблённого на возведение церквей и жилых сооружений, в тоннах и пудах посчитать невозможно, но ведь всё это изобилие стоит денег, и огромных. Ключик к этому замку – в руках и П.Ф. Николаевского. Материал его столь важен, что придётся его привести целиком ещё раз.

В 1640/41 г. (то есть уже после Филарета, при Иоасафе I) доходы Патриаршей области составляли более 4 тысяч рублей (И. Устинова), их хватило бы на 100–200 каменных домов (если бы все средства пошли на строительство, может быть, чуть больше или чуть меньше, от 50 до 300 в зависимости от размаха). За 40 лет до этого Фёдор Конь в Смоленске истратил на стену такое количество кирпичей, из которого можно было бы во всей стране построить сотни каменных домов. При Никоне в Патриаршую область входило больше 4000 церквей, с которых поступала церковная дань и неокладные доходы, по всей стране всех остальных, не-патриарших церквей, было примерно столько же, причём с некоторых доходы тоже шли в патриаршую казну. Исчислить количественно ценность всех поступлений вряд ли возможно, но не особенно-то и требуется, поскольку самое время вспомнить, что 1) собранное принадлежит не патриарху, а церкви, и 2) никто с собой за много тысяч лет ещё не унёс ни копейки, не считая, конечно, оболов за щекой для Харона. Оценивать надо не количественно, а качественно – то, что осталось от Никона в Иверском, Воскресенском, Кийском монастырях и в кремле, от Ионы Сысоевича в Ростове, Угличе и Ярославле.

Эти сооружения и суть результат преобразовательных попыток Никона и Ионы, как Днепрогэс, космос и атомные электростанции суть результат преобразовательных попыток В.И. Ульянова и последовавших за ним, согласных с ним, или презиравших его и ненавидевших, но работавших для земли и для себя, как получалось.

А староверы – это предшественники белой эмиграции и вообще белого движения – не смогли стерпеть новоутвердившуюся власть, всё равно, какую, хоть светскую, хоть духовную – ведь светская просто перехватила у духовной манеру поведения – тоталитаризация власти, когда государство вместе с церковью становится неодолимой силой, так или иначе организующей жизнь всех и вся. В крайних точках этого развития – наисвободнейшее первобытное независимое хозяйство и быт, с минимальной ролью государства при начале пути, и единое господство деньговласти, делающее разговоры о свободе и воле смешными уже в миттельшпиле. Пружина такого движения – неустанное желание разумно устроить жизнь на фоне полного презрения к тем, кто живёт в этой разумно организованной жизни, правильнее даже сказать – кто осуществляет жизнь в рамках правильного устройства в координатах, установленных авторами разумных институтов общества и государства. Недаром староверы системой самоограничений добивались и добиваются соответствия между мечтательным воображением и пониманием собственных сил и возможностей. Дикари, использующие нечистые жидкости для умывания в соломенном шатре, могут быть не менее счастливы, чем потребитель утончённых spa-процедур после партии в гольф на фоне самой изысканной архитектуры, потому что и у тех, и у других есть соответствие между желаемым и достигаемым, только у последних нет начальных самоограничений, и нет предела мечтаниям, потому что они не знают, что ограничения вообще бывают. Культура начинается там, где появляются запреты, и каждое снятие запрета влечёт за собой сорванную крышку со следующего ящика следующей

Пандоры. Технологический и всякий иной прогресс, снимающий очередной запрет, должен быть уравновешен модификацией старого запрета, для воспроизводства культуры. С аквалангом можно нырнуть на сто метров вглубь, но за это приходится платить декомпрессией под угрозой закипания азота и смерти, то есть новым запретом. Никон снял запрет на умственное конструирование жизни (начал Иосиф Волоцкий), и показал пример, как это делать с успехом (особенно Иона Сысоевич); светская власть, начиная прямо с Алексея Михайловича, выдрала из рук патриарха знамя и увеличила роль государства, Пётр Алексеевич расставил все точки над i, сделав духовное ведомство министерством. Больше государства – меньше воли. Приписываемая Петру заслуга в области поощрения просвещения и образования – золотая шоколадная медаль без шоколада, пустышка: он производил военных и инженеров, а они никак не влияют на качество менеджмента, определяемое только и исключительно гуманитарной составляющей образования и просвещения. Раньше эта гуманитарная составляющая была под рукой у церкви и она (церковь) плохо или хорошо, но справлялась. Став министерством, она научилась слушаться и исполнять приказы, но за качеством выращиваемых человеков следить стало недосуг, да и несподручно, глубокая мысль не помещается в остром уме, потому что ценится не мысль, а ум. Для староверов никоновская ловкость в области обустройства Патриаршей области была предательством, примитивизацией высокого назначения пастыря, опрощением до уровня приказного стряпчего или подьячего, обделывающего выгодное дельце, и в этом староверы, пожалуй, были правы, опрощение состоялось и было принято на вооружение всей церковью на Большом соборе уже без Никона. Но неприятность состояла в том, что гуманитарная составляющая оказалась совсем без присмотра. «Латыняне-схизматики» и «люторы» спасовали перед скорыми умом просветителями в Англии и Франции сначала, потом и по всей Европе, мало-помалу и в России новая опасность с неожиданной стороны стала угрожать церковным делателям гуманитарного дела: уже не католический «крыж» посягал на восьмиконечный крест, а оба они пятились перед наукой и просвещением, не в силах ни противостоять, ни бороться на равных. За триста лет состоявшаяся победа Просвещения в схватке не была зафиксирована и встречена рёвом толпы только потому, что за поставленной точкой открывалась бездна: а что вместо? «Если Бога нет, то всё дозволено»? Иными словами, запретов нет? Периодические временные ренессансы церковного мировидения только оттеняют полуживое (или полумёртвое) состояние гуманитарной науки, которой предстоит, впитав в себя старые религиозные запреты (то есть культуру), явить миру новые, модифицированные, отвечающие новым технологическим достижениям системы запретов и доказательств их необходимости и достаточности. Ясно, что воспроизводство культуры не будет содержать ничего такого, что не было бы известно Моисею, Иоанну Крестителю, Христу, Августину, Никону и Ленину. Скорее всего, ничего вообще нового гуманитарии не придумают. Но если с их помощью хотя бы сохранится то, что было всем названным и неназванным известно, их дело не пропало.

Патриаршая область и русские епархии в XVII веке

Не смотря на специальные и капитальные исследования в нашей литературе по истории русской церковной иерархии многие вопросы из этой истории остаются еще не обследованными. К числу их относятся вопросы о порядке образования епархий, о границах их, о числе в них церквей и приходов, о характере отношений епархиальной власти как к своей епархии, так и к высшей центральной церковной власти, и о влиянии этих отношений на общий ход церковной русской жизни. Недостаток исторического материала в местных церковных, архиерейских, консисторских и монастырских архивах служит одною из причин, задерживающих раскрытие указанных вопросов; но этот недостаток может быть восполнен розысканиями в архивах центральных учреждений, куда доставлялись сведения из разных мест обширной русской земли. Для истории нового времени (XVIII и XIX в.) незаменимое значение имеет архив Святейшего Синода; для истории древнего времени имеют значение синодальная, бывшая патриаршая библиотека в Москве, главный Московский архив министерства иностранных дел, но более всего центральный архив министерства юстиции, где собраны дела бывших приказов, акты разных монастырей и епархий; здесь в подлинниках и списках сохранились такие документы, которые считались навсегда утраченными и без знакомства с которыми многие описания прошедшей жизни останутся не полными. Настоящая статья имеет целью на основании архивных документов представить описание необследованного еще состава бывшей патриаршей области и отношения её к делу открытия епархий на Руси в XVII веке.

Патриаршую область точнее можно назвать епархией патриарха; в состав её входили те города с их уездами, которые находились в непосредственном церковном управлении патриарха, как епархиального архиерея. Унаследованная от прежних Московских всероссийских митрополитов область эта до второй половины XVII века постепенно

увеличивалась в своем составе вследствие расширения пределов Московского государства, усиления русской колонизации, подчинения многих городов и земель Московским государям и передачи этих городов в церковное ведение патриархам. Сведения о границах и составе патриаршей области с точностью можно определять уже со времен патриарха Филарета по приходным книгам патриаршего казенного приказа: в эти книги вносился подробный список всех данных церквей патриаршей области с обозначением их имен, уездов и десятин, с указанием количества дани, собираемой с каждой церкви в казну патриаршую и иногда с описанием исторической судьбы той или другой церкви. По тем же книгам можно определять и постепенное увеличение патриаршей области, со времен патриарха Филарета и последующее при последних патриархах сокращение её состава. Изданная в печати жалованная грамота царя Михаила Федоровича на имя патриарха Филарета Никитича только в общих чертах определяет объем патриаршей области; из неё мы узнаем, что в состав этой области входило тогда более 40 городов и уездов, находящихся ныне в шестнадцати губерниях и епархиях. „Патриаршая область огромная, писали в одной челобитной при , иные места верст на 800 и более от Москвы». В этих словах нет ни малейшего преувеличения; при , пользовавшемся большим могуществом и сильным влиянием на дела церковные и государственные, патриаршая область достигла самой высшей степени своего развития, какого она не имела ни раньше, ни после; после Никона она стала уже сокращаться в своем объеме и составе. Приводим статистические данные о составе патриаршей области за время . Первое место занимает город Москва, как главный и центральный пункт патриаршей области; в ней к 1658 году было данных церквей: в Китай-городе 29 с приделом, в Белом-городе 87 с 5 приделами, в Земляном-городе 58, на Замоскворечье 40, за Земляным городом 28 церквей; всего 242 данных церкви и 6 приделов. В Московском уезде в десятинах: Пехрянской 71 ц. и 14 приделов; Вохонской 39 ц. и 11 пр., Радонежской 25 ц. и 10 пр., Селецкой 22 ц. и 8 пр., Загородской 62 ц. и 22 пр., Хатунской 18 ц.; всего в Московских десятинах 237 церквей и 65 приделов. В городах и уездах нынешней Московской губернии: в г. Дмитрове и Дмитровской десятине 71 ц. и 7 пр.; в г. Звенигороде и десятине 13 ц.; в Сурожской десятине 19 ц. и 6 пр.; в г. Рузе и десятине 21 ц. с приделом; в г. Волоколамске и уезде 18 ц.; в г. Можайске и уезде 19 ц. с приделом; в г. Серпухове, в Серпуховской и Щитовской десятинах 33 ц. с приделом. Во Владимирской губернии: в г. Владимире 17 ц., во Владимирском уезде 124 ц. с приделом: в Медушской десятине 95 ц. и 7 приделов; в г. Переяславле-Залесском и десятине 205 ц. и 9 пр.; в г. Гороховце и уезде 28 ц. и 9 пр.; в г. Юрьеве-Польском и уезде 86 ц. и 3 пр. В Нижегородской губернии: в г. Нижнем Новгороде и посаде 22 ц., в уезде 37 ц. и 3 пр.; в Закудинском стану 188 ц. и 56 пр.; в г. Арзамасе и десятине 164 ц. и 2 пр.; в г. Балахне и Балахонской десятине 50 ц. и 9 пр. В Костромской губернии: в г. Костроме и десятине 90 ц.; в Луговой десятине 199 ц. с приделом; в г. Кинешме и десятине 18 ц.; в г. Лухове и Луховской десятине 33 ц. с приделом; в г. Юрьевце-Повольском и десятине 93 ц. и 31 приделе; в г. Плесе и Плесской десятине 176 ц. и 15 приделов; в г. Галиче и Галицкой десятине 33 ц.; в Окологородской волости 3 ц. с приделом; в Мирохановском стану 19 ц. с приделом; в Тушебинском стану 18 ц. и 6 пр.; в г. Солигаличе и десятине 25 ц. и 8 пр.; в г. Парфеньеве и Парфеньевской осаде 16 ц. и 5 пр.; в г. Кологриве, его посаде и уезде 89 ц. и 12 пр., в г. Унже и Унежской осаде 31 ц. и 6 приделов. В Ярославской губернии в Карашской волости Ростовского уезда 8 ц.; в Пошехонской десятине 28 ц. с приделом. В Новгородской губернии в Белозерской десятине 29 ц. и 2 придела. В Архангельской губернии в десятинах Пинежской и Кевролькой с Важским уездом, Холмогорским островом и г. Архангельском 63 ц. с приделом. В Вятской губернии в Вятской десятине с г. Хлыновым и уездом 49 ц. с приделом; в г. Слободском и уезде 12 ц.; в г. Шестакове 3 ц.; в 4 ц.; в г. Котельниче и уезде 35 ц. с приделом; в Кайгородской десятине с г. Кайгородом, посадом и уездом 8 ц. В Пермской губернии в Пермском уезде в вотчинах бояр Строгоновых и Пыскорского монастыря 17 ц. и 3 придела. В Казанской губернии в г. Ядрине 2 ц. В Симбирской губернии в г. Симбирске и уезде 18 ц. и 3 часовни; в г. Корсунове и уезде 29 ц. с часовнею; в г. Атемаре и уезде 13 ц. с приделом; в г. Алатыре и уезде 65 ц. и 2 прид.; в г. Курмыше и десятине 18 ц. и 2 прид. В Пензенской губернии в г. Верхнем Ломове 2 ц. и Нижнем Ломове 10 ц. В Тамбовской губернии в г. Темникове и уезде 40 ц. с приделом. В Воронежской губернии в г. Яблоновом с уездом 12 ц., 9 прид. и 3 часовни; в г. Верхососенске 4 ц. с приделом и часовнею; в г. Ольшанске с Черкасскою

слободою 4 ц. и 6 пр. и 3 часовни; в г. Коротояке с Казачьею и Черкасскою слободами 6 ц. 5 прид. и 4 часовни, в г. Валуйках с уездом 9 ц.; в г. Усерде с уездом 8 церквей. В Курской губернии в Курской десятине с г. Курском, Подгородным станом и уездом 54 ц. 8 прид. и часовня; в г. Осколе (Старом) с уездом 18 ц. и 2 прид.; в г. Цареве-Алексееве, „что пишется Новый Осколе“, с уездом 10 ц. 14 прид. и часовня; в г. Короче с уездом 8 ц. 5 прид. и 2 часовни; в Белгородской десятине с г. Белгородом, посадом и уездом 27 ц. 2 прид. и часовня; в Рыльской десятине с г. Рыльском и уездом 39 ц. и 2 часовни; в Путивльской десятине с г. Путивлем и уездом 37 ц. и 5 часовен. В Орловской губернии в Брянской десятине с г. Брянском и уездом 90 ц. 15 прид. и 2 часовни; в Карачевской десятине с г. Карачевом и уездом 29 ц. и 5 прид.; в г. Волхове и посаде 3 ц. и 3 прид.; в Севской десятине с посадом Севским и селами 69 ц. и 5 пр.; в Трубчевской десятине с г. Трубчевском и уездом 16 ц. и 4 часовни. В Калужской губернии – в городах Боровске, Алексине (ныне Тульской губернии), Перемышле, Вышгороде, Малом Ярославце 20 ц. и 2 прид.; в Боровской десятине 50 ц. и 15 прид.; в Малоярославской десятине 48 ц. и 7 прид.; в г. Мосальске и уезде 15 ц. В Тверской губернии в Ржево-Володимировой десятине с г. Ржевом, его уездом, церквами „около Осташкова» и Осташковским уездом 34 ц.; в Кашинском уезде в селах Горнцах и Стоянце 3 церкви. В Псковской губернии в Торопецкой десятине с г. Торопцем, его посадом, с уездами Торопецким и Великолуцким 53 ц. и 2 придела. Всего в девятнадцати означенных губерниях к патриаршей области принадлежало 66 городов, с уездами и селами; в них было 3651 , 394 придела и 33 часовни, в которых за неимением церквей отправлялось богослужение для местных жителей. Тридцать девять из перечисленных здесь городов значатся и в жалованной царской грамоте патриарху Филарету, подписанной царем Алексеем Михайловичем и на имя ; остальные города (числом 27) приписаны к патриаршей области после выдачи (в 1625 г.) грамоты патриарху Филарету и перешли в ведение от его предшественников на патриаршем престоле. Кроме указанных здесь городов и волостей присоединил к своей патриаршей области значительное количество новых городов с их пригородами, уездами и церквами. Вслед за присоединением Малороссии к Великороссии и по упрочении сторожевых пунктов против набегов крымских татар с лета 1655 года присоединяются к патриаршей области следующие города в Слободской Украйне, в нынешних губерниях Курской и Харьковской. В приходной книге патриаршего казенного приказа читаем: „В нынешнем 164 году по переписным книгам Белогородския десятины Никольского игумена Кирилла, да Карпового города старосты поповского Никитского попа Ивана прибыло вновь“: г. Чугуев с 4 церквами и в уезде с приделом и часовня; г. Карпов с 8 церквами и в уезде 2 церкви и 2 часовни: г. Хотмышск с 3 церквами и в уезде 4 ц. и 2 часовни; г. Обоянск с 2 ц. в уезде 6 ц. и 3 часовни; г. Вольный – в городе, посаде и уезде по церкви, всего 3 церкви; г. Алешня с 3 церквами в городе и на посаде. По ревизии, произведенной патриаршими дозорщиками в этих городах и их уездах сразу после приписки их к патриаршей области, найдено при прежних церквах еще 32 придела и приписано здесь к патриаршей области два новых города: Каменный с 2 церквами в городе и на посаде и Недригайлов с церковью. Всего в Слободской Украйне приписано к патриаршей области при 8 новых городов с уездами, в них 39 церквей, 33 придела и 8 часовен.

Расширив свою область на север и юг до крайних пределов Русского государства не мог не заметить, что некоторые города и уезды, прилегавшие к центральным пунктам его области, а в некоторых случаях даже вторгавшиеся в нее, находились в ведении других архиереев, задался мыслью присоединить эти города с уездами и церквами к своей области, скруглить ее и точнее разграничить ее от других епархий. Свои намерения в этом направлении патриарх заявил прежде всего в отношении к епархии Крутицкой. Кафедра Крутицкого митрополита, называвшегося официально Сарским и Подонским, с XV века находилась в самой Москве на Крутицах; два монастыря в Москве Данилов и Покровский на убогих домах зависели от этого митрополита; несколько сел в патриарших десятинах (напр. село Алексино в Звенигородской десятине) также зависели от этого митрополита; епархия Сарская и Подонская, занимавшая прежде область на юго-востоке России близ г. Царицына от Черного Яра по рекам Хопру и Дону, теперь в половине XVII в. заключала в своем составе совершенно другие города и приходы, находившиеся в ближайшем соседстве с патриаршей областью в южных пределах нынешней Калужской губернии. Хотя Крутицкие митрополиты считались помощниками

патриархов и местоблюстителями патриаршего престола в период междупатриаршества, но совмещение двух самостоятельных архиерейских кафедр в одном городе по церковным правилам считалось незаконным; и хотел уничтожить эту аномалию. Мысль о закрытии кафедры Крутицкой митрополии в Москве и выводе её в свою епархию, даже на прежнее место на Дон он в первый раз изложил в 1655 г. в – настольной грамоте, выданной митрополиту Питириму после его посвящения; заявив, что Питирим поставлен в митрополита „градом Сары и по Дону“, патриарх прибавляет „должен убо есть сей митрополит Сарский и Подонский показать послушание и, отшед в прилучившуюся ему святейшую митрополию, удержати ю со всею областию её и всеми прилучившимися ей изначала пределы и весьми“. Намерение относительно перемещения кафедры Крутицкого митрополита из Москвы на этот раз не состоялось; митрополит Питирим удержал ее в столице, вскоре отправился в поход с государем против шведов, во время этого похода сблизился с царем и боярами, враждовавшими потом против . Но патриарх Никон не оставил своих намерений относительно Крутицкого митрополита; в октябре 1657 г. на соборных заседаниях по вопросу об открытии новых епархий он сделал вторую попытку перевести Крутицкого митрополита из Москвы; его назначили на предположенную тогда к открытию епархию Белгородскую; но вследствие разных обстоятельств и эта попытка не осуществилась, и патриарх Никон потом не один раз находил нужным заявлять, что Питирим много лет владеет Крутицкою кафедрою незаконно, „не съезжая с Москвы“, а в своей настоящей епархии „не бывал с тех пор, как для ней поставлен“.

Испытав неудачу в своих видах на епархию Крутицкую, имел успех в деле присоединения к своей области другой епархии – Коломенской. Коломенская епископия была соседнею с епархией Крутицкой и вместе с нею представляла большой клин, разделявший центральный пункт патриаршей области от новых увеличившихся пределов её на юге. Никон решил закрыть эту епархию, а вместо неё открыть новую епархию Вятскую. В таком смысле и состоялось определение Московского собора в октябре 1657 года. 5 декабря 1657 г. бывший Коломенский и Коширский епископ Александр переведен в Вятку и стал именоваться Вятским и Великопермским; тогда же от бывшей Коломенской епархии причислены к патриаршей области следующие города с их уездами и церквами, находившиеся в нынешних губерниях Московской, Рязанской, Тульской и Орловской: г. Коломна с 9 церквами, 12 ц. на посаде и в уезде в Коломенской десятине 29 церквей; г. Кошира с 8 ц. и в Коширской десятине 10 ц.; в десятинах: Малинской 17 ц. с приделом, Песоченской 12, Брошевской 13 и Зарецкой 26 церквей; г. Тула с 1 соборною церковью и приделом, в посаде – 22 ц. и собор с приделом; в Тульском уезде – в Заупском стану и селах 16 ц., в Заострожном стану и селах 6 ц., в Нюховском стану и селах 15 ц.; в Старогородищенском стану 2 ц., Верхошевском стану 3 ц. с приделом, Рославском стану 2 ц., Теплом стану 2 ц. с приделом, Колоденском стану 1 ц.; в Соловском уезде – в Корницком стану 5 ц., в Засолоцком стану 6 ц. и Псовском стану 1 ; г. Дедилов с 1 церковью, на посаде 8 ц. с приделом, в уезде 7 ц.; г. Венева с 5 ц. и приделом, в уезде 2 ц.; г. Гремачей с 6 ц., г. Епифань с 4 ц.; г. Ефремов, в нем и слободах 5 ц.; в уезде 12 церк. и 4 часовни; г. Крапивна с 5 ц. и в уезде 4 ц.; г. Орел с 5 ц. и приделом; в уезде 2 ц. и в станах: Корчевовском с селами 5 ц., Тайчюковском 2 ц., Неполоцком 1 ц. и 2 часовни, Мокронском 2 ц., Каменском 5 ц. и 2 часовни; г. Кромы с 7 ц.; в уезде в двух станах: Ренчицком 2 ц. и 3 часовни и Добренском 2 ц. и 2 часовни. При передаче церквей Коломенской епархии патриарху в списке этих церквей значится еще 94 церкви в разных десятинах и станах; церкви эти названы „пустыми», т. е. стоящими без пения и церковной службы; но по осмотру их на месте, произведенному по приказанию патриарха, оказалось, что из числа их 36 церквей владеют землею, пашнями и покосами, отданными разным лицам на оброчное пользование; поэтому 36 церквей „пустых“ тотчас же по дозору обложены были податями в казну патриарха и включены в число церквей данных. Таким образом из бывшей Коломенской епархии приписано к патриаршей области 11 городов с их уездами, станами и селами; в них значилось 346 церквей, 8 приделов и 13 часовен.

В общем итоге патриаршая область к концу 1657 и началу 1658 г., в период высшего своего развития, захватывала собою 22 нынешних губернии; в составе её числилось 85 городов, 4,036 данных церквей, 435 приделов, 54 часовни. Такой громадный состав патриаршей области имел весьма важное значение как в устройстве церковной иерархии,

так и в общем ходе тогдашней церковной жизни в России. Управление обширною областью давало патриарху один из значительных источников материального обеспечения, так как все данные церкви, их земли, дворы при них духовенства и прихожане были обложены разными податями в казну патриарха; при помощи собираемого с них дохода патриарх мог устраивать свой быт, расходовать большие денежные суммы на церковные и общественные нужды. Управление церковными делами этой обширной области давало патриарху возможность скоро и без особых препятствий проводить в жизнь те правила и порядки, которые тогда признавались лучшими в церковном управлении, и устанавливать повсюду стройность и единство; порядки патриаршей области служили образцом и для других епархий и должны были прививаться в последних. Но, с другой стороны, громадный состав патриаршей области имел и свои слабые стороны, неблагоприятно отражавшиеся на церковной жизни как в самой этой области, так и в остальных русских епархиях. Эти слабые стороны сознавались обществом и правительством; открыто указывались разные неудобства для правильного хода церковной жизни от обширности патриаршей епархии; в разных предложениях и челобитных, которые подавались патриархам, государям, соборам, раздавался голос против излишнего увеличения и усиления патриаршей области, указывалась нужда в сокращении её состава для открытия новых епархий и предлагалось даже изменение существовавшей тогда системы в церковном управлении. Насколько подобные заявления и предложения были близки к жизни и занимали собою внимание правительства, видим из того, что они рассматривались на Московских, вносились в соборные определения и по поводу их издавались особые правила для лучшего устройства тогдашних церковных дел. В той челобитной против , в которой указывалось на громадность патриаршей области, описывались следующие неудобства от её обширности. Первое неудобство касалось порядка посвящения ставленников. При первых патриархах ставленники из дальних от Москвы уездов, чтобы не нести лишних расходов и не тратить много времени на поездку в столицу, обыкновенно посвящались у ближайших к их уездам епархиальных архиереев; но патриарх Иосиф, не желая лишиться доходов от ставленников, воспретил им ставиться у местных архиереев и приказал ездить в Москву. Порядок, заведенный Иосифом, оставался и при ; правда, для облегчения ставленников, Никон отменил прежние пошлины за рукоположение, но ввел новый порядок: ставленникам велел привозить с собою отписки от десятильников и поповских старост; „чтобы получить такую отписку, ставленнику придется употребить недели две или четыре, да харчу станет рубль и два; приедет с отпискою к Москве и живет здесь недель по 15 и по 30, и становится поповство рублей по 5 и 6 кроме харчу, дают посулы архидиакону и дьякам; иные волочатся в Москве недель 10 и больше, да и отошлют их ставиться в Казань. Иные ставленники пропадают и безвестно живот свой мучат в Москве, насилу через две недели дождутся слушанья (испытания у патриарха), ждут часу до пятого и шестого ночи зимнею порою, побредет иной ночью к себе на подворье, да и пропадет без вести“. В последних словах челобитной указывается уже другое неудобство, которое испытывало духовенство патриаршей области. При громадности епархий естественно множество дел, которые приходилось разбирать патриарху; многочисленность занятий увеличивалась еще от того, что патриарху кроме церковных дел приходилось участвовать и в решении дел государственных; все это замедляло решение обычных текущих епархиальных дел, мешало постоянным личным объяснениям патриарха с подвластным ему духовенством и незаметно делало его недоступным для последнего. На этот счет в челобитной говорится: „Ныне нигде на патриарший двор (ставленников) пускать не велено; при прежних патриархах, кроме Иосифа, ставленники все ночевали в хлебне, а при Иосифе зимнею порою все дожидались в крестовой, а ночевали в хлебне безденежно; а ныне и в сенях не велят стоять, зимою мучатся на крыльце. При прежних святителях до самых крестовых сеней и к казначею, и к ризничему, и в казенный приказ рано и поздно ходить было невозбранно; а ныне устроено подобно адову предписанию, страшно приблизиться и к воротам, потому что одни ворота и те постоянно заперты. Священники не смеют даже ходить в патриарха к благословению, не то что о неведомых вещах допросить... При прежних патриархах, из которой десятины приедет староста поповский, сперва будет у патриарха в крестовой у благословения, святитель его пожалует, велит кормить и приказывает дьяку (собранную им с церквей) казну принимать не задерживая; он

проживет в Москве за отдачею казны 10 дней, много недели две, да всякий день приходит к святителю и святитель расспрашивает о всяких мерах и подачами жалует мало не всякий день; а ныне, за свои согрешения, всего того лишились; а того отнюдь не бывает, чтобы старосту поповского, приехавшего с доходами, взять к себе в крестовую, да расспросить о всяких мерах“. Святительский объезд по епархии, когда святитель на месте видел состояние причтов и прихожан, лично ободрял тружеников на ниве Христовой и исправлял местные недостатки и нужды, прекратился на Руси еще в XV веке; а патриарху при многосложности дел и обширности его епархии этот личный объезд всей своей епархии был положительно невозможен. Надзор за духовенством и приходами в городах и десятинах патриаршей области по необходимости доверялся другим лицам, не столько поповским старостам, сколько светским людям, патриаршим боярам и боярским детям, десятильникам и дозорщикам; центральное же управление делами патриаршей области сосредоточивалось в патриарших приказах и проходило через многочисленный класс приказных дьяков и подъячих. Те и другие, десятильники и приказные намеренно умножали приказные дела, потому что за разбирательство их брали пошлины в свою пользу и тем увеличивали свое содержание; прикрываясь именем и властью патриарха, они нередко совершали разные преступления, которые помимо воли патриарха возбуждали в обществе недовольство патриаршим управлением и тем еще более отдаляли патриарха от его паствы. Допущение светских лиц к управлению епархиальными делами началось еще в древней России и тогда уже возбудило против себя недовольство в духовенстве. В 1503 г. Ростовский священник Георгий Скрипица в послании отцам Московского собора по поводу изданного ими сурового определения о вдовом духовенстве, объясняя происхождение беспорядков в жизни этого духовенства, писал: „Господа мои, рассудите, от кого-то зло сталось в нашей земле? Не от вашего ли нерадения и небрежения, что вы злых не казнили, не отлучали от священства? Господа священноначальницы! Вы ни сами, ни через избранных священников не наблюдаете за духовенством, не посылаете их в города и села испытывать, как кто пасет Божию; но надзираете за священниками по царскому чину, чрез бояр, дворецких, недельщиков, тиунов, доводчиков, ради своих прибытков, а не по достоянию святительскому. Вам бы, господа наши, достоит пасти церковь чрез священников богобоязненных, а не мирским воинством». С устройством приказов и усилением приказной системы управления в протестах против неё рисуются уже более неприглядные черты этой системы в церковном управлении. В указанной выше челобитной говорится о патриаршем дьяке Иване Кокошилове, временщике и грозе духовенства при патриархах Иосифе и Никоне: „Иосиф велел выдавать попам перехожия грамоты не с десятильничьих дворов по городам, а на Москве из казенного приказа, желая обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова, да подъячих. От того перехожая становилась иному беззаступному попу от 6 до 15 рублей, кроме харчу, волочились недель по 20 и 30, а иной бедный человек поживет на Москве недель 10 и больше, проест рублей 5, 6 и больше и уйдет без перехожей; многие по два и по три раза для перехожих в Москву приезжали, а без них попадьи и дети их скитаются меж дворов. Если попу и придет нужда подать какую-либо челобитную, то из-за ней ходить будет полгода или год; да поп или дьяк насилу прав будет, потому что и в приказ сторожа даром никакими мерами не пустят, а к подъячему или дьяку и поминать нечего. Когда у патриарха приказано было (сидеть) в казне Ивану Кокошилову, то людям его раздавали по полтине и рублю, а самому рублей по 5 и 6 одними деньгами, кроме гостинцев, меду и рыбы, да чтобы рыба была живая, да жене его переносят гостинцев мылом и ягодами на рубль и больше; а если не дать людям, никакими мерами на двор не пустят».

Что касается отношений патриаршей области к другим русским епархиям, то характер этих отношений со всею ясностью определяется составом патриаршей области и данными из истории открытия епархий на Руси в XVII в. Занимая длинную центральную полосу русского государства с углублением её на северо-восток и расширением в южных пределах, патриаршая область одним своим внешним громадным видом давила остальные епархии и прижимала их к восточным и западным границам России; не только отдельно какая-либо епархия, но и все вместе взятые не могли сравняться с патриаршею областью в числе своих городов и земель. Епархии, ближайшие к Москве (Тверская, Ростовская, Рязанская, Коломенская, Крутицкая), давно уже испытывали на себе давление со стороны патриаршей области; многие города и церкви с их землями и

другими доходными статьями были уже отчислены от этих епархий и отданы в управление патриарху; та же участь постигла и самую обширную из епархий – Новгородскую: четыре уезда её, Валдайский, Боровицкий, Крестецкий, Старорусский, при приписаны были к вотчинам его „особых» монастырей Иверского и Воскресенского; Коломенская епархия была уже закрыта и в целом своем составе приписана к патриаршей области; та же участь грозила и епархии Крутицкой. Таков был рост патриаршей области до начала второй половины XVII века; он развивался за счет других епархий и естественно задерживал развитие последних. Восточные Греческие иерархи, приезжавшие в Россию в XVII в., всегда поражались тем обстоятельством, что такое обширное и цветущее православное Московское царство сравнительно с восточными патриархатами имеет весьма незначительное число епархий, что русские епархии сравнительно с патриаршею областью весьма невелики и в тоже время, если сравнивать их с епархиями на востоке, то самая бедная из русских епархий по своему пространству, числу церквей и доходов превосходила не только епархии Греческие, но и некоторые патриархии восточные. Бывшие на Московском соборе 1667 года патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский открыто заявляли, что в России „жатва многа, делателей же мало», и умоляли государя и собор, „да изведет делателей на жатву, еже есть, да умножит в державе своей архиереи», да изберет и поставит „митрополиты и архиепископы и епископы, во еже бы стаду Христову не без довольных пастырей быти, да управляется и расширяется в род и род богохранимое Российское царство“. Недостатком епархий и епископов, слабостью и отсутствием во многих местах святительского надзора и назидания они объясняли многие начальные явления в тогдашней религиозной русской жизни, массу непросвещенных христианскою верою инородцев, остатки язычества в коренном русском населении, особенно появление и быстрое распространение смущавшего всех раскола. В непосредственной связи с тою же малочисленностью епархий на Руси восточные патриархи ставили недостатки и в церковной администрации и управлении церковными делами русскими. Они не могли не заметить сильного преобладания светских чиновников в судах архиерейских и советовались с патриархом Московским Иоасафом и отцами собора, чтобы как в патриаршем дому, так и по епархии судьёю «быти духовному человеку, сиречь архимандриту с другими искусными мужи, (и им) в духовных делах судити и рассуждати духовные лица, сиречь священнического и монашеского чина, яко да не повлачают отныне священников и монахов в мирские судилища, ниже да судят мирские люди освященного и монашеского чина и всякого церковного причта, якоже запрещают святая правила св. апостол и св. отец“. Восточные патриархи тогда же указывали и на слабое развитие соборного начала в русской церкви, малочисленность местных епархиальных съездов и соборных совещаний патриарха с подвластными ему епархиальными архиереями по делам церковным, зависевшую сколько от преобладания авторитета патриарха над епископами, столько же и от недостатка епархий и затруднительности для епископов приезжать с дальних мест обширного русского государства на соборы в Москву: „Подобает, якоже повелевают правила св. апостолов и всей вселенстии и поместнии соборы, яко да в коейждо стране и епархии творити архиереом соборы дважды в лето, или нужды ради по-единожды церковных ради вещей исправления. Обаче за еже во здешных странах великороссийского государства не обыкоша архиереи собиратися часто, и соборы творити, и исправляти священнические распри и прочая, учинишася толики раскольники и мятежники, и возмутиша все государство, и многие души погибоша, и вмале было не весь народ прельстили и от православныя веры возвратили ко безместным делом и еретическим мудрованием“. Для усиления соборного начала в церковном управлении восточные патриархи предложили новую меру, которая должна была совершенно изменить прежний единоличный порядок архиерейского управления епархиями и подчинить деятельность архиереев ближайшему и постоянному контролю высшей церковной власти; они вместе с умножением епархий предложили разделить все епархии на округи, каждый округ из нескольких епархий подчинить особому митрополиту, для этого увеличить число епархий и митрополий; епископы каждого округа должны составлять свои окружные съезды под председательством митрополита, на этих съездах разбирать свои местные дела и составлять определения; патриарху же, как высшему архиерею, предоставлялось право высшего контроля над постановлениями окружных соборов и высшего управления делами русской церкви при

посредстве созываемых им всероссийских соборов. Все указанные выше заявления и предложения восточных патриархов были приняты государем и отцами собора; они вошли и в соборные определения 1667 года. Но замечательно, большая часть этих соборных постановлений не приводилась в исполнение. Требование об открытии новых епархий находило для себя постоянное противодействие и ограничилось на деле весьма незначительными результатами. Умножение епархий имело себе противников не в светском правительстве, которое всегда сочувствовало ему, и не в русском обществе и низшем духовенстве, от имени которого еще до большого Московского собора подавались государю заявления о малочисленности епископов и возможности открытия новых епархий, чрез их раздробление и уравнение. Открытие новых епархий задерживалось самою высшею церковною властью, русскими патриархами и епархиальными архиереями. Дело в том, что начинать раздробление епархий и открывать из них новые епископии приходилось прежде всего с патриаршей области, как громаднейшей из всех епархий; но патриархам этого не хотелось, они сами заботились о большем расширении и округлении своей области и, пользуясь своим авторитетом в делах церковных и государственных, успевали отстаивать свои желания; епархиальные же архиереи с своей стороны не хотели допускать раздробления своих епархий по тем же побуждениям, какие были и у патриарха, чтобы не умалить своих доходов и средств к содержанию, которых у них было гораздо меньше, чем у патриарха. От того за весь XVII век новых епархий открыто мало и в открытии их наблюдался особый порядок; до собора 1667 г. епархии открывались или во вновь присоединенных к России областях, или в таких местах на окраинах России, которые находились вне пределов патриаршей области; открытие этих епархий следовательно не наносило ущерба доходам патриаршим; когда же издавались соборные определения об открытии новых епархий в пределах самой патриаршей области, обыкновенно эти определения не выполнялись на деле, и если иногда приводились в исполнение, то это делалось или в период между-патриаршества, когда еще не был избран новый патриарх, который бы мог помешать открытию новой епархии в своей области, или на особых вносимых в соборные определения условиях при открытии новой епархии; условия эти заключались в том, что главные доходные статьи во вновь открываемой из патриаршей области епархии по прежнему оставались в ведении патриарха и шли в его пользу. Что касается введения окружного управления в епархиях и устройства постоянных окружных съездов епархиальных архиереев под председательством митрополитов, то вопрос об этом нововведении, два раза поднимавшийся на Московских соборах XVII века, так и остался без выполнения; он возбужден был иностранцами – греками и не нравился русскому патриарху, потому что изменял господствовавший характер отношений его к подвластным ему архиереям и к общему управлению делами церкви; он вызвал единодушный протест против себя и со стороны епархиальных архиереев, которые в коллективной челобитной на имя государя просили оставить епархии на прежнем основании „особыми, а не под митрополитами быть подвластными“; старый порядок епархиального управления освобождал их от непосредственного усиленного контроля со стороны высшей церковной власти и давал им более свободы в своих действиях. Главное же практическое значение определений Московского собора 1667 г. об умножении епархий заключалось в том, что этим собором был остановлен дальнейший рост патриаршей области и положено начало к выделению из неё новых епархий.

В Московской митрополии пред самым учреждением русского патриаршества считалось всего одиннадцать епархий: Московская, составлявшая обширную область под ведением самого митрополита, три архиепископии – Новгородская, Казанская и Ростовская и семь епископий – Вологодская или Великопермская, Суздальская, Рязанская, Тверская, Смоленская, Сарская или Подонская и Коломенская. В 1589 году по уложенной грамоте об учреждении патриаршества в России определено „на утверждение православные веры и в почесть превеликого престола патриаршего царствующего града Москвы“ увеличить число епархий еще на восемь; кафедры новых епархий определено открыть в Нижнем Новгороде, Пскове, Ржеве, Великом Устюге, Белозерске, Брянске, Дмитрове и еще в одном городе, имя которого в грамоте не означено. Но это определение уставной грамоты о русском патриаршестве осталось без исполнения; сряду по учреждении патриаршества открыта только одна епархия Псковская и то вероятно потому, что еще в половине XIV века псковичи просили себе особого епископа,

независимого от Новгородского архиепископа; большая же часть других епархий, назначенных к открытию, должна была выделяться из патриаршей области, а патриарх Иов не желал видеть умаления своих владений и сопряженных с тем доходов. В 1593 году вслед за присоединением Корелии от Швеции открыта была епархия Корельская, но она существовала не долго до 1611 года, когда Корелия опять была завоевана шведами. В 1602 г. открыта епархия Астраханская, отделенная от Казанской. В 1620 г. открыта обширная епархия Сибирская или Тобольская, хотя первому её архиепископу Киприану пришлось здесь встретить крайний недостаток в церквах, монастырях, средствах содержания, и в религиозной настроенности поселившихся здесь русских. До половины XVII в. новых епархий более не открывалось; между тем патриарх лишился на время и одной епархии Смоленской, когда в 1611 г. Смоленск был взят поляками и возвращен Москве в последующее время. Всех епархий в Московском государстве к половине XVII в. было 13.

При произошли перемены в составе и числе епархий, вызванные сколько расширением пределов русского государства, присоединением к нему новых городов и желанием утвердить в них православие, столько же и желанием патриарха округлить свою область. В октябре 1657 года в Москве составлен был собор, на котором кроме вызванных для того духовных властей присутствовали государь и его бояре. Собор созван был специально по вопросу об устроении „по местом властей», т. е. об открытии новых епархий; под конец на нем рассуждали и об издании новоисправленного потребника. Предложено открыть три новых епархии на окраинах России: в Белгороде митрополию, в Смоленске архиепископию, в Вятке епископию, так как города эти „многочеловечны с окрестными их грады и веси и требуют своего православного архиерея город Смоленск, недавно отторгнутый царским оружием от польского мучительства, и прежде имел своего архиерея, поставляемого Московскими первосвятителями; а „страна именуемая Вятка, отстоящи от царствующего града Москвы многим разстоянием», по характеру своего населения требует ближайшего архипастырского наблюдения и назидания. На соборе указаны были состав и пределы новых епархий и назначены для них свои архиереи. „И указал государь и патриарх и бояре приговорили: перевести в Белгород митрополита Крутицкого Питирима, в Смоленск архиепископа Суздальского Филарета, на Вятку епископа Коломенского Александра». В таком виде составлено первоначальное определение собора, и в записях патриаршего двора означенные архиереи стали именоваться с новыми титулами. Но вскоре же это соборное определение в одной части пришлось переменить и переделать. Митрополит Питирим не поехал на новую назначенную к открытию Белгородскую митрополию, остался жить в Москве, стал называться по прежнему митрополитом Крутицким и Белгородская епархия еще 10 лет оставалась не открытою. В грамоте 1667 г., изданной от имени восточных патриархов и всего великого собора, по поводу открытии Белгородской митрополии глухо упомянуто о бывшем „от многих прежде времен» намерении открыть эту митрополию и указываются разные причины, в свое время помешавшие исполнению этого намерения; препятствием тому служили „безмерное царских дел умножение и непостоянство времени, наипаче же частое варварское нашествие нечестивых татар». Эти обстоятельства имели действительную силу. Смуты в Малороссии, начавшиеся сразу после смерти Богдана Хмельницкого, отражались и на Украйне, в тех городах, которые должны были войти в состав предназначенной к открытию Белгородской митрополии; немедленное открытие её до усмирения южно-русского края и ограждения его от набегов крымских татар оказывалось неудобным; 29 ноября того же 1657 года патриарх служил в Успенском соборе после литургии пред образом всемилостивого Спаса, что златая риза, торжественный напутственный молебен, отпускал окольничего Богдана Матвеевича Хитрово с товарищи к гетману в Черкассы для усмирения начавшейся там смуты. Восстановление же Смоленской архиепископии на соборе 1657 г. не могло вызывать никаких особых затруднений; епархия восстановлялась в тех пределах, какие были отобраны от Польши. Большие затруднения соединялись с открытием епархии Вятской; она открывалась вновь, в краю мало еще устроенном в гражданском отношении; здесь жило много разных инородцев-язычников; русское население было еще немногочисленно и помнило о прежней свободе своего края. В состав этой епархии по соборному определению входили города с уездами и церквами из бывших здесь десятин

патриаршей области, и в дополнение к ним присоединялась от Вологодской епархии область великая Пермь с церквами по реке Каме и городами Чердынью и Соликамском; от того назначенному на эту епархию епископу Александру и присваивался титул епископа Вятского и Великопермского. На содержание Вятского епископа дан Предтеченский монастырь в г. Котельниче с пашенною землею, крестьянами и угодьями, и из государевых оброчных земель пожалованы деревни с пустошами, сенными покосами и разными угодьями. Новая епархия, особенно на первых порах, конечно не могла доставить своему епископу тех жизненных удобств, какие он имел в Коломне, где у него был роскошный двор и полное устроенное хозяйство; Вятская епархия была и беднее епархии Коломенской; поэтому епископ Александр не мог оставаться спокойным и довольным своим новым положением; вскоре по удалении с престола он стал открыто протестовать и против своего перевода в Вятку и против церковных исправлений Никона. Не смотря на то, что в общем он имел достаточные средства к содержанию, на которые покупал новые имения и устроил свой архиерейский дом, где давал приют укрывавшимся от правительства расколоучителям, он не устроил постоянного помещения своей свите и долго жаловался на мнимые гонения себе от в то время, когда тот не имел уже влияния на его дела.

С приездом в Москву двух восточных патриархов для суда над и для исправления церковных дел в России вопрос об открытии новых епархий возникает с новою и большею силою. К тем известным настойчивым предложениям патриархов, какие на соборе 1667 г. высказаны по делу открытия новых епархий, можно присоединить еще одно заявление, сделанное государем, но под влиянием прибывших патриархов, заявление о невыполнении уставной грамоты, данной в 1589 г. при учреждении патриаршества в России; при чтении этой грамоты на соборе оказалось, что из восьми епархий, назначенных тогда к открытию, семь оставались еще не открытыми; это обстоятельство говорило о недостаточности внимании в России к прежним царским повелениям и постановлениям собора, на котором присутствовал и первый патриарх православного востока. Поэтому первое определение Московского собора 1667 г. по вопросу об умножении епархий па Руси направлено было к восстановлению и выполнению решения собора 1589 года; предписывалось открыть указанные на нем епархии – в Нижнем Новгороде, Ржеве, Владимирове, Великом Устюге, на Белоозере, в великом княжении (имя его по-прежнему оставалось не означенным), в Брянске и Дмитрове. Далее на соборе 1667 г. рассматривалось дело об открытии епархий, бывшее при на соборе 1657 г. Открытие Вятской епархии, не смотря на протест Александра Вятского, признано законным и подтверждено собором 1667 года, но в значительно измененном виде: великая Пермь, приписанная к епархии Вятской, должна составить особую епархию „дальнего ради расстояния“ её и потому еще, что в ней прежде были свои епископы. Назначенная в 1657 г. к открытию епархии в Белгороде „со окрестными многими грады» должна быть теперь открыта, „яко (грады эти) многонародны и ратными людьми пренаполнены, и яко посылаются тамо воеводы великого государя, бояре и иные честные люди от его царского синклита со многим воинством; и того убо ради и дальнего расстояния желаше православный самодержец, да будет тамо архиерей, и мы в тех градех благословихом и утвердихом митрополии быти, да многая жатва без делателей не будет»; Крутицкая епархия, предположенная при патриархе Никоне к закрытию, должна оставаться на прежнем основании; также должна быть восстановлена и закрытая Коломенская епископия. Затем в виду усиления раскола в русской церкви от недостатка епархий и непосредственного епископского надзора над своими паствами, в виду исправления недостатков в самом церковном управлении посредством переустройства этого управления на новых началах, через введение окружного управления в епархиях, установление постоянного контроля окружных митрополитов над подчиненными им епархиальными архиереями на соборе согласно с царскою волею постановлено: 1) увеличить число митрополий (к прежним четырем митрополиям Новгородской, Казанской, Ростовской и Крутицкой прибавить еще четыре митрополии в Астрахани, Тобольске, Белгороде и Рязани), 2) увеличить число архиепископий (к прежним четырем архиепископиям Вологодской, Суздальской, Тверской и Смоленской образовать 5 новых в Нижнем Новгороде, Великом Устюге, Коломне, Пскове и в Архангельске или Холмогорах) и 3) к прежним епископиям: открытой Вятской, пяти проектированным в уставной грамоте 1589 г., одной Пермской, назначенной к восстановлению теперь на

соборе 1667 г., открыть еще 9 совершенно новых епископий в следующих митрополиях: две в Новгородской – в Каргополе и в Городце или Устюжне, одну в Казанской в Уфе, одну в Ростовской – Угличе, одну в Крутицкой – Ливнах, две в Рязанской – в Воронеже и Тамбов и две в Сибирской или Тобольской – в Томске и на Лене. В общем итоге, к четырнадцати существовавшим пред собором 1667 года епархиям положено открыть двадцать новых. Особое замечание о точном непременном выполнении этого определения тогда же занесено и в акты собора: „повелеваем, да сия вся неподвижную в предбудущие лета имеют твердость и непозыблема пребывают». Но это соборное определение осталось не выполненным на деле. Правда сряду по окончании соборных рассуждений об епархиях в России открыта была новая епархия Белгородская; 17 мая 1667 года на нее возведен Феодосий, митрополит Сербский, проживавший до того в Москве и служивший в Архангельском соборе при гробах великих государей; открытие этой митрополии обставлено торжественностью; на имя митр. Феодосия выдана особая ставленная грамота, в которой подробно изложено определение собора об открытии Белгородской митрополии и описан состав этой новой епархии. В состав её входило 38 городов, половина которых отделена от патриаршей области, а другая половина состояла из вновь присоединенных городов Слободской Украйны; но замечательно, при открытии этой епархии окладные дани с церквей, отошедших от патриаршей области, соборною грамотою определено платить в казну не местного архиерея, а патриарха. Вскоре по открытии Белгородской митрополии восстановлена и епархия Коломенская; 9 июня того же 1667 г. сюда посвящен Симоновский архимандрит Мисаил. В тоже время началось возведение некоторых епископов в сан архиепископа, а архиепископов в сан митрополита, проектированное на соборе для устройства окружного епархиального управления в русской церкви. Но ни новых епархий, кроме указанных двух, ни округов не было открыто сряду после собора 1667 года. Причина этого явления понятна: если патриарх, владевший самою обширною епархиальною областью и богатыми средствами к содержанию, не соглашался на уменьшение своей области и своих доходов, то епархиальные архиереи еще более ревниво относились к своим епархиям. Между тем нужда в открытии новых епархий постоянно сознавалась светскою властью, настойчиво вызывалась усилением раскола в русской церкви и быстрым распространением его в низовских областях по Волге; правительство выжидало удобного случая открыто заявить свои требования об учреждении здесь новой епархии. В 1672 году скончался патриарх Иоасаф: сразу после его смерти, пока еще не был избран ему преемник, царь Алексей Михайлович созвал архиереев на собор и заявил им, что в Нижнем Новгороде, этом „преименитом и начальнейшем низовские земли граде с окрестными его грады и весьми“ очень умножились раскольники; „не сущу тамо пастырю оскудеша овцы без пищи и слова Божия; государь всеусердно поболе о сем и выну помышляше в себе, яко нелепо богоспасаемому Нижнему Новуграду, занеже есть многолюден, красотою же и всяким довольством паче инех градов преизобилующих быти без своего архиерея и тамо сущим христоименитым людем душевно вредитися; для искоренения новопрозябших там ересей“ государь предложил открыть Нижегородскую епископию; при этом он указал и на определения прежних соборов 1589 и 1667 годов об открытии здесь епархии. Члены собора 1672 г. единодушно согласились с царским предложением, потому что новая епархия открывалась не в пределах их епархий, а из патриаршей области. 24 марта в сан Нижегородского митрополита посвящен Филарет, архимандрит Рождественского монастыря в г. Владимире; 2 июня ему выдана настольная грамота, в которой изложены указанные обстоятельства при открытии епархии; но и в этой новой епархии два богатых тогда монастыря – Благовещенский в Нижнем Новгороде и Амвросиев Дудин в Горбатовском уезде оставлены по прежнему в ведении патриарха.

Вопрос об умножении епархий с конца 1681 г. снова поднимается светскою властью и в размерах более широких, чем на соборе 1667 г., хотя и в духе этого собора; решение этого вопроса служит предметом долгих рассуждений и на деле опять заканчивается незначительными результатами. 2 сентября 1681 года царь Федор Алексеевич указал патриарху Иоакиму на необходимость открытия новых епархий прежде всего в Сибирских городах, а потом и в других городах внутри Московского государства. Побуждением к открытию епархий выставляются различные церковные нужды „вначале к ограждению святой церкви, потом христианам на распространение... и что множатся церковные противники... а то архиерейское вновь прибавление нужно для того, что

сибирская земля пространна и в ней множество народа Христа не знающего; также и иные города от архиерейского пребывания имеют дальнее расстояние; в сибирской стране от столичного града той епархии до Даурских, Нерчинских и Албазинских острогов, и до многих других подобных им мест едва приходят в одно лето, полтора и два года; в тех дальних местах христианская вера не расширяется, а развратники святой церкви умножаются. Не только в такой дальней и пространной области, но и в других многих городах (в Путивле, Севске, Галиче, Костроме) противники умножились, потому что не имеют возбранения себе за дальним расстоянием, так как в епархиях город от города и место от места имеют расстояние не малое». Тогда же государем представлен был патриарху подробный проект с обозначением, в каких местах он считает нужным открытие епархий. Проект этот составлен в духе определений Московского собора 1667 г.; он также стоит за введение епархиальных округов под управлением своего особого митрополита: „коемуждо архиерею (митрополиту) имети в своей епархии епископов, подвластных им, а святейшему патриарху, отцем отцу, имети многих епископов, яко главе и пастырю». Но в царском проекте есть и свои особенности, отличающие его от проекта 1667 г.; во-первых, – в нем число митрополий и округов кроме патриаршей области увеличивается вдвое, до двенадцати; для того большую часть существовавших до сего епархий предположено возвысить на степень митрополий; во-вторых, по проекту архиепископии теряют свое значение и те из них, которые не могли составить из себя особого округа, низводятся на степень простых епископий; в третьих, – главное и существенное отличие царского проекта 1681 г., в нем число епископий в России доводится до такой внушительной цифры, какой оно не достигло и в наше время: кроме кафедры патриарха, 12 кафедр митрополитов предположено устроить еще 72 кафедры епископов; в числе последних включены три прежних епархии и 69 новых. Приводим список этих епископий с указанием распределения их по округам, чтобы наглядно видеть широту царского предложения от 2 сентября 1681 года и то, какие из ныне существующих епархий предположены были к открытию еще в 1681 г. Патриаршая область по царскому проекту подвергалась существенному изменению и сокращению, вполне соответствовавшему обширности её пределов; кроме того, что много городов и уездов этой области переходило в состав епархий в других епархиальных округах, из ней предполагалось образовать своих двадцать епархий, которые должны составить особый округ под ведением патриарха; устроить эти епархии предполагалось во Владимире на Клязьме, Суздале, Вологде, Костроме, Галиче, Звенигороде, Переяславле-Залесском, Белоозере, Севске, Путивле, Туле, Белеве, Темникове, Коломне, Кошире, Калуге, Серпухове, Можайске, Духе и Юрьевце-Повольском. В митрополиях Новгородской открыть 10 епархий – в Великих Луках, Городце, Холмогорах, Каргополе, Кевроли, Мезени, Кольском остроге, Олонце, на Ваге и Чаронде; Казанской 5 епархий – в Свияжске, Симбирске, Чебоксарах, Уржуме и Уфе; Астраханской 3 епархии на Тереке, Самаре и Царицыне; Сибирской 6 епархий – в Томске, на Лене, Енисейске, Верхотурье, Тюмени и Даурии; Ростовской 6 епархий – в Угличе, Устюге, Ярославле, Тотьме, Пошехонье и Соли Вычегодской; Псковской 2 епархии – в Торопце и Гдове; Смоленской 3 епархии – в Брянске, Дорогобуже и Вязьме; Тверской 3 – в Кашине, Старице и Ржеве; Вятской 4 – в Соликамске, Яренске, Кайгороде и Кунгуре; Нижегородской 4 – в Арзамасе, Балахне, Алатыре и Курмыше; Рязанской 4 – в Тамбове, Воронеже, Шацке и Ряжске, и в Белгородской митрополии 2 епархии – в Курске и Ливнах. Можно думать, что этот царский проект с такими широкими предложениями в деле умножения епархий и полного переустройства порядков епархиального управления должен был привести церковную власть в сильное смущение. Последние два месяца не приступала к выполнению царского проекта; из 69 епархий, назначенных к открытию, открыта была на первых порах только одна Звенигородская; 6-го ноября 1681 г. на нее посвящен Кириллобелозерский архимандрит Никита; но и этой только что открытой епископии предстояло скорое закрытие; Звенигородскому епископу назначалось пребывание не в своей епархии, которая должна была выделиться из патриаршей области, а в самой Москве; на содержание ему назначались не земли и доходы Звенигородской десятины, а дом и вотчины архиереев, служивших в Архангельском соборе у гробов государей; 24 декабря того же года Звенигородская епархия была уже закрыта и только что посвященный для неё епископ переведен на архиепископию Коломенскую. Сам царь Федор Алексеевич вскоре сознал широту своего проекта и затруднения при выполнении

его на деле; поэтому 27 ноября того же 1681 г. он представил патриарху Иоакиму другой письменный проект по устройству епархий; в нем оставлялось то же число епархиальных округов, но число епархий в них сокращалось уже на половину (всего до 34 епископий), при чем изменялся самый состав этих епископий, и в некоторых случаях указывались новые места для епископских кафедр. Прошло еще два с половиною месяца после того, как государем предложен был патриарху второй, значительно сокращенный против первого, проект устройства и умножений епархий, и ответа на этот проект еще не последовало со стороны патриарха и собора. 6 февраля 1682 г. государь в особом письме на имя патриарха снова напомнил о прежних своих предложениях от 2 сентября и 17 ноября 1681 года и указывал на то, что эти предложения остались неисполненными; вместе с письмом государя передана патриарху и особая подробная роспись монастырей и крестьянских дворов, которые назначались для содержания архиерейских домов в предложенных к открытию епархиях. В тот же день патриарх собрал бывших в Москве архиереев во внутренние свои покои и имел с ними частное совещание, на котором сообщено им полученное от государя письмо с росписью содержания для предположенных к открытию епархий; по выслушании государева письма и росписи епархий решено сделать из последней выписки о составе епархий в каждой митрополии, раздать эти выписки архиереям для составления определения и ответов по государеву предложению· 8 числа февраля открылись в патриаршей крестовой палате соборные рассуждения по вопросу об умножении епархий. В этот день, после предварительного рассмотрения царского предложения об открытии епархиальных округов с росписью по ним епархий и средств содержания епископских кафедр, от имени церковных властей была составлена и подана государю особая челобитная, в которой отцы собора, соглашаясь с государем в главной мысли о необходимости увеличения числа епархий, возражали против отдельных предложений по этому вопросу, изложенных в государевом проекте. В челобитной они прежде всего просят государя не вводить окружного управления в епархиях, не подчинять епископов митрополитам, но оставить епархии по-прежнему „особыми, а не под митрополитами подвластными, для того, чтоб в архиерейском чине не было какого церковного разгласия и меж себя расприи высости, и в том несогласии и в нестроении святой церкви преобидения и от народа молвы и укоризны“. Далее, в челобитной отцы собора не соглашаются с предложенным в царском проекте числом новых епархий, считая его очень великим и затруднительным при выполнении на деле; и предлагают сократить число новых епархий. Побуждениями к такому сокращению выставляются в одних случаях бедность намеченных в царском предложении епархий, недостаток в них городов, церквей, монастырей, недальнее расстояние городов одного от другого; на этом основании о некоторых епархиях прямо заявлялось, что в них „не из чего быть вновь архиереем: епархии малоградны и расстояние недальное“. В других случаях указывается и другая причина, препятствующая открытию епархий: „малолюдства ради христианского народа“. В челобитной указано и на недостатки назначаемого содержания епископов в новых епархиях через приписку к ним одних монастырей с крестьянскими дворами; содержание епископских домов, соборных церквей, устройство архиерейского облачения и церковной утвари требуют многих денежных расходов, „а из приписных монастырей невозможно вскоре того управить и всякого довольства архиерейского чина исполнить“. Вместе с этими указаниями в челобитной представлено отцами собора свое расписание епархий, сокращавшее царскую роспись более, чем на половину; вместо 34 епархий, указанных в царском предложении, изъявлено согласие на открытие только 15 новых епархий с сохранением за некоторыми титула архиепископий. Так как челобитная эта легла в основу последующих определений собора 1682 года и неизвестна в печати, то мы приводим из неё извлечение в тех пунктах, которые характеризовали расписание епархий, предложенных к открытию самим собором. В соборном заседании 8 февраля было постановлено в патриаршей области открыть только три епархии в Галиче, Севске и Арзамасе; в митрополиях: Новгородской две епархии в Холмогорах и Каргополе, в Казанской одну на Уфе, Сибирской две в Томске и Енисейске, а в дальних Сибирских городах на Лене и в Даурии епископам быть неудобно, „малолюдства ради христианского»; в Ростовской митрополии одну епархию на Устюге Великом; кроме того в Ростовской и Новгородской митрополиях образовать особую епархию на Белоозере с Пошехоньем; Рязанской две епархии в Тамбове и Воронеже; Крутицкой одну в Ливнах и

с Новосилем; Белгородской одну в Курске; в Коломенской архиепископии одну в Орле с Кромами; в епархиях у митрополитов Астраханского, Псковского, Смоленского и Нижегородского, у архиепископов Суздальского и Тверского „не из чего быть вновь архиереям, епархии их малоградны и расстоянием недальны»; Вятскую епископию возвысить в архиепископию, „а вновь здесь прибавить архиерея не из чего, потому что в городах церквей и монастырей мало; на Холмогорах и на Устюге Великом быть архиепископу, а в прочих городах вышеписанных быть епископам... И по сему письму быть вновь двум архиепископам, да тринадцати епископам». В окончательном определении собора и эта роспись епархий, представленная государю, была сокращена; отменено открытие четырех епархий (Каргопольской, Белозерской, Томской и Орловской) и оставлено к открытию одиннадцать епархий. На деле же и это определение соборное не было приведено в исполнение во всем своем объеме. Вскоре по окончании собора открыто только четыре епархии – Великоустюжская, Холмогорская, Тамбовская и Воронежская. Других новых епархий в XVII в. более уже не открывалось. Разделение епархий на округи тоже не состоялось; напротив даже уничтожен был округ в Киевской митрополии после присоединения её в 1686 г. к Московскому патриархату. Вскоре после этого присоединения Черниговский архиепископ Лазарь Баранович, недовольный избранием Гедеона Четвертинского в сан Киевского митрополита, обратился в Москву с просьбою освободить его из-под власти местного митрополита и наравне с прочими Великороссийскими архиереями оставить в непосредственном ведении Московского патриарха; просьба его была уважена, и из Москвы в Киев послана была грамота, исключавшая Черниговскую епархию из ведения Киевского митрополита. Несмотря на неоднократные и настойчивые заявления о необходимости умножения епархий и соборные о том определения, всех новых епархий в восточной России за весь XVII век открыто только одиннадцать, если не включать в это число двух временно существовавших епископий Корельской и Звенигородской. Большая часть вновь открытых епархий образовалась из разных городов и уездов бывшей патриаршей области; последняя чрез это должна была сократиться в своем объеме и составе, но не смотря на сокращение она оставалась еще обширною и числом своих церквей значительно превосходила остальные русские епархии. По сохранившемуся в рукописях списку церквей в России к 1702 году в Москве, в Кремле, в Китае, в Белом и Земляном городе и за Земляным городом считалось 15 соборов, 29 монастырей мужских и женских, 425 церквей, 289 приделов, в том числе 29 церквей и 6 приделов деревянных; во всей патриаршей области на Москве, в других городах и уездах было 3,750 церквей. В остальных двадцати двух епархиях, состоявших из тринадцати митрополий, семи архиепископий и двух епископий, число церквей распределялось весьма неравномерно. В митрополиях – Киевской (число церквей в списке не означено), Новгородской 1,017 церквей, Казанской 298, Астраханской (не означено), Сибирской 150, Ростовской 731, Псковской 159, Смоленской 171, Сарской 525, Нижегородской 378, Рязанской 955, Белгородской 532 и Суздальской 402 церкви; в архиепископиях – Черниговской (не означено), Вологодской 558, Тверской 288, Коломенской 500, Холмогорской 254, Вятской 181 и Устюжской 277; в епископиях – Тамбовской 168 и Воронежской 182 церкви. В таком виде патриаршая область и русские епархии перешли в историю XVIII века.

[1] В «Собр. госуд. грам. и договоров» ч. III № 71 и в Акт. Экспед. т. III № 164.

[2] М. Макария Истор. рус. церкви т. XI стр. 68–69.

[3] Соловьева История России т. XI изд. 2 стр. 254.

[4] Данные извлекаем из приходных книг патриаршего казенного приказа, находящихся в московском главном архиве министерства юстиции; книга № 33 за 7161 г., № 35 за 7162 г., № 37 за 7163 г., № 39 за 7161 г., № 40 за 7165 г. и № 42 за 7166 г.; ссылок на листы в книгах не делаем по их многочисленности. Итоги числа данных церквей в приходных книгах не означены; мы определяем их по именному перечню церквей.

[5] Церкви в г. Симбирске и его уезде состояли в патриаршей области до 12 декабря 1657 г. «И нынешнего 166 г. декабря в 12 день по указу великого государя святейшего Никона патриарха Московского и всея великие и малые и белые России и по выписке за пометою казначея старца Тихона Обанина города Синбирска данные церкви отданы преосвященному Лаврентию митрополиту Казанскому и Свияжскому с данными окладными и неокладными денежными доходы и ведать всякие духовные (дела) священнического и иноческого чину и мирских всяких чинов людей; а вместо г. Синбирска окладных и неокладных всяких денежных доходов с данных церквей слушав выписки указал великий государь святейший Никон патриарх преосвященному Лаврентию митрополиту в свою государеву патриаршу домовую казну платить со всех г. Синбирска с данных церквей дани и всяких неокладных сборов денег по 50 рублев на год,

и впредь Синбирского города данных церквей Темниковской десятины в приходной книге не писать и из окладу выложить. И марта в 26 день по отписке преосвященного Лаврентия митрополита Казанского и Свияжского г. Синбирск по нынешний 166 год денег 50 рублев (взято); те деньги платил стряпчий митрополич Василий Воронов» (Прих. книга патр. каз. приказа № 42 л. 571–573).

[6] Подпись на имя п. Никона сделана 25 февраля 1657 г. и приведена в «Собр. госуд. грам. и догов.» ч. III стр. 277.

[7] Приходн. книга № 39 л. 892–903.

[8] Приходн. книга № 40 л. 916–926 и № 42 л. 924–937.

[9] Сведения о Крутицкой митрополии и её составе можно находить в статьях: архим. Леонида «О древней области Вятичей» (Чт. Общ. Ист. и Др. 1852 г. кн. II стр. 60–62), И. Розанова: «Архиерейский дом в Крутицах» (Прав. Обозр. 1868 ноябрь стр. 131); замечания о селе Алексине в исследовании В. и Г. Холмогоровых: «Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII в. Вып. II. «Звенигородская десятина». М. 1882 г. стр. 68.

[10] Подлинная настольная грамота м. Питириму за подписью и печатью п. Никона сохранилась в свитках моск. синод. библ. № 99; на обороте её запись о посвящении м. Питирима 12 августа 1655 г. и о выдаче ему грамоты в декабре того же года.

[11] «Дополнения к тому III дворцовых разрядов», издаваемых II отделением Его Величества канцелярии. СПБ. 1854 стр. 110.

[12] См. письмо п. Никона к м. Паисию Лигариду, писанное сряду по прибытии последнего в Москву (Гиббенет «Изслед. дела Никона» ч. 1 стр. 226) и «Возражения» п. Никона на вопросы Стрешнева и ответы Паисия (там же ч. II стр. 225–226 и в рук. новгор. соф. библ. № 1371 л. 114).

[13] Подлинный свиток деяния этого собора в Моск. синод. библ. № 30 и издан в «Матер. для истории раскола» (т. I стр. 9–14), но с ошибочною датою, приводившею многих, в том числе и покойного м. Макария, к неверным заключениям; в печатном издании в оглавлении деяния собор отнесен к 1656 г., а в конце этого деяния год означен 1657, как он значится и в подлинном свитке. Что собор об открытии епархий был в октябре 1657 года, это прямо подтверждается другими историческими данными, о которых речь будет ниже.

[14] Строева «Списки иерархов» СПБ. 1877 г. стр. 799.

[15] Приход. книга патр. каз. прик. № 42 л. 272–333.

[16] Там же л. 333–334.

[17] В счет данных церквей не входят те церкви, которые свободны были от платежа даней и не вносились в приходные книги патриаршего казенного приказа; к таким церквам относятся церкви: 1) «пустые», бесприходные, не имевшие земель, 2) церкви в патриарших домовых селах, в патриарших «особых» монастырях, 3) церкви в некоторых государевых дворцовых селах, и 4) большая часть церквей монастырских (в степенных монастырях) и соборов.

[18] Послание попа Скрипицы в «Чтен. Общ. Ист. и древ. 1848, кн. 6 стр. 48

[19] Челобитная против п. Никона приведена в истории Соловьева т. XI. Изд. 2. стр. 253–255.

[20] Павел Алепский писал: «Сказывали нам о коломенской епархии, что она беднее всехъ епархий Московского государства не смотря на то, что ей подведомы более 15 городов; даже три восточных патриарха вместе не могут сравняться по своим владениям с этой епископией» («Описание путешествия п. Макария Антиохийского» в русском переводе, рукопись Моск. главного архива мин. иностр. дел, кн. 6 отдел IX л. 296). Александрийский патриарх Парфений, в 1683 г. в письме царевне Софье, испрашивая себе денежного вспомоществования, так определял состояние восточных патриархов: «Константинопольский престол имеет многие митрополии и епископства и собирает с них потребное в нуждах; Антиохийский имеет некие митрополии и спасается; Иерусалимский от всех земель приход имеет; наш же Александрийский престол имеет только 4 церкви» (рукопись в греческих делах того же архива за 7191 г. дело № 8).

[21] Матер. для истор. раскола т. II стр. 381, 427–428.

[22] Там же стр. 247–250.

[23] Там же стр. 381.

[24] Там же стр. 382.

[25] В одной челобитной царю Алексею Михайловичу читаем: «Аще и пространно царство благочестивыя державы, но во мнозех градех епископи. Аще бы воля твоя, мошно бы быти, яко же и в прочих паствах, епископом. При благочестивых греческих царех точию уравнение было в церквах и в вотчинах: 300 церквей, 500 крестьян,– без нужи епископия; а где малыя сборы от церквей, мошно дать и 400 церквей епископу. В Ростовской и Резанской епископиях можно быти от них многим епископиям, такожде и в других паствах, где 1000 церквей и крестьян» (Матер. для ист. раскола т. VII стр. 148).

[26] Уложенная грамота об учреждении русского патриаршества издана в «Собр. госуд. грам. и договоров» ч. II № 59.

[27] Акт. историч. II №№ 93, 96, 103, 113; Собр. госуд. грам. III № 60.

[28] Сведения о составе и определении Московского собора 1657 г., дополняющая данные об истории этого собора в «Матер. для истории раскола» (т. I стр. 9–14), находятся в «Дополнениях к т. III дворцовых разрядов» СПБ, 1854 г. стр. 110.

[29] В записной книге выходов и церковных облачений п. Никона под 9 числом ноября 1657 г. записано, что в этот день совершена панихида в Вознесенском монастыре по царице Александре Федоровне; патриарх на панихиде не был, а служили ее митрополит Белгородский, да Смоленский архиепископ (Рукоп. сборн. Москов. синод. библ. № 93 л. 91 об.).

[30] 23 числа ноября отправлялась праздничная служба св. Александру Невскому, «патриарх в соборе не был, служил митрополит Крутицкий» (Сборн. синод. библ. № 93 л. 93).

[31] Этим обстоятельством и объясняются следующая особенности в окончательной редакции соборного определения 1657 года, подписанного отцами собора: полное умолчание о бывших на соборе рассуждениях касательно открытия Белгородской митрополии, необычайная сжатость и сухость в изложении соборного деяния и отсутствие под ним подписи м. Питирима («Матер. для ист. раскола» т. I стр. 9–13).

[32] Список этой грамоты находится в бывшем непереплетенном сборнике московской синод. библиотеки № I л. 175–177 и издан в «Матер. для истории раскола» т. II стр, 426–430. Отсутствие

подписи м. Питирима под актами собора 1657 г. не может ли указывать и на другую причину замедления в открытии Белгородской митрополии, именно на личное нежелание митрополита удаляться из Москвы от государя и бояр, с которыми он сблизился в походе, и на нежелание его уступить свою Крутицкую епархию патриарху? Связь перевода м. Питирима из Крутиц в Белгород с делом закрытия Крутицкой епархии несомненна, хотя и не раскрыта в сохранившихся для нас письменных источниках; эта связь подтверждается и делом перевода епископа Александра в Вятку, поставленным на соборе рядом с делом м. Питирима.

33 Сборн. синод. библ. № 93 л. 94; см. и историю Соловьева т. XI изд. 2 стр. 1–26.

34 Всего 6 городов: Хлынов, Слободский, Шестаков, Орлов, Котельнич, Кайгород с церквами в имениях бояр Строгановых и в вотчинах Пыскорского монастыря; по приходным книгам патриаршего казенного приказа здесь считалось к 1658 году всего 138 церквей.

35 «Матер. для истор. раскола» т. I стр. 12–13. Акт. Экспед. т. IV № 107. В замен отошедших от Вологодской епархии церквей патриарх придал к ней г. Белоозеро со всеми бывшими здесь и в Чарондской волости церквами, частию входившими в состав его патриаршей Белоозерской десятины (числом 29), частию принадлежавшими к епархии Ростовской; кроме того придал к ней из своей патриаршей области церкви Пошехонской десятины.

36 Сохранилась подлинная отказная книга с подробным описанием этого монастыря и его угодий; приводим данные из неё в сокращении. «166 г. апреля 3 дня по указу п. Никона приехал в Котельнич Василий Верещагин и при понятых отказал вятскому епископу Александру Ивановский предтеченский монастырь в городе за посадом, с селами, деревнями, крестьянами, рыбными ловлями, сенными покосами, лесами и бортными ухожаями. В монастыре кроме церквей было 5 братских келий, в них братьи 26 человек, да кельи больничная, хлебная и погребная; в казне 80 рублей денег кроме посуды; 3 хлебных житницы, в них ржи 120 четвертей, в московскую меру, овса 8 и ячменю 10 четвертей; за монастырем 2 двора конюшенный и скотный; в них 13 лошадей рабочих, 2 жеребенка, 12 коров, 7 теленков больших, да 5 селетных, 8 овец с 9 ягнятами, 4 барана; 2 избы, в одной живет белый поп, в другой вдова, а против них во дворе монастырский церковный дьячек; близ монастыря на речке мельница колотовка – мелет вешнею водою. У монастыря крестьяне: в Воломской и Курильской волостях 4 жилых крестьянских двора, людей в них тож, детей у них 7, да внук, да 3 приемыша; а за государя взято и которые собою вышли из монастыря – 22 двора, людей в них тоже, детей у них 39 человек, братьев 5, внучат 4, а с ними вышло приемышев и детей их 29 человек. В Котельницком уезде слободка Василькова над р. Вяткою, в ней живущих дворов – крестьянских и бобыльских 12, людей в них тож, детей 25, братьев и приемышей 11 человек, а впусте 20 дворов, людей из них вышло за государя, а иные выбежали тож, детей с ними вышло 23, да внук, да приемышей и детей 12 человек. Монастырская слободка под городом за речкою Балакирицею, жилых дворов 37, людей в них тож, братьев 2, детей 45, племянников 2, внучат 4, захребетников 8. У монастыря крестьянская земля под скотный выгон в пустошах, что бывали деревни Боярская и Варламовская, здесь пашни добрые земли 14 четей в поле, а в дву потомуж. Да государево жалованье к тому монастырю – лес пустое дикое раменье в Котельницком уезде ниже города за 40 верст от уст боровые вниз по р. Вятке до речки Ягодки, а от ней в лес прямо на 5 верст. Да государева жалованья дано монастырю дикого раменья черного лесу на четверть выти ниже Котельнича верст 10 против Гордицкого острова на горах, да сенные покосы; другое дикое раменье черного лесу в том же уезде на полчети выти. Да 3 рыбные ловли по р. Вятке на оброке. Да вкладной лужок с сенным покосом, да купленная пожня для покоса». (Отказная книга епископу Александру на Предтеченский монастырь в архиве минист. юстиции по г. Котельничу № 5991).

37 20 апреля 1658 г. по царскому указу и по грамоте из Новгородской четверти велено в Бибинском стану, Хлыновского уезда, переписать дворы и земли и по переписи отказать Бибинскую волость епископу Александру; по переписи оказалось, „всего в Бибинском оброчном стану в живущих деревнях и починках и в займищах крестьянских и бобыльских, оприч погостских бобылей, 133 двора, 19 дворов пустых, и 6 мест дворовых пустых» (Отказная книга на Бибинский стан на 95 листах сохранилась в арх. мин. юстиции по г. Хлынову № 14209).

38 Подробное описание Коломенского епископского дома, детально рисующее домашнюю обстановку жизни епархиальных архиереев XVII в., находится в сочинении Павла Алепского: «Путешествие патр. Макария Антиохийского» (рук. моск. арх. иностр. дел кн. IV ст. IX л. 291–292) и в печати издано в сочинении И. Аболенского «Московское государство при ц. Алексее Михаиловиче» (Киев 1876 стр. 13).

39 30 марта 1664 г. Успенского Трифонова монастыря черный дьякон Авраамий Аввакумов, да Устинья Кондратьева жена Кашина и Иван Кашин продали вятскому епископу Александру в его епископскую домовую вотчину свою деревню Тухардинскую в Спельцыльском стану за 80 рублей (Купчая в арх. минист. юстиции по г. Хлынову № 14216).

40 Расколоучитель игумен Феоктист, проживавший у епископа Александра, в послании к известной боярыне Морозовой в 1665 г. вместе с просьбою заступничества пред государем за гонимого патр. Никоном Вятского епископа писал: «отцу епископу Александру келейный покой нужен зело нестроения ради епископии; домовые его приказные и всяких чинов люди живут у посадских людей по подворьям; месяц поживши или два, да на другой двор переходят по нужде, что градские люди в Хлынове грубы и самочинны, с бесчестием ссылают епископских людей с дворов; потому что епископия тут ново, а епископским людям под дворы места не отведено, и чем им дворишка построить государской милости нету» (Матер. для ист. раск. I стр. 311). Отвод земли в г. Хлынове для постройки дворов епископским людям начался с 1668 года и закончился летом 1669 года. По царской грамоте и по взаимному договору епископа с местным воеводою отведено у земляного валу подле городовой стены между Московскою и Никитскою улицами под епископские дворы и под огород всей земли 100 сажен в длину и 96 1/2 сажен поперек; домовый штат епископа тогда состоял из 2 приказных дьяков Ивана Бачюрихина и Максима Суворова, 29 человек служащих, в составе их протодьякон, боярские дети, подьячие; подьякон и певчие дьяки, и 16 человек низших служителей – приказных сторожей и слуг; ключника, приспешника, повара и конюшего. (Грамота с подробною выписью дела об отводе дворового места, выданная епископу Александру 29 сентября 1669 г. в арх. мин. юст. по г. Хлынову № 14225). В апреле 1670 г. у епископа Александра возникло спорное дело со властями Трифонова Успенского

монастыря из-за земель и крестьян; дело это доходило до государя и по получении царского указа о производстве судебного расследования окончилось мировою сделкой между спорившими сторонами и согласием их разделить спорную землю и живших на ней крестьян по крепостям пополам, а крестьянам, поселившимся вновь после составления писцовых книг и переписей, предоставить свободу остаться или за епископом или за монастырем; та и другая тяжущаяся сторона выдали друг другу свои договорные грамоты. (Обе грамоты там же за №№ 14230 и 14231).

41 Деяние собора 1667 г. изд. в «Матер. для ист. раскола» т. II стр. 376–382.

42 Поставление митр. Феодосия совершено в праздник вознесения Господня в присутствии государя; молитву над главою митрополита читал Антиохийский патриарх Макарий (Доп. к акт. ист. V стр. 107).

43 Грамота издана в «Мат. для ист. раскола» II стр. 426–430. При отъезде митр. Феодосия на свою епархию от имени его составлено Симеоном Полоцким красноречивое архипастырское послание к новой пастве; оно находится в рук. сбор. Моск. синод. библ. № 130 л. 194–197.

44 Доп. к Акт. ист. V стр. 109.

45 Акт. истор. IV №№ 195 и 196. Доп. к акт. истор. V стр. 127 и 142.

46 Настольная грамота митр. Филарету издана в «Древ. Рос. вивлиоф.» ч. XVIII стр. 111–113, см. и «Историю нижегородской іерархіи» Макарія нынѣ архіепископа донского) СПБ. 1857 г. стр. 3–7.

47 Источники для истории соборных рассуждений 1681–1682 года не все еще изданы в печати; интересные дополнения к ним находятся в рукописных столбцах Московского главного архива министерства иностранных дел («Духовные дела» картон 8).

48 Собран. государ. грам. и договоров IV № 131 и Акт. ист. V № 75 стр. 109–110.

49 Суздальская, Вологодская, Коломенская.

50 Роспись этих округов и епархий приведена в «Собр. госуд. грам. и договоров» IV ст. 393–394.

51 Клятвенное святительское обещание, данное и подписанное Никитою в день своего посвящения, сохранилось в сборнике московской синодальной библиотеки № 55 по дополнительному каталогу (л. 76).

52 Собр. госуд. грам. и догов. IV стр. 392–393.

53 Строева «Списки иерархов» стр. 56 и 1032.

54 Этот второй царский проект с росписью епархий издан в «Собр. госуд. грам. и догов.» IV № 128 (стр. 391–393). По этому проекту в патриаршем округе предложено открыть 10 епископий вместо 20, в митрополиях: Новгородской 5 епископий вместо 10; Казанской 2, Астраханской 1, Сибирской 3, Ростовской 2, Псковской 1, Смоленской 2, Тверской 1, Вятской 2, Нижегородской 1, Рязанской 3, и Белгородской 1. Новые епископии, не означенные в первом проекте предложено открыть в Саратове и Муроме.

55 Письмо государя на 4 столбцах в рукописи архив. мин ин. дел под заглавием: «7190–1682 г. февраля 6. Концепт определения об именовании архиереев теми городами, кои в России имениты суть и о прибавке в Сибирскую епархию для её пространства архиереев».

56 Роспись содержания епископов издана вместе с росписью самих епархий, предложенных царем к открытию по второму проекту от 17 ноября 1681 г. (Собр. госуд. грам. и дог. IV стр. 391–393). Число монастырей и дворов не для всех епархий в росписи означено одинаковым; меньшее число дворов (всего 82) назначено для Кунгурского епископа в Вятской митрополии, большее назначалось для епископа в Городце (539 дворов) в Новгородской митрополии и для Угличского епископа (559 дворов) в Ростовской митрополии; в росписи значатся и такие епархии, содержание которых за неимением достаточных монастырей и дворов государь обещал устроить на счет своей казны, из своих государевых земель и угодий.

57 В сохранившихся столбцах (Москов. арх. иностр. дел) под росписью содержания епархий в Новгородской и Казанской митрополиях имеются в конце на особых листках отметки. На одном листке: «р Ч г. февраля в 6 день таково письмо и под письмом епископом со удовольством роспись написаны в полудестевую тетрать и чтено святейшему патриарху и всем властен у св. патриарха в хоромах, и та тетрать после прочитанья поднесена ему св. патриарху сего же вышеписанного числа в понедельник ». Под этою отметкою следует другая: «Таковыжъ тетратки написаны принял Ларион Иванович февраля тогож числа, толко Звенигорода в них неписано по евож приказу». На другом листке: «И рч г. февраля в 8 день по указу великого государя отдано при св. патриархе в крестовой митрополитам писмо о епископех, где им в их епархиях быть и чем довольствоватись, Новгородскому, Ростовскому, Псковскому, Нижегородскому, Резанскому таковы, каково на листу написано выше сего, а остались еще изготовленные такие ж письма и не отданы Казанскому, Астраханскому, Сибирскому, Смоленскому, Тверскому, Вятскому, Белгородскому».

58 По этому вопросу на соборе было составлено и рассматривалось «Описание по справкам о расстоянии городов, в коих учреждаются епископы вновь, и о показании, какими монастырями им владеть» (Рукоп. в арх. иностр. дел на 4 столбцах крупного письма).

59 Список с челобитной в рукописи архива на 6 столбцах; время подачи её государю отнесено к 8 числу февраля, и рукописная редакция её значительно разнится от печатной редакции в окончательном определении собора 1682 г. (Акт. истор. V стр. 110–111). Вслед за челобитной в рукописи приведено сравнение первого царского предложения об умножении епархий от 2 сентября 1681 г. со вторым от 27 ноября того же года и указано в каких городах по второму предложению не назначены архиереи (Ср. и «Собр. госуд. грам. и догов.» IV № 128). В рукописях архива иностранных дел имеются и черновые записи других царских предложений патриарху и собору, которые были предметом соборных рассуждений и ответы на которые изданы в печати (А. ист. V № 75 стр. 111–118); так здесь сохранились 1) концепты 15 предложений царских и ответы на них собора» (в столбцах) и 2) концепт письма царского патриарху и собору на 18 листах и в 6 статьях, т. е. о раскольниках, о монастырях, о хмельном питии, о посвящении зарубежных попов, о чиновной книге и присяге, о ружной милостыне; на верху первого листа последней рукописи припись: «таково писмо написано вдвое в тетрати полудестовыя февраля в 8 день и поднесено св. патриарху одна тетрать и всем властем в крестовой сего же вышеписаннаго числа». Редакция этих царских вопросов и соборных на них ответов также разнится от редакции печатной.

60 А. ист. V стр. 110–111.

[61] На архиепископию Устюжскую и Тотемскую рукоположен 12 марта 1682 г. Геласий, архимандрит Хутынский; на архиепископию Холмогорскую и Важскую 18 марта (а не 19-го – как сказано у Строева) поставлен Афанасий иеромонах церкви 12 апостолов на патриарших сенях; на епископию Тамбовскую 26 марта посвящен Леонтий, игумен Покровского-Авраамиевского Городецкого монастыря; на епископию Воронежскую 2 апреля того же 1682 г. хиротонисован святитель Митрофан, игумен Макарьевского Унженского монастыря (Строев «списки иерархов» СПБ. 1877 г. стр. 734, 813, 837 и 891). В рукописном сборнике Московской синодальной библиотеки № 55 сохранились подлинные присяжные архиерейские листы, собственноручно подписанные означенными святителями в день их посвящения и с указанными выше датами (л. 116, 130, 143 и 153 об.).

[62] Архив юго-западной России ч. I т. V стр. 147–154 и документы здесь под №№ LXIX–LXXI.

[63] Рукописный хронограф Московской синодальной библиотеки № 151 л. 989–990; на обороте последнего листа отмета: «из патриаршей спальни сундук 41». Сведения о числе церквей в епархиях за 1701 год, приведенные в «Истории русской церкви» Филарета, архиепископа Черниговского (Период стр. 17 примеч. 34), неполны и не везде согласны с указанною.